

**ГАРРИ
ГАРРИСОН**

**Фантастическая
сага**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»**

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Гарри Гаррисон

Фантастическая сага

«Азбука-Аттикус»

1967, 1965, 1969

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Гаррисон Г.

Фантастическая сага / Г. Гаррисон — «Азбука-Аттикус», 1967, 1965, 1969 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-18492-3

Гарри Гаррисон (Генри Максвелл Демпси) – один из творцов классического «ядра» мировой фантастики, создатель бессмертных циклов о Язоне динАльте и Джиме ди Гризе по прозвищу Стальная Крыса, автор культовых романов «Подвиньтесь! Подвиньтесь!» и «Фантастическая сага», грандмастер премии «Небьюла», рыцарь ордена святого Фантония и вообще человек, имевший привычку оставлять яркий след на любом поприще – от иллюстраторского мастерства до продвижения эсперанто. В настоящий сборник вошли лучшие «сольные» романы автора, отражающие самые разные грани таланта этого замечательного фантаста. Тема путешествий во времени представлена знаменитой «Фантастической сагой» – романом о том, как ушлые киношники Голливуда вытаскивают из прошлого викинга и заставляют его открыть Америку. «Билл – герой Галактики» – фантастическая пародия на американскую, да и любую армию в мире. В «Космическом враче» и «Плененной Вселенной» главный герой, наряду с действующими в романах персонажами, – Космос. В фантастическом детективе «Подвиньтесь! Подвиньтесь!» писатель окунает нас в постапокалиптическое будущее Америки.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-18492-3

© Гаррисон Г., 1967, 1965, 1969

© Азбука-Аттикус, 1967, 1965, 1969

Содержание

Фантастическая сага	7
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	39
Глава 8	45
Часть вторая	52
Глава 9	52
Глава 10	60
Глава 11	64
Глава 12	70
Часть третья	77
Глава 13	77
Глава 14	83
Глава 15	90
Глава 16	95
Глава 17	100
Глава 18	105
Глава 19	110
Билл – герой Галактики	114
Часть первая	114
1	114
2	117
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Гарри Гаррисон

Фантастическая сага

Harry Harrison
The Technicolor® Time Machine
Bill, The Galactic Hero
Spaceship Medic
Captive Universe
Make Room! Make Room!

© 1967 by Harry Harrison

© 1965 by Harry Harrison

© 1969 by Harry Harrison

© 1969 by Harry Harrison

© 1966 by Harry Harrison

© И. Г. Почиталин (наследники), перевод, 1970

© С. Соколов, перевод, 1991

© С. В. Гонтарев, Е. К. Фомченко, перевод, 1991

© А. А. Александрова, перевод, 1991

© П. В. Жуков, перевод, 1993

© С. А. Хренов (наследники), перевод, 1993

© В. В. Еклерис, иллюстрации, 2014, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Фантастическая сага

Часть первая

Глава 1

– Господи, как я попал сюда? Как только я позволил втравить себя в такую историю? – простонал Л. М. Гринспэн, чувствуя, как после недавнего обеда начинает подавать признаки жизни застарелая язва желудка.

– Вы находитесь здесь, Л. М., потому что вы дальновидный и смелый бизнесмен. Или, если подойти с другого конца, потому что вам приходится хвататься за соломинку, а если вы не примете срочных мер, то ваш кинотрест «Клаймэктик студияз» бесследно исчезнет. – Барни Хендриксон попыхивал сигаретой, которую он зажал между пожелтевшими от никотина пальцами, и рассеянно смотрел в окошко из «роллс-ройса», мчавшегося по дну бетонного каньона. – Или, если сформулировать по-иному, вы вкладываете один час вашего драгоценного времени в осмотр изобретения, которое спасет вашу студию от банкротства.

Все внимание Л. М. было поглощено деликатной процедурой раскуривания контрабандной гаванской сигары: он отрезал ее конец золотой карманной гильотинкой, лизнул отслоившийся табачный лист и стал обжигать ее над крохотным огнем, пока не раскурил. Потом он спокойно затянулся, и изящная зеленая сигара ожила в его руках. Автомобиль с тяжеловесной легкостью затормозил у края тротуара, и шофер бежал вокруг машины, чтобы открыть дверцу. Л. М. подозрительным взглядом окинул окрестности, не сдвинувшись с места.

– Трущоба. Разве может быть в такой дыре чудо, которое спасет от краха мою студию?

Барни сделал безуспешную попытку вытолкнуть из машины неподвижное, покоящееся тело.

– Не спешите с выводами, Л. М. В конце концов, кто бы осмелился предсказать, что сопливый мальчишка из трущоб Ист-Сайда в один прекрасный день станет владельцем самой большой в мире киностудии?

– Ты что, переходишь на личности?..

– Давайте не будем отвлекаться, – настаивал Барни. – Сначала войдем в дом, посмотрим, что покажет нам профессор Хьюитт, и только потом примем решение.

Л. М. неохотно вылез из машины и, ступив на потрескавшийся асфальт тротуара, позволил подвести себя к двери низкого полуразвалившегося дома. Барни, поддерживая его под локоть, нажал на кнопку звонка. Ему пришлось еще два раза нажать на кнопку, прежде чем перекосившаяся дверь со скрипом отворилась и на них воззрился маленький человечек с огромной лысой головой и очками в массивной оправе.

– Профессор Хьюитт, – произнес Барни, проталкивая вперед Л. М., – позвольте представить вам человека, о котором я говорил на прошлой неделе, – директора «Клаймэктик студияз» мистера Л. М. Гринспэна собственной персоной.

– Да-да, конечно, заходите. – Профессор заморгал и сделал шаг в сторону, пропуская гостей.

Как только дверь за его спиной закрылась, Л. М. с тяжким вздохом покорился и разрешил Барни провести себя вниз по скрипучим деревянным ступенькам. Войдя в подвал, он остановился, глядя на длинный ряд электрических приборов и аппаратов, закрученных спиралями проводов и гудящих динамо-машин.

– Что это? Декорации к фильму о Франкенштейне?
– Профессор сейчас объяснит нам, – сказал Барни, подтолкнув вперед профессора Хьюитта.

– Это труд всей моей жизни, – начал профессор, махнув рукой куда-то в сторону туалета.
– Вот как? Интересно, что же это за труд?
– Профессор подразумевает машины и аппараты, он просто не совсем точно указал направление, – поспешил объяснить Барни.

Профессор Хьюитт не слышал их разговора. Склонившись над контрольной панелью, он что-то налаживал. Внезапно раздался тонкий пронзительный свист, который все усиливался, и из массивного аппарата у стены полетели искры.

– Вот! – произнес профессор, указывая драматическим жестом, теперь уже более точным, на металлическую платформу, укрепленную на массивных изоляторах. – Это сердце времеатрона, где и происходит перемещение вещества. Я не буду вдаваться в математику или говорить об устройстве времеатрона, которое исключительно сложно. Полагаю, что его работа говорит сама за себя.

Профессор наклонился, пошарил под столом, извлек оттуда пивную бутылку, покрытую толстым слоем пыли, и поставил ее на металлическую платформу.

– А что это за времеатрон? – подозрительно спросил Л. М.
– Минутку терпения, господа. Сейчас я продемонстрирую его в действии. Итак, я помещаю в сферу действия поля простой предмет и включаю аппарат, образующий темпоральное поле. Смотрите.

Хьюитт включил рубильник, электрический ток устремился через стоящий в углу трансформатор к машине, рев динамо перешел в пронзительный визг. Лампы на контрольной панели ослепительно засверкали, и воздух наполнился резким запахом озона.

Пивная бутылка на неувловимое мгновение исчезла, и шум машины затих.

– Вы заметили перемещение? Эффектно, не правда ли? – Профессор, сияя от самодовольства, вытянул из рекордера длинную бумажную ленту с чернильными разводами. – Вот смотрите, здесь все запечатлено. Бутылка семь микросекунд была в прошлом и затем снова вернулась в настоящее!.. Что бы ни говорили мои враги, я добился успеха! Мой времеатрон действует! Я назвал свою машину «времеатрон» от сербского «время» – в честь моей бабушки, родившейся в Мали-Лозине. Итак, вы видите перед собой действующую машину времени!

Л. М. вздохнул и собрался было уходить.

– Чокнутый, – сказал он.

– Выслушайте же его до конца, Л. М. У профессора есть оригинальные идеи. Он согласился работать с нами только потому, что все научные учреждения и благотворительные фонды отказались финансировать дальнейшую работу над его машиной. Профессору нужны средства для ее усовершенствования.

– В мире каждую минуту рождается один такой изобретатель. Пошли, Барни.

– Да выслушайте вы его, Л. М., – умолял Барни. – Пусть он покажет вам эксперимент с посылкой бутылки в будущее. Слишком уж это впечатляет.

– Я должен обратить ваше внимание на то, что любой предмет на пути в будущее преодолевает мощный темпоральный барьер, и для этого требуется несравненно большее количество энергии, чем при перемещении того же предмета в прошлое. Но все же я могу продемонстрировать этот эксперимент. Прошу вас, внимательно следите за бутылкой.

Еще раз чудо электронной техники столкнулось с силами времени, и в наэлектризованном воздухе заплясали искры. Пивная бутылка чуть заметно дрогнула.

– Пока. – Л. М. повернулся и начал подниматься по лестнице. – Между прочим, Барни, ты уволен.

– Вы не можете уйти вот так, Л. М., не дав профессору возможности объясниться, а мне – рассказать о моих планах. – Барни сердился – сердился на себя, на киностудию, где он работал, находившуюся на грани банкротства, на слепоту директора, на тщету всех человеческих стремлений, на банк, закрывший его счет. Он кинулся вслед за Л. М. и выхватил у него из рта дымящуюся гаванскую сигару. – Сейчас мы проведем настоящий эксперимент, такой, что вы оцените его по достоинству!

– Эти сигары – по два доллара за штуку! Сейчас же верни...

– Я вам ее отдам, но сначала посмотрите... – Барни швырнул на пол бутылку и положил дымящуюся сигару на платформу. – Какой из приборов регулирует входную мощность? – повернулся он к Хьюитту.

– Вот это – ручка входного реостата, но зачем это вам? Если вы увеличите уровень температурного перемещения, то оборудование выйдет из строя, раз – и все!

– Можно купить новое оборудование, но, если нам не удастся убедить Л. М., вы на мели, сами понимаете. Итак, вперед!

Барни оттолкнул протестующего профессора в сторону и включил реостат на полную мощность. На этот раз эффект был потрясающим. Рев динамо-машины перешел в смертельно пронзительный визг, от которого чуть не лопнули барабанные перепонки, лампы на панели засверкали всеми огнями ада все ярче и ярче, по металлическим поверхностям забегали электрические разряды, а волосы присутствующих встали дыбом, и из них посыпались искры.

– Через меня идет ток! – заревел Л. М., и в этот момент напряжение достигло предела, лампы на панели, ослепительно сверкнув, лопнули, и в подвале воцарилась полная темнота.

– Смотрите вот сюда! – закричал Барни, щелкая зажигалкой и поднося ее к машине.

Платформа была пуста. Сигара исчезла!

– Ты должен мне два доллара!

– Смотрите, смотрите! По крайней мере две секунды, три, четыре... пять... шесть... семь...

Внезапно на платформе появилась все еще дымившаяся сигара. Л. М. живо схватил ее и как следует затянулся.

– Ну хорошо, это машина времени, теперь я верю. Но какое она имеет отношение к производству фильмов или к спасению моей студии от банкротства?

– Позвольте мне объяснить...

Глава 2

В кабинете Л. М. сидели шесть человек, расположившихся полукругом перед письменным столом директора.

– Запереть дверь и перерезать телефонные провода! – распорядился Л. М.

– Сейчас три часа утра, – запротестовал Барни, – кто будет подслушивать в такую рань?

– Если об этом пронюхают банки, я разорен – пиши пропало до самой смерти, а может быть, и дольше. Перережьте провода!

– Позвольте, я займусь этим, – сказал Эмори Блестэд, вставая со стула и доставая из нагрудного кармана отвертку с ручкой, обмотанной изоляционной лентой: в «Клаймэктик студиях» он возглавлял технический отдел. – Вот оно, решение загадки! За последний год мои ребята в среднем по два раза в неделю чинили в этом кабинете перерезанные провода!

Работа спорилась в его руках: он быстро снял крышки с соединительных коробок, и вот уже все семь телефонов, селектор, сеть телевидения и телепринт разъединены. Л. М. Гринспэн внимательно следил за ним и не произнес ни единого слова, пока своими глазами не убедился в том, что все десять проводов безжизненно повисли.

– Докладывайте! – рявкнул он, ткнув пальцем в направлении Барни Хендрикса.

– Итак, все готово и можно приниматься за дело, Л. М. Оборудование для времеатрона установлено в павильоне фильма «Сын чудовища женится на дочери монстра», и все расходы отнесены на бюджет фильма. Между прочим, машина профессора обошлась дешевле обычных декораций.

– Не отвлекайтесь!

– Ладно. Итак, последние съемки «чудовищного» фильма закончены в павильоне сегодня, то есть, я хотел сказать, вчера, и мы поспешили в темпе вынести оттуда все оборудование. Как только они ушли, мы тут же смонтировали времеатрон в кузове армейского грузовика из картины «Пифиси из Бруклина», профессор проверил оборудование и привел машину в полную готовность.

– Что-то не нравится мне эта история с грузовиком – его могут хватиться.

– Не хватятся, Л. М., мы обо всем позаботились. Во-первых, он считался избыточным армейским снаряжением и его хотели сбыть с рук. Во-вторых, недавно мы продали его через наш обычный канал сбыта, а здесь его приобрел Текс. Под нас не подкопаешься.

– Текс? Какой еще Текс? И кто вообще все эти люди? – с раздражением произнес Л. М., обведя подозрительным взглядом сидящих вокруг стола. – Ведь я же предупредил, чтобы об этой штуке знало как можно меньше людей – по крайней мере, до тех пор, пока мы не убедимся, что она действует. Если только банки пронюхают...

– Ну уж меньше и вовлечь невозможно, Л. М. Смотрите: я, профессор, которого вы знаете, Блестэд, ваш начальник технического отдела, проработавший на студии тридцать лет...

– Знаю, знаю... но кто эти трое? – Л. М. махнул рукой в сторону двух загорелых молчаливых людей, одетых в джинсы и кожаные куртки, и сидящего рядом с ними высокого нервного человека со светло-рыжими волосами.

– А, эти... Эти двое – трюкачи с нашей студии, Текс Антонелли и Даллас Леви.

– Трюкачи с нашей студии! Послушай, Барни, что за трюк ты собираешься выкинуть с этими ковбойскими мальчиками из Бронкса?

– Ради бога, не волнуйтесь, Л. М. Для нашего проекта понадобятся люди, на которых можно положиться и которые без лишнего шума в случае неприятностей найдут выход из положения. До прихода к нам Даллас служил в армии, а затем выступал в ролео. Текс тринадцать лет протрубил в морской пехоте, он инструктор по нападению и защите без оружия.

– А кто этот длинный?

– Это доктор Йенс Лин из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, филолог. – (Высокий мужчина рывком встал и отвесил короткий поклон в направлении письменного стола.) – Он специалист по германским языкам или по чему-то вроде этого. Он будет нашим переводчиком.

– Ну а теперь, когда вы стали членами нашей группы, вам понятно, насколько важен наш проект? – спросил Л. М.

– Мне платят денежки, – сказал Текс, – а я держу язык за зубами.

Даллас молча кивнул, соглашаясь с товарищем.

– Нам представляется удивительная возможность. – Лин говорил быстро, с легким датским акцентом. – Я взял отпуск на год и готов сопровождать экспедицию в качестве технического советника даже без предложенного щедрого гонорара. Ведь мы так мало знаем о разговорном старонорвежском...

– Ну хорошо, хорошо. – Л. М. поднял руку, удовлетворившись тем, что услышал. – Так какой же у нас план? Посвятите меня в детали.

– Сначала нам придется совершить пробное путешествие, – заметил Барни. – Надо посмотреть, работает ли машина профессора...

– Да я вас уверяю...

– ...и если она работает, мы сколотим съемочную группу, разработаем сценарий и затем отправимся снимать фильм прямо на месте. И на каком месте! Вся история открыта нам на широком экране! Мы сможем все заснять, записать звук...

– И спасем студию от банкротства. Ни тебе расходов на дополнительные съемки, ни декораций, ни стычек с профсоюзами...

– Эй, поосторожнее! – нахмурился Даллас.

– Конечно, речь идет не о вашем профсоюзе, – извинился Л. М. – Вся группа, которая отправится в прошлое из нашего времени, будет получать повышенную ставку с надбавками: я не имею в виду участников отсюда – на них мы сможем сэкономить, верно? А теперь отправляйся, Барни, пока у меня не остыл энтузиазм, и без хороших новостей не возвращайся.

Их шаги, стук каблучков по бетонной дорожке, гулко отдавались от гигантских звуковых стен в огромном помещении, а тени тянулись за ними сначала сзади, а потом выбрасывались вперед, когда они проходили через ярко освещенные круги под редкими лампами. Тишина и одиночество заброшенных студий внезапно напомнили им о величии их замысла, и они инстинктивно приблизились друг к другу, почти соприкасаясь плечами. Перед входом в здание стоял сторож; увидев их, он поздоровался, и его голос разбил мрачные чары тишины.

– Закрыто и опечатано, сэр, никаких происшествий!

– Отлично, – одобрительно отозвался Барни. – Возможно, мы останемся внутри до утра – секретная работа. Смотрите, чтоб никто из посторонних нам не помешал.

– Я уже сказал об этом капитану, и он предупредил ребят.

Барни запер за собой дверь, и тотчас же под крышей вспыхнули ослепительные солнца ламп. Огромное помещение пакгауза было почти пустым, если не считать нескольких пыльных листов фанеры в дальнем углу и грузовика грязно-оливкового цвета с белой армейской звездой на дверце кабины и брезентовым верхом.

– Батареи и аккумуляторы заряжены, – объявил профессор Хьюитт, взобравшись в кузов грузовика и покрутив несколько ручек. Затем он разъединил массивные кабели, тянувшиеся от зарядного устройства к выводам на стене, и забросил их в грузовик. – Садитесь, джентльмены, мы можем начать эксперимент когда угодно.

– Может быть, мы назовем это не экспериментом, а как-нибудь иначе? – с беспокойством спросил Эмори Блестэд. Он вдруг начал жалеть, что ввязался в это предприятие.

– Я, пожалуй, сяду в кабину – там удобнее, – сказал Текс Антонелли. – Мне пришлось водить вот такой же шестиосный все время, пока я служил на Марианах.

Один за другим участники экспедиции забрались вслед за профессором в кузов грузовика, и Даллас закрыл откидной борт. Ряды электронного оборудования и генератор, спаренный с двигателем внутреннего сгорания, занимали большую часть кузова, и участникам пришлось сесть на ящики с припасами и оборудованием.

– У меня все готово, – объявил профессор. – Может быть, для первого раза побываем в тысяча пятисотом году?

– Нет! – Барни был непреклонен. – Установите на своих приборах тысячный год, как договорились, и отправляемся.

– Но расход энергии будет меньше, и риск...

– Не трусьте в последнюю минуту, профессор. Нам необходимо перенестись как можно дальше в прошлое, чтобы никто не мог опознать нашу машину и причинить нам какие-нибудь неприятности. К тому же мы решили снимать фильм о викингах, а не делать новый вариант «Собора Парижской Богоматери».

– Действие «Собора Парижской Богоматери» происходит не в шестнадцатом веке, а гораздо раньше, – заметил Йенс Лин. – Я бы сказал, что события происходят в средневековом Париже примерно...

– Профессор, – заворчал Даллас, – если мы собираемся куда-то отправиться, давайте кончим трепаться и поехали. Всякая ненужная задержка перед битвой подрывает боевой дух войск.

– Вы совершенно правы, мистер Леви, – отозвался профессор, и его пальцы забегали по кнопкам контрольной панели.

– Итак, тысяча лет от Рождества Христова – пожалуйста! – Он выругался и стал нащупывать кнопки. – Так много липовых переключателей и приборов, что я совсем запутался, – пожаловался профессор.

– Пришлось тут кое-что прибавить, чтобы потом использовать эту штуковину для съемки фильма ужасов, – извиняющимся тоном сказал Блестэд. Голос его звучал как-то странно, лицо покрылось каплями пота. – Она должна была выглядеть более реалистично.

– И для этого вы сделали ее похожей черт знает на что? – сердито пробормотал профессор Хьюитт, заканчивая приготовления.

В следующее мгновение его рука потянулась к многополюсному рубильнику и перевела его вперед.

Под воздействием внезапной нагрузки частота генератора снизилась, звук стал ниже и надсаднее, электрический разряд затрещал, холодные искры заплясали по всем открытым поверхностям, и люди почувствовали, как волосы на их головах встают дыбом.

– Что происходит? – раздался дрожащий голос Йенса Лина.

– Абсолютно ничего, – спокойно отозвался профессор Хьюитт, регулируя что-то на контрольной панели. – Это всего лишь вторичное явление, статический разряд, не имеющий никакого значения. Сейчас происходит накопление временного поля, вы должны это чувствовать.

Они действительно почувствовали что-то, явственно ощутили, как их тела охватывает какая-то неприятная клейкая субстанция, как растет напряжение.

– У меня такое ощущение, будто мне в пупок вставили огромный ключ и заводят мои кишки, – заметил Даллас.

– Я просто не могу так здорово выразиться, – заметил Лин, – но и у меня те же симптомы.

– Переключил на автомат, – сказал профессор, утопив одну из кнопок и отойдя от пульта управления. – В ту микросекунду, когда поле достигнет своего максимума, селеновые выпрямители автоматически включатся. Вы сможете следить за процессом по этой шкале. Как только стрелка достигнет нуля...

– Двенадцать, – сказал Барни, всматриваясь в шкалу, потом отвернулся от нее.

– Девять, – донесся голос профессора. – Поле быстро растет. Восемь... семь... шесть...

– А как насчет надбавки за боевые условия? – спросил Даллас, но никто даже не улыбнулся.

– Пять... четыре... три...

Напряжение стало ощутимым физически, оно стало частью машины, частью их самих. Никто не мог пошевелиться. Шесть пар глаз уставились на движущуюся красную стрелку, а профессор продолжал:

– Два... один...

Они не услышали слова «нуль», потому что в этот момент даже звук остановился. Что-то произошло с ними, что-то неуловимое и настолько из ряда вон выходящее, что в следующую секунду никто не мог вспомнить, что это было и каковы были их ощущения. В то же мгновение свет прожекторов в пакгаузе померк; тьму раздвигало лишь тусклое сияние трех рядов циферблатов и шкал на контрольной панели. Пространство за открытым задним бортом грузовика, где мгновение назад виднелось ярко освещенное помещение пакгауза, теперь было серым, бесформенным, однообразным – не на чем было глазу остановиться.

– Эврика! – крикнул профессор.

– Не выпить ли нам? – спросил Даллас, извлекая кварту хлебного виски из-за ящика, на котором он сидел, и тут же последовал собственному совету, нанеся заметный ущерб содержимому бутылки.

Кварта начала переходить из рук в руки, даже Текс высунулся из кабины сделать глоток, и все хлебнули для храбрости, за исключением профессора. Он же был слишком занят своими приборами и что-то радостно бормотал под нос.

– Да-да, несомненно, определенно перемещает в прошлое... скорость легко контролируется... теперь и физическое перемещение возможно... Космическое пространство или Тихий океан... для нас не подходят... не подходят... – Профессор взглянул под козырек серебристого экрана и что-то отрегулировал. Затем он повернулся к остальным. – Господа, теперь держитесь покрепче. Хотя я и старался как можно точнее угадать уровень почвы в месте прибытия, но с избыточной точностью шутки плохи. Мне бы не хотелось доставить вас под землю, поэтому вполне возможно падение с высоты нескольких дюймов. Все готовы? – Профессор потянул за ручку рубильника.

Сначала о землю ударились задние колеса, а в следующее мгновение на грунт со страшным шумом рухнули и передние. Все попадали друг на друга. Яркий солнечный свет ворвался через открытый задник и заставил всех прищуриться. Свежий соленый ветерок принес откуда-то издалека шум прибоя.

– Черт меня побери! – бормотал Эмори Блестэд.

Серая пелена позади грузовика исчезла, и вместо нее, окаймленный брезентом, подобно гигантской картине, показался каменистый океанский берег, о который разбивались огромные волны. Низко над берегом, крича, парили чайки, и два испуганных тюленя с фырканьем бросились в воду.

– Что-то я не узнаю эту часть Калифорнии, – сказал Барни.

– Это Старый, а не Новый Свет, – с гордостью ответил профессор Хьюитт. – Точнее, Оркнейские острова, где в тысяча третьем году существовало множество поселений норвежских викингов. Вас, несомненно, удивляет способность времематрона осуществлять не только темпоральное, но и физическое перемещение, однако существует фактор...

– С тех пор как Гувер был избран президентом, меня уже ничто не удивляет, – сказал Барни. Он почувствовал себя в своей тарелке после того, как они наконец прибыли куда-то – или в когда-то. – А теперь за работу. Даллас, подними полог брезента спереди, чтобы нам видеть, куда ехать.

В следующее мгновение перед ними открылся каменистый берег – узкая полоса земли между пенящимся прибоем и отвесными скалами. Примерно в полумиле от грузовика торчал мыс, а за ним ничего не было видно.

– Заводи! – крикнул Барни, наклонившись к кабине. – Давай посмотрим, что там дальше на берегу!

– Точно, – откликнулся Текс, нажимая на кнопку стартера.

Мотор заворчал и ожил. Текс включил первую скорость, и грузовик, покачиваясь на камнях, двинулся вперед.

– Хотите? – спросил Даллас, протягивая пистолетную кобуру с ремнем.

Барни с неприязнью посмотрел на оружие.

– Попридержи его. Я, наверно, застрелю себя или кого-нибудь из окружающих, если буду играть с этой штукой. Отдай ее Тексу, и пусть у тебя под рукой будет винтовка.

– А разве нам не дадут оружия – для нашей же безопасности? – спросил Эмори Блестэд. – Я знаю, как обращаться с винтовкой.

– Ты дилетант, а мы собираемся строго придерживаться профсоюзных правил. Твое дело, Эмори, помогать профессору – времеатрон сейчас самая ценная вещь. Текс и Даллас позаботятся о вооружении – только так мы будем застрахованы от несчастных случаев.

– Ах ты черт! Вы только посмотрите! Неужели я вижу такую красоту собственными глазами? – Йенс Лин, захлебываясь от восторга, показывал вперед.

Грузовик объехал мыс, и перед ними открылся маленький залив. Грубая почерневшая ладья была вытащена на берег, а чуть выше, подальше от воды, находилась жалкая землянка, сложенная из камня и неровных кусков дерна, крытая тростником и водорослями. Берег казался пустынным, хотя из дыры в крыше землянки поднималась струйка дыма.

– Куда все подевались? – спросил Барни.

– Совершенно ясно, что появление ревушего грузовика напугало жителей и они спрятались внутри землянки, – объяснил Лин.

– Выключи мотор, Текс. Может быть, нам стоило взять с собой немного бисера или еще чего для торговли с туземцами?

– Боюсь, это не те туземцы, мистер Хендриксон...

Как бы в подтверждение слов Лина грубо сколоченная дверь землянки распахнулась, и из нее выскочил человек. С ужасным криком он прыгнул вверх, ударил топором с широким лезвием по щиту, висевшему на левой руке, и бросился бежать вниз по склону прямо к грузовику. Несколько огромных шагов – и он уже подбежал к экспедиции. На его голове был отчетливо виден черный рогатый шлем; белокурая борода и пышные усы развевались по ветру. Продолжая издавать невнятные звуки, воин начал грызть край щита. На его губах появилась пена.

– Как видите, он явно испуган, однако герою-викингу не подобает выказывать страх перед своими рабами и слугами, которые, несомненно, следят за ним из землянки. Поэтому он приводит себя в состояние неистовой ярости подобно берсеркеру...

– Может, подождем с лекцией, а, док? Ну-ка, Даллас и Текс, возьмитесь за этого парня, успокойте его, пока он чего-нибудь не сломал.

– Пуля в брюхо быстро его успокоит.

– Ни в коем случае! Студия не может себе позволить такую роскошь, как убийство, даже убийство при самообороне.

– Ну что ж, пусть будет по-вашему, но учтите: в контракте есть специальный параграф об особом вознаграждении за риск.

– Знаю, знаю! Берите быка за рога, пока не...

Слова Барни были прерваны глухим ударом и звоном разбитого стекла, сопровождавшимися громким победным воплем.

– Я понял, что он говорит! – радостно захихикал Йенс Лин. – Он хвалится, что выбил глаз чудовищу...

– Этот буйнопомешанный отрубил фару! – завопил Даллас. – Займись-ка им, Текс, отвлеки его чем-нибудь! Я сейчас вернусь.

Текс Антонелли выскользнул из кабины и кинулся прочь от грузовика. Викинг заметил его и тут же начал преследование. Пробежав около пятидесяти ярдов, Текс остановился и поднял с земли две круглые гальки величиной с кулак. Подбросив одну из них на ладони, словно это был бейсбольный мяч, Текс спокойно ожидал приближения своего яростного преследователя. Когда викинг приблизился к нему на пять ярдов, Текс швырнул камень, целясь в голову, и, как только щит взлетел вверх, чтобы отразить нападение, метнул второй камень прямо в живот викинга. Оба камня оказались в воздухе одновременно, и, пока первый, отскочив от щита, летел куда-то в сторону, второй попал викингу прямо в солнечное сплетение, и тот с шумным «уф!» опустился на землю. Текс отошел на несколько шагов и подобрал еще две гальки.

– Bleуoa!¹ – выдохнул поверженный воин, потрясая топором.

– Да и ты не лучше. Ну-ка, поднимайся!

– А теперь давай упакуем его, – предложил Даллас, который появился из-за грузовика, крутя веревочной петлей над головой. – Профессор трясется над своими железяками и хочет побыстрее смотаться отсюда.

– О'кей, сейчас мы это организуем.

Текс прибегнул к соленым морским выражениям, но ему не удалось преодолеть лингвистический барьер. Тогда он обратился к латинскому языку жестов, которым овладел еще в юности, и с помощью быстрых движений пальцев и рук сравнил викинга с рогоносцем, кастратом, приписал ему кое-какие грязные привычки и закончил предельным оскорблением – его левая рука ударила по правому бицепсу, отчего правый кулак подпрыгнул вверх. Очевидно, какое-то одно – а может быть, и не одно – из этих оскорблений имело свои корни в одиннадцатом веке, потому что викинг заревел от ярости и с трудом поднялся на ноги.

Текс стоял не двигаясь, хотя он казался пигмеем рядом с атакующим его гигантом. Топор взлетел вверх, но в то же мгновение Даллас бросил лассо и поймал им топор, а Текс подставил викингу подножку, и тот тяжело рухнул на землю. Как только викинг упал, Текс с Далласом оседлали его: один вывернул ему руки, а другой молниеносно обмотал его веревкой. Через несколько секунд викинг уже был беспомощен как младенец – руки его были заведены за спину и привязаны к ногам, а сам он ревел от бессильной ярости, пока Даллас и Текс волокли его по гальке к грузовику. В свободной руке у Текса был щит, а у Далласа – топор.

– Я должен поговорить с ним, – настаивал Йенс Лин. – Это редчайшая возможность!

– Мы не можем ждать ни минуты, – торопил их профессор, регулируя один из приборов верньерной ручкой.

– Эй, на нас нападают! – завопил Эмори Блестэд, указывая дрожащей рукой на землянку.

Толпа косматых оборванцев, вооруженных разнообразными мечами, копьями и топорами, атаковала грузовик.

– Пора уносить ноги, – распорядился Барни. – Бросьте этого доисторического лесоруба в кузов и поехали. Когда мы вернемся на студию, у вас будет уйма времени для разговора с этим парнем, док.

Текс прыгнул в кабину и, схватив с сиденья револьвер, разрядил его весь в сторону моря, включил двигатель, потом оставшуюся фару и дал гудок. Крики атакующих мгновенно сменились воплями страха, и враги, побросав свое оружие, бросились обратно к землянке. Грузовик развернулся и поехал обратно вдоль берега. Когда они приблизились к выступающему мысу, с другой стороны мыса раздался автомобильный сигнал. Текс едва успел свернуть вправо и въехал прямо в прибой, пропуская мчащийся навстречу им фырчащий грузовик оливково-защитного цвета.

– Извозчик! – крикнул Текс в окошко и дал газ.

Барни Хендриксон взглянул на проезжавший мимо по старому следу грузовик и, посмотрев в открытый задник, окаменел. Он увидел самого себя с насмешливой улыбкой на лице – он качнулся, когда грузовик подпрыгивал на камнях. В последний момент, когда автомобиль уже исчезал за поворотом, второй Барни Хендриксон в своем кузове, завидев двойника, приложил большой палец к носу и покачал рукой. Барни бессильно опустился на ящик.

– Вы видели? – с трудом выговорил он. – Что это такое?

– Весьма интересное явление, – сказал профессор Хьюитт, нажимая кнопку стартера на своем генераторе. – Время гораздо более пластично, чем я предполагал; оно позволяет удваивать, может быть, даже утраивать темпоральные линии мира. Или даже допускает существова-

---

¹ Трус! (старонорв.)

ние бесчисленного количества временных витков. Открывающиеся возможности просто невероятны...

– Может, вы перестанете нести эту абракадабру и объясните мне, что я видел? – оборвал его Барни, отрываясь от почти пустой бутылки.

– Вы видели самого себя, вернее, мы видели нас, когда мы будем... Боюсь, что грамматика английского языка не позволяет точно описать создавшееся положение. Может быть, правильнее сказать, что вы видели этот самый грузовик и себя в нем так, как это будет выглядеть немного позже. Я думаю, это достаточно просто для понимания.

Барни со стоном опустошил бутылку и вдруг вскрикнул от боли, когда пришедший в себя викинг изловчился и укусил его в лодыжку.

– Лучше кладите ноги на ящики, – предостерег Даллас, – он все еще психует.

Грузовик сбавил скорость, и из кабины донесся голос Текса:

– Мы приехали туда, откуда стартовали, вот здесь начинаются следы шин. Что дальше?

– Поставьте машину по возможности в то самое положение, в каком она была, когда мы сюда приехали, это облегчит мне наладку приборов. Итак, приготовьтесь, господа, мы начинаем наше обратное путешествие через время.

– Troll tali yor oll!² – крикнул викинг.

Глава 3

– Что случилось? – подозрительно спросил Л. М., когда участники экспедиции вошли в его кабинет и устало опустились на те же стулья, с которых они поднялись восемнадцать веков назад. – Что это значит – десять минут назад вы вышли из моего кабинета и спустя десять минут снова возвращаетесь?

– Это для вас десять минут, Л. М., – ответил Барни, – а для нас прошли часы. Машина профессора действует, так что самое первое и самое трудное препятствие мы преодолели. Теперь нам известно, что времематрон профессора Хьюитта работает даже лучше, чем можно было ожидать. Перед нами открыт путь к тому, чтобы перенести в прошлое целую съемочную группу и заснять исторически совершенно достоверный, полнометражный, широкоэкранный, реалистический, дешевый, высококачественный фильм. Наша следующая задача уже попроще.

– Сценарий.

– Вы правы, как всегда, Л. М. И получилось так, что у нас уже есть сценарий, очень реалистический, более того – патристический. Если я спрошу вас, Л. М., кто открыл Америку, что вы ответите?

– Христофор Колумб в тысяча четыреста девяносто втором году.

– Именно так думают все, но на самом деле честь ее открытия принадлежит викингам!

– Разве Колумб был викингом? А я-то всегда считал, что он из евреев.

– Бог с ним, с Колумбом! Еще за пятьсот лет до его рождения корабли викингов отплыли из Гренландии и открыли землю, которую они называли Винланд, – сейчас доказано, что это была Северная Америка. Первая экспедиция под предводительством Эрика Красного...³

– И думать забудь! Ты хочешь, чтобы нас занесли в черный список за выпуск коммунистического фильма?

– Пожалуйста, выслушайте меня до конца, Л. М. После того как Эрик открыл эту страну, туда приплыли викинги, создали поселение, построили дома и фермы, и все это под водительством легендарного героя Торфинна Карлсефни...

---

² «Да будете вы добычей троллей!» – старонорвежский эквивалент выражению «черт подери!».

³ То есть Эрика Рыжего.

– Ну что за имена! Их тоже придется менять. Я уже вижу центральную любовную сцену: «...поцелуй меня, мой милый Торфинн Карлсефни», – шепчет она. Нет, не пойдет. Не больно-то здорово, Барни.

– Нельзя переделывать историю, Л. М.

– А чем же еще мы занимались всю жизнь? Сейчас не время на меня наседасть. И это ты, Барни Хендриксон, который когда-то был моим лучшим директором и продюсером, пока эти вшивые кретины вконец не разорили нас! Возьми себя в руки! Первоочередная задача кино – совсем не воспитание. Мы продаем развлечения, и, если они никого не развлекают, их никто не покупает. Именно так я смотрю на вещи. Вы берете своего викинга, называете его Бенни, или Карло, или другим хорошим скандинавским именем и создаете сагу о его приключениях...

– Именно об этом я и думал, Л. М.

– ...например, о дне битвы, в которой он, конечно, побеждает. Но он не находит покоя, такой уж у него характер. Тогда он отправляется восвояси и открывает Америку, затем возвращается и говорит: «Смотрите, я открыл Америку!» И они делают его своим королем. Затем девушка с длинными белокурыми волосами – парик, конечно, – машет ему рукой каждый раз, когда он отплывает и обещает ей вернуться. И вот теперь он уже постарел, на висках седина, и шрамы на лице, он много страдал, и на этот раз, вместо того чтобы отплыть одному, он берет с собой девушку, и они вместе отплывают при пламенеющем закате в новую жизнь, как первые пионеры на Плимут-Рок. Ну как?

– Как всегда, потрясающе, Л. М. Вы не утратили своего таланта.

Барни устало вздохнул. Доктор Йенс Лин, у которого глаза чуть не выскочили из орбит, издал звук, как будто его душили.

– Но-но... ничего этого не было, все записано в летописях. И даже мистер Хендриксон не совсем прав, считается, что Винланд открыл Лейф Эрикссон, сын Эрика Рыжего. Здесь существуют две разные версии – одна взята из «Хаукбука», а другая из «Флатейярбука» и...

– Достаточно! – проворчал Л. М. – Ты уловил мою мысль, Барни? Даже если в исторических книгах все это немного по-другому, мы можем слегка подправить здесь и там, чуть-чуть изменить в других местах – и перед нами готовый сценарий. Кого ты прочишь на главные роли?

– Раф Хоук будет идеален в роли викинга, если только нам удастся его заполучить. А на женскую роль неплохо бы актрису с выразительными формами...

– Слайти Тоув. Она сейчас свободна, у нее простой. Последние две недели ее проныра-агент обивает пороги в моей конторе – вот откуда я узнал, что она на мели и обойдется нам по дешевке. Дальше тебе понадобится сценарист, используй для этого Чарли Чанга, у него с нами контракт. Он специалист по таким картинам.

– По библейским сюжетам – может быть, но не по историческим фильмам, – с сомнением сказал Барни. – И если уж говорить откровенно, «Вниз с креста», на мой взгляд, не фонтан. Или другой фильм – «Через воды Красного моря».

– Цензура зарезала, вот и все. Я сам одобрил оба сценария, и они были великолепны... – Внезапно за стеной раздался хриплый рев, и Л. М. замер на полуслове. – Слышали?

– Это наш викинг, – объяснил Текс. – Он все лез в драку, поэтому мы оглушили его, сковали и заперли в душевой вашего заместителя.

– Что еще за викинг? – нахмурился Л. М.

– Из местных жителей, – ответил Барни. – Он напал на грузовик, поэтому мы захватили его с собой, чтобы доктор Лин с ним поговорил. Поставщик информации.

– Тащите его сюда. Вот кто нам нужен – человек, который знаком с местной обстановкой и может ответить на наши вопросы о съемке фильма. До чего нужен туземец, который знает все ходы и выходы, особенно когда снимаешь на натуре!

Текс и Даллас вышли из кабинета и через несколько минут, на протяжении которых слышались звон цепей да звучные удары, ввели викинга. Он остановился на пороге, оглядывая комнату осоловелыми глазами; только тут удалось впервые внимательно рассмотреть его.

Викинг был огромный – почти семи футов ростом даже без рогатого шлема – и волосатый, как медведь. Спутанные белокурые волосы свисали ниже плеч, а пышные усы исчезали в волнах бороды, накрывавшей грудь. Его одежда состояла из грубошерстной куртки и штанов, причем все это скреплялось и удерживалось на месте целой системой кожаных ремней. От викинга исходил терпкий запах рыбы, пота и смолы, однако массивный золотой браслет на его руке не казался лишним. Глаза викинга, голубые, почти небесной синевы, свирепо смотрели на присутствующих из-под густых бровей. Он был избит и закован в цепи, но, очевидно, не сломлен, так как стоял с высоко поднятой головой, расправив плечи.

– Добро пожаловать в Голливуд, – обратился к нему Л. М. – Садитесь – налейте ему стаканчик, Барни, – и располагайтесь поудобнее. Как, вы сказали, вас зовут?

– Он не говорит по-английски, Л. М.

Лицо у Л. М. Гринспэна вытянулось.

– Да, Барни, я бы не сказал, что мне это нравится. Не люблю говорить через переводчиков – слишком медленно и ненадежно. О'кей, Лин, действуй, спроси его имя.

Йенс Лин забормотал себе под нос спряжения старонорвежских глаголов, а потом заговорил вслух:

– Hvat heitir maorinn?⁴

Из горла викинга вырвалось лишь рычание – он игнорировал вопрос переводчика.

– В чем дело? – нетерпеливо спросил Л. М. – Я думал, что ты болтаешь на его наречии. Он что, не понимает тебя?

– Необходимо терпение, сэр. Старонорвежский был мертвым языком почти тысячу лет, и мы знакомы с ним только на основании письменных источников. Единственный современный язык, который стоит ближе всего к старонорвежскому, – исландский, и сейчас я воспользовался исландским произношением и интонацией...

– Ну хорошо, хорошо. Мне не нужны лекции. Успокой его, умасли несколькими стаканчиками виски, и примемся за дело.

Текс подтолкнул стул к пяткам викинга, и тот опустился на него, свирепо озираясь вокруг. Барни взял бутылку «Джека Дэниелса» из бара, скрытого за поддельным Рембрандтом, и налил половину высокого коктейльного стакана. Но когда Барни поднес стакан к губам викинга, тот резко отдернул голову в сторону и зазвенел цепями, сковывающими запястья.

– Etir!⁵ – огрызнулся он.

– Он думает, что вы хотите его отравить, – объяснил Лин.

– Ну, разубедить его нетрудно. – Барни поднес стакан ко рту и сделал огромный глоток.

На этот раз викинг позволил поднести стакан к своим губам и начал пить. По мере того как содержимое стакана исчезало в глотке у викинга, его глаза открывались все шире и шире.

– Odoinn ok Fitalrigg!⁶ – радостно завопил он, выпив последнюю каплю и смахивая с глаз слезы.

– Еще бы это ему не понравилось – семь двадцать пять бутылка плюс налог, – проворчал Л. М. – Готов побиться об заклад, что там, откуда он явился, нет ничего подобного. Спроси-ка снова его имя.

Викинг нахмурился от напряжения, пытаясь понять вопрос, который повторяли ему и так и сяк, и наконец уловил, чего от него хотят.

---

⁴ Как твое имя? (старонорв.)

⁵ Яд! (старонорв.)

⁶ Один и Фрейя – скандинавские боги.

– Оттар, – ответил он.

– Ну вот, хоть какой-то прогресс, – отозвался Л. М. и бросил взгляд на часы. – Ведь уже четыре часа утра, а мне хотелось бы уладить это дело как можно скорее. Спроси этого Оттара о валютном курсе... Кстати, какими деньгами они пользуются, Лин?

– Дело в том, что... в основном у них меновая торговля, хотя упоминается серебряная марка...

– Именно это нам и нужно знать: сколько марок за доллар, и пусть он не пытается ссылаться на инфляцию. Мне нужны цены на свободном рынке, больше меня не проведешь, и, если понадобится, мы купим марки в Танжере...

Внезапно Оттар взревел, рванулся вперед, опрокинув свой стул и отшвырнув попавшего на пути Барни – тот грохнулся прямо на растения в горшках, – и сграбастал обеими руками бутылку виски. Он уже почти поднес ее к губам, когда кастет Текса опустился ему на затылок, и обмякшее тело викинга рухнуло на пол.

– Что это такое? – закричал Л. М. – Убийство у меня в кабинете? В нашей фирме и так хватает сумасшедших. Отвезите этого парня обратно и найдите мне другого, кто говорит по-английски; в следующий раз я хочу обойтись без переводчика.

– Ни один из них не говорит по-английски, – угрюмо проворчал Барни, осторожно извлекая из своего костюма шипы кактуса.

– Тогда научите его, но хватит с меня сумасшедших.

Глава 4

Барни Хендриксон подавил стон и дрожащей рукой поднял к губам бумажный стаканчик черного кофе. Он уже забыл, сколько часов – или веков – он не смыкал глаз. Затруднения возникали одно за другим, а рассвет следующего дня принес новые проблемы. Пока Барни потягивал кофе, голос Далласа Леви жужжал в телефонной трубке, подобно рассерженной осе.

– Согласен, Даллас, согласен, – прохрипел Барни едва слышно в ответ: после того как он выкурил подряд три пачки сигарет, его голосовые связки отказали. – Оставайся с ним и постарайся его успокоить... Около этих старых пакгаузов ни единой живой души... Ну хорошо, последние три часа ты получал двойную ставку... ладно, теперь получишь тройную, я дам расписку. Только не выпускай его из-под замка, пока мы не решим, что с ним делать. И передай доктору Лину, чтобы он пришел ко мне как можно быстрее. Пока.

Барни опустил телефонную трубку и попытался сконцентрировать свое внимание на лежащем перед ним листочке бумаги с бюджетом съемочной группы. Пока что чуть не около каждой строчки стояли вопросительные знаки – будет нелегко протащить этот бюджет через бухгалтерию. А что будет, если полиция разносит о том, что у них в старом пакгаузе заперт викинг? Может ли быть законным обвинение в похищении человека, умершего почти тысячу лет назад?

– Голова кругом идет, – пробормотал он и протянул руку за новым стаканом кофе.

Профессор Хьюитт, свеженький как огурчик, ходил взад и вперед по кабинету, крутил ручку карманной счетной машинки и записывал результаты в записную книжку.

– Ну как дела, проф? – спросил Барни. – Сможем ли мы послать в прошлое что-нибудь большее по размеру, чем наш грузовик?

– Терпение, наберитесь терпения. Природа раскрывает свои секреты очень неохотно, и открытие может не состояться лишь из-за того, что запятая в десятичной дроби оказалась не на месте. Ведь, кроме обычных четырех измерений физического пространства и времени, необходимо принять во внимание три дополнительных измерения: перемещение в пространстве, массу, кумулятивную ошибку, которая, по моему мнению, вызывается энтропией...

– Избавьте меня от деталей, проф, мне нужен всего лишь ответ.

Селектор на его столе загудел, и Барни велел секретарше провести доктора Лина прямо в кабинет. Лин отказался от предложенной сигареты и, согнув длинные ноги, опустился в кресло.

– Ну, выкладывайте дурные новости, – сказал Барни, – или это ваше обычное выражение лица? Неполадки с викингом?

– Как вы сами выразились, неполадки. Перед нами стоит проблема коммуникации, поскольку степень моего владения старонорвежским языком далека от совершенства и в придачу Оттар не проявляет никакого интереса к тому, о чем я пытаюсь с ним говорить. Тем не менее мне кажется, что с помощью известных поощрительных мер его можно убедить в том, что он должен овладеть английским языком.

– Поощрительных мер?..

– Денег или их эквивалента в одиннадцатом столетии. Подобно большинству викингов, он падок на деньги и готов на что угодно, лишь бы добиться высокого положения и богатства, хотя он, разумеется, предпочитает достичь этого с помощью убийств и насилия.

– С этим не будет никаких затруднений. Мы готовы платить ему за уроки, бухгалтерия уже разработала валютный курс – разумеется, в нашу пользу, – но как насчет времени? Вы можете научить его говорить по-английски за две недели?

– Это совершенно исключено! С человеком, который стремится овладеть языком, этого можно добиться, но не с Оттаром. Мягко выражаясь, у него полное отсутствие такого стремления, да плюс к тому он отказывается делать что бы то ни было, пока его не освободят. А это тоже немаловажно.

– Немаловажно! – сказал Барни и почувствовал вдруг непреодолимое желание вырвать у себя клочок волос. – Представляю себе этого волосатого психа с его топором на углу Голливуд-фривей и Вайн-стрит. Об этом не может быть и речи!..

– Если мне позволят внести предложение... – сказал профессор Хьюитт, внезапно прекратив свое бесконечное хождение и повернувшись к Барни. – Если доктор Лин вернется с этим аборигеном в его время, то у него появится отличная возможность вести обучение английскому языку в привычной для викинга обстановке, что должно ободрить и успокоить его.

– Однако это совсем не ободрит и не успокоит меня, профессор, – холодно заметил Лин. – Жизнь в те времена была жестокой и очень короткой.

– Я уверен, что можно принять предохранительные меры, доктор, – сказал профессор, возвращаясь к своим вычислениям. – Мне кажется, что филологические перспективы в данном случае значительно перевешивают фактор личной безопасности...

– В этом вы, несомненно, правы, – согласился Лин, устремив невидящий взгляд в дебри существительных, корней, падежей и склонений, давным-давно скрытых под пластами времени.

– ...не говоря уже о том, что в этом случае временной фактор может быть изменен так, как это нужно нам. Господа, мы можем сокращать время или растягивать его до бесконечности! Доктор Лин может потратить на обучение Оттара десять дней, десять месяцев или десять лет, оказавшись в эре викингов, а после того как мы вернемся за ним, с нашей точки зрения пройдет несколько минут.

– Двух месяцев будет достаточно, – огрызнулся Лин, – если вас интересует моя точка зрения.

– Ну вот и отлично, – сказал Барни. – Лин отправится в прошлое с викингом и научит его английскому языку, а мы прибудем со съемочной группой через два месяца по викингскому времени и приступим к съемкам фильма.

– Я еще не дал своего согласия, – ответил Лин. – Опасность...

– Интересно, насколько это приятно – быть величайшим и единственным во всем мире специалистом по старонорвежскому языку? – вкрадчиво спросил Барни, уже успевший приобрести некоторый опыт в общении с академическим умом, и отсутствующее выражение на лице

Лина показало, что стрела попала точно в цель. – Отлично! Подробности мы обдумаем позже. А теперь почему бы вам не отправиться к Оттару и не попробовать объяснить ему все это? Не забудьте упомянуть про деньги. Мы заставим его подписать контракт и включим статью о неустойке, так что вы будете в полной безопасности, пока у него не угаснет желание получать монеты.

– Ну, это можно, – согласился Лин, и Барни понял, что доктор пойман на крючок.

– Отлично! Отправляйтесь к Оттару и объясните, чего мы от него хотим, а пока вы будете его обрабатывать, я свяжусь с отделом контрактов и попрошу их составить один из тех, на первый взгляд законных, пожизненных каторжных контрактов, которыми они славятся. – Барни нажал на рычажок селектора. – Соедини-ка меня с контрактным, Бетти. И где же, наконец, мой бензедрин?

– Я звонила в амбулаторию час назад, – проквашал селектор.

– Позвони еще раз, если не хочешь, чтобы я протянул ноги после полудня.

Как только Йенс Лин вышел из кабинета, в дверях появился миниатюрный человек восточного типа с кислым выражением физиономии, одетый в розовые брюки, вишневого цвета рубашку и спортивную куртку из твида.

– Привет, Чарли Чанг! – рявкнул Барни, протягивая руку. – Не видел тебя сто лет.

– Действительно, сто лет, – согласился Чарли, широко улыбаясь и трясая протянутую руку. – Счастлив снова работать с тобой.

Они терпеть не могли друг друга, и, как только их руки освободились, Барни зажег сигарету, а на лице Чанга улыбка превратилась в обычную кислую гримасу.

– Что-нибудь наклеивается, Барни? – спросил он.

– Широкоэкранный фильм на три часа с солидным бюджетом, и ты – единственный человек, который мог бы написать сценарий.

– У нас уже иссякли все сюжеты, Барни, но я всегда считал, что «Песнь Соломона», полная секса, но без примеси порнографии, была бы...

– Сюжет для фильма уже выбран – совершенно новая идея об открытии Америки мореплавателями-викингами.

Выражение лица Чанга стало еще более кислым.

– Звучит неплохо, Барни, но ты же знаешь, на какие темы я пишу. Не думаю, что викинги по моей линии.

– Ты отличный писатель, Чарли, а это значит, что все по твоей линии. К тому же ты подписал контракт, – прибавил Барни, обнажая кинжал угрозы.

– Конечно, нельзя забывать о контракте, – холодно произнес Чарли. – Я всегда мечтал написать сценарий для исторического фильма.

– Великолепно! – воскликнул Барни, снова придвигая к себе листочек с бюджетом фильма. Дверь распахнулась, и рассыльный вкатил тележку, доверху нагруженную книгами. Барни показал на них: – Вот тебе из библиотеки все, что нужно по викингам, – быстренько просмотрю, и через минуту мы с тобой обсудим набросок сценария.

– Через минуту, да-да... – сказал Чарли, мрачно разглядывая несколько десятков толстенных томов.

– Пять тысяч семьсот семьдесят три и двадцать восемь сотых кубических фута с нагрузкой двенадцать тысяч семьсот семьдесят семь и шестьдесят две сотых килограмма при условии увеличения затрат энергии на двадцать семь целых две десятых процента, – внезапно сообщил профессор Хьюитт.

– О чем это вы говорите? – рявкнул Барни.

– Это те данные, о которых вы меня спрашивали: какой груз может быть перенесен врематроном в прошлое при увеличении подачи электроэнергии.

– Великолепно! А теперь не будете ли вы так любезны перевести это на обыкновенный язык?

– Грубо говоря... – Профессор закатил глаза и что-то быстро-быстро забормотал про себя на едином выдохе. – Я полагаю, что во времени и пространстве может быть перемещен груз весом в четырнадцать тонн и размерами двенадцать на двенадцать на сорок футов.

– Вот это понятнее. Похоже, сюда вместится все, что нам будет нужно в прошлом.

– Контракт, который вы просили, – сказала Бетти, опуская на письменный стол документ на восьми страницах.

– Хорошо, – сказал Барни, перелистав страницы хрустящей мелованной бумаги. – Пригласи сюда Далласа Леви.

– В приемной ждет мисс Тоув со своим импресарио. Ей можно войти?..

– Только не сейчас! Скажи ей, что у меня разыгралась проказа и я никого не принимаю. И где, наконец, мои бенни? Я не продержусь до полудня на одном кофе!

– Я уже три раза звонила в амбулаторию. Сегодня у них, кажется, не хватает персонала.

– Тогда лучше сходи сама и принеси бензедрин.

– Барни Хендриксон, я не видела тебя столько лет...

Эти слова, произнесенные хрипловатым голосом, пронеслись по кабинету, и в нем тотчас воцарилась тишина. Злые языки говорили, что Слайти Тоув обладает актерскими способностями марионетки, у которой порваны ниточки, умом чихуа-хуа и нравственностью Фанни Хилл. И они были совершенно правы. Тем не менее эти достоинства – вернее, их отсутствие – не могли объяснить потрясающего успеха фильмов, в которых Слайти снималась. Единственным достоинством, которым она обладала в избытке, было ярко выраженное женское начало плюс ее удивительная способность вступать в контакт, если можно так выразиться, на гормональном уровне. Слайти распространяла вокруг себя не столько аромат секса, сколько аромат сексуальной доступности. И это также соответствовало действительности. Причем этот аромат был настолько силен, что с минимальными потерями просачивался сквозь барьеры пленки, линз и проекторов и захлестывал зрителя потоками горячей дымящейся страсти с серебряного экрана кинематографа. Ее картины делали сборы. Женщины, как правило, не любили ходить на них. Теперь этот специфический аромат, свободный от препятствий в виде пространства, времени и целлулоида киноплёнки, ворвался в кабинет, заставив всех мужчин повернуться к Слайти. Казалось, если бы в кабинете стоял счетчик Гейгера, он трещал бы уже не переставая.

Бетти громко фыркнула и вылетела из комнаты, но в дверях, в которых боком стояла актриса, ей пришлось сбавить скорость. Правду говорили, что у Слайти самый большой бюст в Голливуде...

– Слайти... – произнес Барни, и голос его сел. Конечно, из-за того, что было выкурено слишком много сигарет.

– Барни, дорогой, – произнесла актриса, пока гидравлические поршни ее округлых ног медленно и плавно несли ее через комнату, – я не видела тебя целую вечность.

Опершись на край письменного стола, Слайти наклонилась вперед. Сила земного тяготения тут же потянула вниз тонкую ткань ее блузки, и не меньше девяноста восьми процентов ее монументальной груди появилось в поле зрения продюсера.

– Слайти... – сказал Барни, мгновенно вскакивая на ноги. – Я хотел поговорить с тобой о роли в картине, которую мы будем делать, но ты видишь – я сейчас занят...

Нечаянно он взял ее руку, которая тут же запульсировала в его пальцах, как огромное, горячее, бьющееся сердце, и актриса наклонилась еще ниже. Барни отдернул руку.

– Если ты подождешь несколько минут, я займусь тобой, как только освобожусь.

– Тогда я сяду вот здесь, около стенки, – раздался низкий голос, – и не буду никому мешать.

– Вы меня звали? – спросил Даллас Леви, с порога обращаясь к Барни и в то же время пожирая глазами актрису.

Гормоны вступили в контакт с гормонами, и Слайти глубоко вздохнула. Даллас удовлетворенно улыбнулся.

– Да, – сказал Барни, извлекая контракт из-под горы бумаг на столе. – Отнеси вот это Лину и передай ему, чтобы его друг подписал. У тебя еще какие-то неприятности?

– После того как мы обнаружили, что ему нравится пережаренный бифштекс и пиво, никаких. Всякий раз, когда он начинает волноваться, мы суем ему в пасть еще один бифштекс и кварту пива, и он сразу успокаивается. Пока что выведено в расход восемь бифштексов и восемь кварт пива.

– Давай, пусть подпишет, – сказал Барни, и его взгляд случайно упал на Слайти, которая опустилась в кресло и скрестила обтянутые шелком ноги. На ее подвязках были маленькие розовые бантики...

– Ну, что ты скажешь, Чарли? – спросил Барни, бессильно опускаясь в свое вращающееся кресло и делая поворот на сто восемьдесят градусов. – Уже есть идеи?

Чарли Чанг поднял двумя руками толстую книгу и показал Барни.

– Пока я на тринадцатой странице первого тома, и осталось еще порядочно.

– Это всего лишь иллюстративный материал, – сказал Барни. – Я думаю, мы сможем набросать план в общих чертах сейчас, а детали тыставишь позже. Л. М. предложил сделать сагу, и, мне кажется, это отличная мысль. Действие начнется на Оркнейских островах примерно в тысячном году, когда происходит масса событий. Там у тебя будут норвежские поселенцы, и грабители-викинги, и атмосфера, накаленная до предела. Может быть, стоит начать с рейда викингов – корабль с головой дракона медленно скользит по черной воде, представляешь?

– Вроде как в вестерне, когда бандиты, готовясь к ограблению банка, молча въезжают в спящий город?

– Примерно так. Дальше: главный герой – вождь викингов или, может быть, главарь поселенцев на берегу, ты сам сообразишь, как лучше. Происходит бой, затем еще какая-нибудь битва, поэтому герой решает вместе со своим племенем переселиться в новую страну – Винланд, об открытии которой он только что узнал.

– Что-то вроде покорения Запада?

– Точно. Затем путешествие, шторм, кораблекрушение, высадка на берег, первое поселение, битва с индейцами. И думай пошире, потому что у нас будет много массовых сцен. Финал на высокой ноте – в свете заходящего солнца.

Чарли Чанг, слушая Барни, торопливо делал заметки на титульном листе книги и кивал в знак согласия.

– Еще один вопрос, – сказал он, выставив вперед книгу. – Некоторые имена в хронике – один смех. Вот послушай только. Здесь есть Эйольф Вонючий. И дальше Пиг Полярный Медведь, Рагнар Волосатые Штаны и уйма таких же. Конечно, можно их вставить для смеха...

– Это серьезный фильм, Чарли, самый серьезный из всех, какие тебе приходилось снимать.

– Конечно, Барни, ты босс. Это просто предложение. Будет любовная линия?

– Да, и начни ее пораньше – ты знаешь, как это делается.

– Эта роль для меня, Барни, милый, – раздался шепот у него над ухом, и теплые руки обвили шею продюсера.

– Не позволяй ему улестить себя, Слайти, – раздался приглушенный голос. – Барни Хендриксон мой друг, мой очень старый друг, но он бизнесмен до мозга костей, хитрый и проницательный, и, что бы ты ему ни обещала, – хотя мне и не хочется этого говорить – я должен буду внимательно изучить все контракты перед тем, как ты их подпишешь.

– Айвэн, – прохрипел Барни, пытаясь вырваться из душистого осьминожьего плена, – будь добр, оттащи свою клиентуру в сторону на несколько минут, и потом я займусь вами. Не знаю, сумеем ли мы договориться, но тогда мы, по крайней мере, сможем говорить.

Айвэн Гриссини, по виду классический мошенник – горбатый нос, черные волосы и мягкий, покрытый перхотью костюм, – и был мошенником, притом потрясающим. Он чуял запах долларов за десять миль против ветра во время грозы с градом и всегда носил с собой шестнадцать авторучек, которые он неизменно заправлял каждое утро, перед тем как отправиться к себе в контору.

– Посиди рядом со мной, беби, – сказал он, направляя Слайти в угол привычным отработанным движением. Поскольку Слайти не была набита «зеленышками», Гриссини оставался невосприимчив к ее чарам. – Барни Хендриксон всегда делает то, что обещал, и даже еще больше.

Телефон зазвенел в ту самую минуту, когда в дверях появился Йенс Лин, размахивая контрактом.

– Оттар не может это подписать, – сказал он. – Ведь контракт на английском языке.

– Так переведите ему, вы же технический советник. Одну минуту, – проговорил Барни в трубку.

– Я могу перевести контракт, это чрезвычайно трудно, но возможно, однако зачем это? Ведь Оттар не умеет читать.

– Подождите минутку, Лин. Нет, это я не тебе, Сэм. Знаю, Сэм... Конечно, я видел предварительные расчеты, ведь я сам их составил. Нет, не нужно спрашивать меня, где я достаю ЛСД... Будь реалистом, Сэм. Согласен, мы не вчера родились, ни ты, ни я... Как ты не понимаешь, что этот фильм может быть снят в пределах той цифры, которую я дал тебе, плюс или минус пятьдесят тысяч... Не говори, что это невозможно, Сэм. Помнишь поговорку: мы делаем и невозможное, просто для этого требуется немного больше времени? Что? Прямо по телефону? Сэм, будь благоразумен. У меня в кабинете сейчас настоящий цирк, да-да, Барнум и Бейли, я просто не могу сейчас входить в детали... Отделаться? Я? Никогда? Да-да, конечно, спроси его. Л. М. в курсе дел с самого начала, он следит за каждым шагом, и ты увидишь, что он поддерживает меня по каждому пункту... Верно... И тебе того же самого, Сэм.

Барни опустил трубку, и Чарли Чанг сказал:

– Ее взяли в плен, когда пираты напали на поселение; в начале картины она сопротивляется ему с ненавистью, но затем вопреки ее собственной воле ненависть переходит в любовь.

– Меня еще никогда не брали в плен пираты, – прохрипела Слайти из угла.

– Отличная мысль, Чарли, – согласился Барни.

– И даже если бы он мог читать, он все равно не умеет писать, – продолжал Лин.

– У нас не раз возникала такая же проблема с иностранными актерами, – повернулся к нему Барни. – Подколи к контракту перевод, заверенный двуязычным нотариусом, затем пусть Оттар обмакнет большой палец в чернила и приложит его в конце каждого документа. Когда отпечаток его пальца заверят два нейтральных свидетеля, этот документ будет признан действительным в любом суде мира.

– Не так-то просто найти нотариуса, владеющего в равной степени английским и старонорвежским языками...

– Обратись в отдел кадров, они могут найти кого угодно.

В открытую дверь вошла секретарша и поставила на письменный стол пузырек, полный таблеток бензедрина.

– Вот ваши бенни, мистер Хендриксон.

– Слишком поздно, – прошептал Барни, глядя перед собой неподвижным взглядом, – слишком поздно.

Телефон и селектор зазвенели одновременно. Барни вытряхнул из пузырька на ладонь пару таблеток и запил их холодным, пахнущим картоном кофе. Затем он нажал на рычажок селектора.

– Хендриксон слушает.

– Барни, сейчас же зайди ко мне, – раздался голос Л. М.

Бетти подняла телефонную трубку.

– Это секретарша Л. М. Гринспэна, – сказала она Барни. – Л. М. хочет, чтобы вы зашли к нему.

– Понятно. – Барни с трудом поднялся из-за стола – болели мышцы – и подумал, сколько времени потребуется, чтобы бензедрин начал действовать. – Навались на работу, Чарли, мне понадобится конспект сценария – пара страниц, и как можно скорее.

Когда Барни проходил мимо Гриссини, проворные руки импресарио устремились к лацкану его пиджака, но Барни с искусством, отточенным многолетней практикой, ловко увернулся.

– Подожди минутку, Айвэн, я поговорю с тобой сразу после возвращения от Л. М. – Хор голосов мгновенно стих, отрезанный захлопнувшейся дверью. – Будь добра, Бетти, дай мне свое полотенце, – попросил он.

Бетти протянула ему полотенце, и Барни набросил его на плечи, тщательно подоткнув его край за воротник рубашки. Затем он наклонил голову, подsunул ее под водопроводный кран и чуть не задохнулся, когда Бетти открыла кран. В течение нескольких секунд струя ледяной воды текла на затылок и шею продюсера, затем он выпрямился и вытер голову и шею полотенцем. Бетти одолжила ему свой гребешок. После ледяного душа он чувствовал себя слабее, но все-таки лучше и, когда посмотрел в зеркало, увидел, что выглядит почти как человек. Почти.

– Запри за собой дверь, – распорядился Л. М., когда Барни вошел в его кабинет, затем, хрюкнув от напряжения, перекусил кусачками последний телефонный провод. – Больше нет, Сэм?

– Этот был последний, – сказал Сэм тусклым голосом.

Внешне Сэм тоже выглядел весьма тусклым, что было, несомненно, защитной окраской, ибо Сэм был личным персональным бухгалтером Л. М. и о нем ходила слава как о самом большом в мире специалисте по корпоративным финансам и увиливанию от уплаты налогов. Он прижал к груди папку с документами и посмотрел на Л. М.

– В этом уже нет необходимости, – сказал он.

– Может быть, может быть. – Л. М. опустился в кресло, отдуваясь. – Но стоит мне только произнести слово «банк», когда у меня в кабинете не перерезаны провода, как мое сердце начинает биться с перебоями. У меня плохие новости для тебя, Барни. – Он откусил конец сигары. – Мы разорены.

– Что это значит? – Барни перевел взгляд с одного непроницаемого лица на другое. – Это что, шутка?

– Л. М. имеет в виду, – уточнил Сэм, – что «Клаймэктик студиоз» в ближайшее время обанкротится.

– Сели на мель, загублено дело всей моей жизни, – сказал Л. М. глухим голосом.

Сэм механически кивнул, подобно кукле чревовещателя, и сказал:

– В общих чертах положение таково. Обычно мы только через три месяца шлем свой финансовый отчет в банки, которые, как ты знаешь, держат контрольный пакет нашей студии. Однако по неизвестным нам причинам они присылают своих ревизоров для проверки бухгалтерских книг уже на следующей неделе.

– Ну? – спросил Барни и внезапно ощутил легкое головокружение. Тишина стала невыносимой; он вскочил и начал ходить по кабинету. – Ну и они обнаружат, что студия на мели,

что все прибыли – только на бумаге, – Барни повернулся к Л. М. и драматическим жестом указал на него, – и что все деньги перекачаны в фонд Л. М. Гринспэна, не облагаемый налогом. Неудивительно, что вы не переживаете, Л. М. Пусть себе студия катится под откос, а Л. М. Гринспэн будет идти вперед!

– Поосторожнее выражайся! Разве можно так разговаривать с тем, кто вывел тебя в люди...

– Вывел в люди – а теперь все, конец! – Барни саданул себя по шее ребром ладони сильнее, чем это входило в его планы. – Послушайте, Л. М., – сказал он умоляющим голосом, потирая ушибленное место, – мы не должны сдаваться! Пока не опустился топор, у нас еще остается шанс! Ведь вы считали, что еще есть надежды на спасение, иначе бы не связались с профессором Хьюиттом и его машиной. Вы, наверно, думали, что большие кассовые сборы уменьшат давление со стороны банков, снова сделают фирму платежеспособной. Но ведь все еще можно поправить!

Л. М. с мрачным видом покачал головой.

– Не хочу сказать, что приятно пожимать руку человеку, который вот-вот вонзит тебе нож в спину, но что я могу сделать? Конечно, финансовый успех фильма и даже просто отснятая, но не выпущенная на экраны большая картина – и плевать нам на банковскую ревизию. Но ведь мы не можем отснять фильм за неделю.

«Мы не можем отснять фильм за неделю».

Эти слова шевелились в отупевшей от кофеина, никотина и бензедрина голове Барни, будя какие-то далекие смутные воспоминания.

– Л. М., – сказал Барни, сопровождая свои слова драматическим жестом, – у вас будет инфаркт!

– Типун тебе на язык! – охнул Л. М. и схватился за мощный пласт жира где-то в районе сердца. – И не произноси больше этого слова. Одного инфаркта мне вполне достаточно.

– Послушайте. Вы отправляетесь вместе с Сэмом к себе домой, чтобы поработать над бухгалтерскими книгами, и, конечно, берете их с собой. Сегодня вечером вы заболеваете. Может быть, это расстройство желудка, а может, инфаркт. Ваш доктор говорит, что он подозревает инфаркт. В благодарность за все те деньги, которые он получил от вас, он должен оказать вам эту маленькую любезность. Несколько дней все бегают туда-сюда и кричат, бухгалтерские книги временно забыты, затем подходит уик-энд, и никому и в голову не придет смотреть книги раньше понедельника, может быть, даже вторника.

– Понедельника, – твердо сказал Сэм. – Ты не знаешь банков, Барни. Если в понедельник мы не представим книг, они пошлют на дом к Л. М. автобус с врачами.

– Ну хорошо, в понедельник. У нас все равно достаточно времени.

– Пусть понедельник – что от этого изменится? Откровенно говоря, я озадачен. – Л. М. нахмурился и принял озадаченный вид.

– А вот что, Л. М. Утром в понедельник я доставлю вам в кабинет отснятую картину. Картину, которая принесет вам два-три миллиона только из-за продолжительности, широкоэкранности и цвета.

– Ты сошел с ума!

– Ничуть, Л. М. Вы забыли про времееатрон. Машина профессора Хьюитта действует. Помните, вчера вечером вы еще подумали, что мы отлучились на десять минут? – (Л. М. неохотно кивнул.) – Так оно и было по вашему времени. Но по времени викингов мы провели в прошлом более часа! И мы можем все повторить. Отправим съемочную группу со всем необходимым в прошлое, и пусть она остается там столько времени, сколько ей нужно для того, чтобы сделать фильм.

– Ты хочешь сказать...

– Совершенно верно. Когда мы вернемся обратно с отснятым фильмом, вам будет казаться, что прошло всего десять минут!

– Почему же никто не подумал об этом раньше? – прошептал Л. М. с блаженной улыбкой на лице.

– Тут много причин...

– Так ты хочешь сказать... – Сэм подался вперед так, что чуть не упал с кресла, и какой-то намек на выражение, может быть даже на улыбку, появился на его лице, – так ты хочешь сказать, что мы будем платить только за десять минут производства фильма?

– Я имел в виду совсем не это, – огрызнулся Барни. – И вообще, хочу сразу предупредить, что с точки зрения бухгалтерии здесь будет масса трудностей. Тем не менее, чтобы ободрить вас, я гарантирую, что мы произведем все съемки на местности – со многими массовыми сценами – за одну десятую стоимости фильма, снятого в Испании.

Глаза Сэма сверкнули.

– Я незнаком с подробностями этого проекта, Л. М., но некоторые его детали кажутся весьма интересными.

– И ты сможешь сделать это, Барни? Сможешь снять такой фильм?

– Я сделаю это, только если вы окажете мне всяческое содействие и не будете задавать вопросов. Сегодня вторник. Пожалуй, к субботе мы сможем закончить всю подготовку. – Барни начал загибать пальцы. – Нам нужно подписать контракты с главными исполнителями, запастись достаточным количеством пленки, набрать технический персонал, взять по крайней мере две дополнительные съемочные камеры... – Он продолжал бормотать себе под нос, перечисляя все необходимое. – Да, – сказал он наконец, – мы можем сделать это.

– И все-таки не знаю... – задумчиво сказал Л. М. – Уж больно сумасшедшая идея...

Будущее грандиозного боевика висело на волоске, и Барни отчаянно пытался найти довод, который убедил бы Л. М.

– Еще одно, Л. М. Если мы будем вести съемки в течение шести месяцев, то придется, конечно, платить заработную плату за все шесть месяцев. Однако если взять кинокамеры и остальное съемочное оборудование напрокат, то мы заплатим ренту лишь за несколько дней!

– Барни, – сказал Л. М., выпрямляясь в кресле, – ты назначаешься режиссером и продюсером этой картины.

Глава 5

– Вы еще услышите о Синекитте, мистер Хендриксон...

– Барни...

– ...еще услышите, Барни, эта история еще не окончена. После войны итальянцы создали неореалистическое искусство, затем ему на смену пришел кухонный реализм английской кинематографии. Но понимаешь, Барни, Рим еще не умер. Такие ребята, как я, приезжают ненадолго в Голливуд, совершенствуют технику, схватывают на лету новые приемы...

– А попутно и солидные гонорары...

– Не отрицаю, их привлекают доллары. Да, знаешь, Барни, вряд ли мы сумеем заснять что-нибудь на цветную пленку в это время дня. – Он взмахнул своим восьмимиллиметровым «Болексом», висящим на ремешке на запястье. – Нужно было зарядить камеру черно-белым три-экс. Ведь уже пять часов вечера.

– Не беспокойся, Джино, ручаюсь, что у тебя будет сколько угодно света. – Барни поднял голову и увидел, как из двери пакгауза вышел Эмори Блестэд. – Подойди-ка сюда, Эмори, – окликнул он инженера. – Познакомься, это наш кинооператор Джино Каппо. Джино, это Эмори Блестэд, наш инженер.

– Очень рад познакомиться, – сказал Эмори, пожимая руку итальянцу. – Меня всегда интересовало, как вам удалось добиться столь отталкивающих киноэффектов в «Осенней любви».

– Вы имеете в виду «Порко мондо»? Это не киноэффекты, именно так выглядят некоторые районы Югославии. – Он повернулся к Барни. – Даллас просил меня передать, что они приведут Оттара через пять минут.

– Давно пора. Пусть профессор прогревает свою машину.

Барни, болезненно морщась, вскарабкался в кузов армейского грузовика и опустился на ящики. Ему все-таки удалось соснуть часок на кушетке в своем кабинете, но его разбудил очередной срочный вызов Л. М., и Барни поднялся в его кабинет для продолжительного спора из-за бюджета фильма. Нервное истощение начинало сказываться.

– Я заново отрегулировал все свое оборудование, – сообщил ему профессор Хьюитт, радостно похлопывая по контрольной панели времееатрона. – И начиная с этого дня могу гарантировать будущим путешественникам максимальную точность как во временном, так и в географическом плане.

– Великолепно. Отрегулируйте все так, чтобы мы прибыли на то же место, что и раньше, в тот же день и в тот же час. Тогда было превосходное освещение.

Дверь распахнулась, и пакгауз наполнился громкими гортанными звуками. В помещение, пошатываясь, ввалился Оттар в сопровождении Йенса Лина и Далласа Леви, которые не столько сдерживали, сколько поддерживали викинга, – Оттар был в стельку пьян. За ними шествовал Текс, кативший перед собой тележку, доверху нагруженную ящиками. Понадобились совместные усилия всех троих, чтобы забросить викинга в кузов грузовика, где он тотчас же впал в забытие, что-то бормоча с блаженным видом. Оттара со всех сторон забаррикадировали ящиками.

– Что это в них? – поинтересовался Барни.

– Товары для обмена, – ответил Лин, с трудом перекидывая ящик с надписью «Виски „Джек Дэниелс“» через задний борт грузовика. – Оттар подписал контракт, я ужасно удивился, что здесь удалось разыскать исландского нотариуса...

– В Голливуде можно найти что угодно.

– ...и Оттар согласился учить английский язык после того, как его доставят домой. У него появился заметный интерес к алкогольным напиткам двойной очистки, и мы заключили соглашение – за каждый день учебы по бутылке виски.

– Неужели вы не могли всучить ему какой-нибудь сивухи? – спросил Барни, когда второй ящик «Джека Дэниелса» исчез в кузове. – Как же я буду выкручиваться перед бухгалтерией?

– Мы пробовали, – вставил Даллас, перекидывая через борт третий ящик. – Попытались всучить ему пойло вроде «Олд оверкоут» – девяностопятиградусный хлебный спирт, но он сделал от ворот поворот. Изысканный вкус у этого дикаря! Два месяца обучения, пять ящиков виски – таковы условия.

Йенс Лин вскарабкался в кузов, и Барни с восхищением уставился на его высокие, до колен, саперные сапоги, краги, охотничью куртку с множеством карманов и ножны с огромным ножом.

– А зачем этот костюм для джунглей? – спросил он.

– Просто чтобы остаться в живых и для удобства, – объяснил Лин, освобождая место для спального мешка и огромного сундука, который Даллас с трудом втащил в кузов. – Здесь у меня ДДТ против вшей, которых там, конечно, хоть пруд пруди, таблетки для очистки питьевой воды и запас консервов. Питание в те времена не отличалось разнообразием, и современному человеку оно, конечно, не годится. Поэтому я решил предпринять простейшие меры предосторожности.

– Очень предусмотрительно, – заметил Барни. – Эй, вы, входите сюда и закрывайте задний борт, пора отправляться!

Хотя времеатрон по-прежнему завывал и искры бегали по его поверхности с той же интенсивностью, обстановка в машине была далеко не такой напряженной. Условные рефлексы человека, живущего в мире машин, одержали победу, и путешествие во времени казалось теперь таким же обыкновенным, как подъем в скоростном лифте, полет на реактивном самолете, спуск в подводной лодке или взлет в космической ракете. Только Джино, для которого это путешествие было первым, проявил признаки беспокойства, бросая быстрые взгляды то на ряды электронных инструментов, то на закрытую дверь пакгауза. Однако явное спокойствие других пассажиров – Барни ухитрился заснуть во время путешествия, а Даллас и датский филолог затеяли спор из-за того, что одна из бутылок виски оказалась открытой и, стало быть, терялся один день обучения английскому языку, – благотворно подействовало на оператора. В момент перехода из одного темпорального состояния в другое Джино, потрясенный, привстал, однако тут же сел, едва ему в руки сунули бутылку. Тем не менее, когда за грузовиком появилось сверкающее голубое небо и соленый морской воздух наполнил легкие, у него глаза на лоб полезли.

– Ловкий трюк, – сказал он, глядя на свой экспонетр. – Как это у вас получается?

– Подробности можешь узнать у профы, – выдохнул Барни, проглотив лошадиную порцию виски. – Очень сложно. Что-то вроде перемещения во времени.

– А, понятно, – радостно кивнул Джино, устанавливая диафрагму на цифре 3,5. – Вроде временных зон, когда летишь из Лондона в Нью-Йорк. Такое впечатление, будто солнце не двигается и ты прилетаешь в то же самое время, в которое взлетел.

– Что-то вроде этого.

– Великолепная освещенность. С таким светом можно дать хорошие краски.

– Если ты собираешься вести машину, не напивайся, – сказал Даллас, протягивая пустую бутылку Тексу, сидящему за рулем грузовика. – Один глоток, приятель, и в дорогу.

Стартер взревел, мотор ожил, и Барни, поглядев через переднее окошко кузова, увидел, что они едут по следам другого грузовика, отчетливо видимым на мокром песке и гальке. Смутное воспоминание забрезжило у него в голове, несмотря на усталость, и он застучал по металлической крыше кабины прямо над головой Текса.

– Поддай сигнал! – крикнул он изо всех сил.

Грузовик подъехал к мысу и начал объезжать его. Тут-то и раздался автомобильный гудок. Спотыкаясь о ящики, наступив на бок спящего викинга, Барни бросился к заднему борту грузовика. Послышался нарастающий рокот мотора, и армейский грузовик, похожий на их машину как две капли воды, промчался мимо, двигаясь в противоположном направлении. У самого борта Барни поспешно протянул руку и схватился за стойку у себя над головой. В удалявшемся грузовике он успел разглядеть самого себя с бледным лицом, выпученными глазами и широко открытым, как у кретина, ртом. Испытывая садистское удовлетворение, он приложил большой палец другой руки к носу и растопырил пальцы, насмехаясь над потрясенным Барни в другой машине, которая тотчас же скрылась за мысом.

– Здесь большое движение? – поинтересовался Джино.

Оттар сел, потирая бок и бормоча под нос проклятия. Йенс быстро успокоил его, протянув бутылку, и через минуту грузовик остановился, проехав несколько футов по мелкой гальке.

– Примроуз-коттедж! – крикнул из кабины Текс. – Конечная остановка.

Вонючий дым по-прежнему поднимался из дыры на крыше землянки, однако ее обитателей не было видно. Оружие и примитивные орудия труда все еще были разбросаны на земле. Оттар не то вывалился, не то выпрыгнул из грузовика и заорал что есть мочи, изо всех сил сжав голову руками, словно в порыве горя:

– Hvar erut per rakka? Komit ut!⁷

Он снова схватился за голову и стал искать глазами бутылку, которую Йенс Лин с мудрой предусмотрительностью успел припрятать. Из дома начали выходить дрожащие слуги.

– Ну, за дело! – распорядился Барни. – Разгружайте ящики и поставьте их, куда покажет доктор Лин. Нет-нет, Джино, не суйся, ты пойдешь со мной.

Они вскарабкались на невысокий холм сразу позади хижины, с трудом прокладывая путь по короткой жесткой траве и то и дело спотыкаясь о косматых, диких на вид овец, которые, мекая, шарахались в сторону. С вершины холма они отчетливо увидели изогнутую дугу залива, уходящую вдаль слева и справа, и сланцево-серое безбрежье океана. Длинная волна накатилась на берег, разбилась о гальку и с шипением поползла по камням обратно в море. Посреди залива стоял мрачный остров с отвесными скалистыми берегами, под которыми пенился океанский прибой, а еще дальше, на горизонте, виднелось темное пятно другого острова, уже пониже.

– Сделай-ка панораму на все триста шестьдесят градусов, мы изучим ее позднее. И возьми крупным планом этот остров.

– А почему бы не пойти вглубь материка и не посмотреть, что там находится? – спросил Джино, глядя в видеоискатель.

– Потом, если останется время, сходим. Ведь мы собираемся снимать морскую картину, и мне хочется использовать виды открытого моря.

– Ну тогда пройдемся хотя бы вдоль берега – посмотрим, что там за мысом.

– Ладно, только не ходи один. Возьми с собой Текса или Далласа – они выручат тебя в случае нужды. И не отлучайся больше чем на пятнадцать минут, чтобы мы могли найти тебя, когда придет время отправляться обратно.

Барни взглянул на берег и заметил лодку; схватив Джино за руку, он указал на нее:

– У меня идея. Возьми Лина в качестве переводчика, прихвати пару туземцев – и пусть они отвезут тебя подальше в море. Сделай несколько снимков – как это место выглядит с моря...

– Эй, Барни, – крикнул Текс, появляясь на вершине холма, – ты нужен в хижине! Там производственное совещание.

– Ты как раз вовремя, Текс. Оставайся с Джино и присмотри за ним.

– Я прилипну к нему как банный лист. *Va buona, et cumpri!*⁸

Джинно вопросительно посмотрел на него:

– *Vui sareste italiano?*⁹

Текс засмеялся:

– Я? Нет, я американо, но у меня полно родственников-макаронников вдоль всего Неаполитанского залива.

– *Di Napoli! So' napoletano pur'io!*¹⁰ – радостно закричал Джино.

Оставив Джино и Текса, которые восторженно жали друг другу руки и вспоминали общих знакомых, Барни направился к хижине. Свесив ноги, в кузове грузовика сидел Даллас. В его руке дымилась сигарета.

– Все уже там, – сказал он, – а я решил для верности присмотреть за грузовиком, чтобы было на чем ехать обратно. Лин сказал, чтобы ты сразу заходил.

Барни без всякого энтузиазма взглянул на низкую дверь, ведущую в хижину. Она была приоткрыта, и из щели шло больше дыма, чем из отверстия в крыше, служившего дымоходом.

---

⁷ Где вы, собаки? Выходите сейчас же! (*старонорв.*)

⁸ Будь здоров и радуйся жизни! (*неапол. диал.*)

⁹ Вы итальянец будете? (*ит.*)

¹⁰ Из Неаполя! Чистый неаполитанец! (*ит.*)

– Не спускай глаз с машины, – вырвалось у Барни. – В такой дыре не хватает только этих неприятностей.

– И я подумал то же самое, – пробормотал Даллас и извлек из кармана автоматический пистолет. – Десять зарядов. И я стреляю без промаха.

Широко распахнув дверь, Барни нагнулся и вошел в хижину. Дым, что поднимался от тлеющего очага, висел на уровне его головы серой пеленой, и Барни был почти рад этому, так как запах дыма заглушал остальные ароматы, щедро наполнявшие помещение. Принюхавшись, Барни различил запах тухлой рыбы, смолы, пота и еще множество других, которые ему и распознавать не хотелось. В первое мгновение он почти ослеп, попав в полутьму после яркого солнечного света, потому что единственными источниками освещения в хижине были открытая дверь и несколько отверстий, пробитых в стенах.

– Jaeja, hunningi! Pu skalt drekka meo mer!¹¹

Хриплый голос Оттара потряс воздух, и, когда Барни немного освоился в полумраке, он смог различить группу людей, сидящих вокруг стола из толстых досок. У одного его конца сидел Оттар, колотивший по столу кулаком.

– Он хочет, чтобы ты выпил с ним, – сказал Лин. – Это очень важный шаг, гостеприимство, хлеб-соль, понимаешь?

– Ой!¹² – рявкнул Оттар, поднимая небольшой бочонок с земляного пола.

– Выпил чего? – спросил Барни, глядя в темноту.

– Эля. Они делают эль из ячменя – это у них основная культура. Эль – изобретение северных германских племен; можно сказать, предок нашего пива. Даже само слово дошло до нас – правда, в слегка измененном виде...

– Drekk!¹³ – приказал Оттар, наливая до краев рог и протягивая его Барни.

Присмотревшись, Барни увидел, что это действительно коровий рог, изогнутый, потрескавшийся и далеко не первой чистоты. Йенс Лин, профессор и Эмори Блестэд также держали в руках по рогу. Барни поднес рог к губам и сделал глоток. Жидкость была кислой, водянистой, выдохшейся и ужасной на вкус.

– Замечательно! – сказал он, надеясь, что в темноте выражение его лица не будет видно.

– Ja, gott ok vel!¹⁴ – согласился Оттар, и новая порция отвратительной жидкости хлынула в рог Барни, перелилась через край и потекла по его руке.

– Если тебе не нравится напиток, – глухим голосом произнес Эмори, – то подожди, когда очередь дойдет до еды.

– Вот как раз что-то несут.

Профессор показал на дальний угол комнаты, где кто-то из слуг копался в большом деревянном сундуке. Выпрямившись, слуга пнул один из темных холмиков, разбросанных по земляному полу. Раздалось обиженное мычание.

– Скот?.. – удивился Барни.

– Вот именно. Его держат в доме, – разъяснил Эмори. – Он придает здешней атмосфере особо тонкий аромат.

Слуга, которому длинные светлые волосы, ниспадавшие до плеч и закрывавшие глаза, придавали сходство с неухоженной овчаркой, направился к столу, сжимая в своих почерневших от грязи лапах по какой-то большой глыбе. Подойдя, он бросил глыбы на стол перед Барни, и они стукнулись о дерево, словно камни.

---

¹¹ Хей, мой друг! Ты должен выпить со мной! (*старонорв.*)

¹² Эль! (*старонорв.*)

¹³ Пей! (*старонорв.*)

¹⁴ Да, великолепный эль! (*старонорв.*)

– Что это такое? – спросил Барни, подозрительно скосив глаза на лежащие перед ним глыбы. Одновременно он переложил рог в другую руку и попытался вытряхнуть ручеек эля из рукава своего пиджака.

– Слева – это сыр местного производства, а справа – кнекброд, твердый хлеб, – пояснил Йенс Лин. – А может быть, наоборот.

Барни попробовал их надкусить, вернее, постучал зубами по их гранитной поверхности.

– Великолепно, просто великолепно, – сказал он, бросая их обратно на стол и глядя на светящийся циферблат своих часов. – Освещение меняется, и скоро нам нужно отправляться. Мне бы хотелось поговорить с тобой, Эмори, давай выйдем на улицу, если только ты можешь оторваться от пира.

– С удовольствием, – ответил Эмори.

Содрогаясь от отвращения, он допил эль и выплеснул остатки на пол.

Солнце село за полоску льдистых облаков, и с моря подул холодный ветер; Барни зябко поежился и поглубже засунул руки в карманы.

– Мне нужна твоя помощь, Эмори, – сказал он. – Составь список всего необходимого для съемки фильма на местности в этой обстановке. По-видимому, здесь не удастся воспользоваться местными ресурсами по части съестного...

– Клянусь богом, ты прав!

– ...поэтому придется все захватить с собой. Кроме того, я хочу смонтировать фильм прямо здесь, так что в одном из прицепов должно быть помещение для монтажа.

– Ты хочешь нажить себе неприятности, Барни? Да здесь даже черновой монтаж и то не осилишь. А как с тренировкой? А музыка?

– Мы сделаем все, что можем. Найдем композитора и пару музыкантов; может быть, используем местный оркестр.

– Представляю себе местную музыку!

– Неважно, если потом придется изменить почти все звуковое сопровождение. Мы должны привезти готовый фильм, вот что важно...

– Мистер Хендриксон, – позвал Йенс Лин, открывая дверь и подходя к ним. Он порылся в нагрудном кармане своей охотничьей куртки и протянул Барни измятый конверт. – Я только что вспомнил, меня просили передать вам записку.

– Что еще такое? – спросил Барни.

– Не имею представления. Насколько мне известно, она конфиденциальна. Ваша секретарша передала ее мне, как раз когда мы отправлялись.

Барни разорвал конверт. Внутри был лист желтой бумаги с коротким машинописным текстом, гласившим:

Л. М. СООБЩИЛ ПО ТЕЛЕФОНУ: ОПЕРАЦИЯ ОТМЕНЯЕТСЯ, ВСЯ РАБОТА ПО СЪЕМКЕ ФИЛЬМА ПРЕКРАЩАЕТСЯ. ПРИЧИНА НЕ УКАЗАНА.

Глава 6

Барни отшвырнул от себя журнал, однако его обложка прилипла к руке и наполовину оторвалась. Он нетерпеливо отодрал от ладони бумагу и еще раз пожалел о том, что у него не хватило времени помыть руки после викингского пива. Надо же – съемка отменяется!

– Мисс Заккер, – сказал он, – Л. М. ждет меня. Он так сказал. Он оставил записку. Я уверен, что он с нетерпением ожидает...

– Мне очень жаль, мистер Хендриксон, но он дал мне самые строгие указания ни в коем случае не беспокоить его во время совещания. – Пальцы секретарши на мгновение замерли над клавишами машинки, и даже челюсти прекратили жевательные движения. – Как только

представится возможность, я сейчас же сообщу о том, что вы ждете. – Стук машинки возобновился, и в такт с ним опять начали двигаться челюсти.

– Вы могли бы, по крайней мере, позвонить ему и сообщить о моем приходе.

– Мистер Хендриксон! – воскликнула секретарша тоном матери настоятельницы, облыжно обвиненной в содержании публичного дома.

Барни вышел в коридор, выпил воды, затем вымыл липкие ладони. Когда он вытирал руки о лист бумаги, раздалось жужжание интеркома, и мисс Заккер кивнула ему.

– Теперь можете войти, – сказала она ледяным тоном.

– Что случилось, Л. М.? – спросил Барни, едва переступив порог. – Что значит эта записка?

Сэм сидел в своем кресле чурбан чурбаном, а напротив него съежился на стуле взопревший Чарли Чанг. Выражение лица у него было разнесчастное.

– Что это значит? Он еще спрашивает, что это значит! Это значит, что ты, Барни Хендриксон, провел меня за нос. Ты добился от меня согласия на съемку фильма, когда у тебя даже сценария не было.

– Ну конечно, у меня нет сценария! Как у меня может быть сценарий, когда мы только что решили делать фильм? Ведь это же чрезвычайный случай, правда?

– Правда, правда. Но чрезвычайный случай – это одно дело, а съемка фильма без сценария – совсем другое. Может быть, во Франции и делают фильмы по принципу тят-ляп, так что не поймешь, есть у них сценарий или нет. Но в нашем «Клаймэтик» так дела не делаются!

– Да, непорядок, – согласился Сэм.

Барни изо всех сил пытался сохранить самообладание.

– Послушайте, Л. М., будьте благоразумны. Ведь это критический момент, вы забыли? Утопающий хватается за соломинку. Особые обстоятельства...

– То есть банк. Называй вещи своими именами. Теперь это можно.

– Не будем уточнять, потому что мы еще можем провести их. Мы можем сделать картину. Вы вызвали моего сценариста...

– У него нет сценария.

– Конечно, у него нет сценария. Только вчера вы и я окончательно договорились об идее фильма. Теперь, когда вы поговорили с ним и объяснили ему свои требования...

– У него нет сценария.

– Ради бога, Л. М., выслушайте меня. Чарли – хороший сценарист, вы сами его нашли и взрастили. Если кто-то может сделать то, что нам требуется, так это старый добрый Чарли. Если бы сейчас у вас в руках был сценарий этого фильма, написанный Чарли Чангом, вы ведь дали бы разрешение на съемки, верно?

– У него нет сценария...

– Л. М., вы не слушаете меня. Если. Это важное слово. Если бы я сейчас вошел в кабинет и вручил вам написанный Чарли Чангом сценарий этого эпохального фильма под названием... под названием «Викинг Колумб», дали бы вы разрешение на его производство?

На лице Л. М. застыло непроницаемое выражение. Он взглянул на Сэма, который едва заметно опустил голову.

– Да, – тотчас же ответил Л. М.

– Ну вот, дело пошло на лад, – поспешно подхватил Барни. – Если я передам вам этот сценарий через час, вы дадите добро на производство фильма? Никакой разницы, верно?

Л. М. пожал плечами.

– Ну хорошо, для меня – никакой. Ну а какая для тебя разница?

– Ждите меня здесь, Л. М. – Барни вскочил и, схватив удивленного Чарли Чанга за рукав, потащил его в коридор. – Поговорите с Сэмом о бюджете, выпейте по коктейлю. Я вернусь ровно через час. «Викинг Колумб» уже почти готов к производству.

– У меня есть знакомый психиатр, который принимает вечером, – сказал Чарли, едва за ними захлопнулась дверь кабинета. – Поговори с ним, Барни. Мне приходилось слышать много скоропалительных обещаний в нашем скоропалительном деле, но такого...

– Помолчи, Чарли. Тебе предстоит большая работа. – Барни, не переставая говорить, вывел упиравшегося сценариста в коридор. – Скажи, сколько времени потребуется тебе на то, чтобы состряпать черновой вариант сценария для этого фильма, если работать на полную катушку? Сколько времени?

– Это огромная работа. По крайней мере, шесть месяцев.

– Отлично. Шесть недель. Концентрация усилий, первоклассный материал.

– Я сказал не недель, а месяцев.

– Если тебе понадобится шесть месяцев, у тебя будет шесть месяцев. Поверь моему слову, у тебя будет столько времени, сколько тебе потребуется. И, кроме того, спокойное, тихое место для работы. – Они проходили мимо висевшей на стене фотографии, и Барни, внезапно оставившись, ткнул в нее пальцем. – Вот здесь. Остров Санта-Каталина. Масса солнечного света, освежающая морская ванна особенно приятна, когда у тебя мозги пересохнут.

– Я не смогу там работать, Барни. Остров полон людей, ночью в каждом доме вечеринки с танцами.

– Это ты так думаешь. А тебе понравится работать на Санта-Каталине, если вокруг не будет ни души и весь остров будет принадлежать тебе одному? Подумай только, что можно написать в таких условиях?

– Барни, честное слово, я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Поймешь, Чарли. Через несколько минут все поймешь. Пятьдесят стопок бумаги, ящик копирки, стул – один, стол для пишущей машинки – один, пишущая машинка...

– Это допотопный образец, Барни, – прервал его Чарли. – На этом античном чуде приходится самому нажимать на клавиши. Я могу работать только на электрической модели Ай-би-эм.

– Боюсь, что в той части острова, где разместится твой лагерь, снабжение электричеством будет не очень надежным. Ничего, ты сам увидишь, с какой быстротой твои пальцы обретут прежнюю сноровку, – утешил его Барни. Когда в кузов грузовика впихнули огромный сундук, Барни поставил галочку в длинном списке. – Один комплект сафари.

– Один комплект чего?

– Один комплект сафари «сделай сам» из отдела бутафории и реквизита. Палатка, складная постель, стулья, сетки от moskitov, походная кухня – и все в отличном рабочем состоянии. Ты расположишься с удобствами, как доктор Ливингстон, только в два раза комфортабельнее. Пятидесятигаллонные бочки с водой – три, часы-табель пружинные с набором карточек – один комплект.

Ничего не понимая, Чарли Чанг смотрел на то, как самые разнообразные вещи одна за другой исчезают в кузове армейского грузовика. Все происходившее было бессмыслицей, включая седого старикашку позади всего этого барахла, который колдовал над радиоустановкой из фильма о Франкенштейне. Когда в кузов погрузили древние красного дерева часы-табель с римскими цифрами на циферблате, Чарли схватил Барни за руку.

– Ничего не понимаю, а уж это и вовсе. Зачем мне часы-табель?

– Профессор Хьюитт объяснит тебе все самым подробным образом через несколько минут, а пока прими мои слова на веру. Часы играют важную роль, ты в этом убедишься. Не забудь пробивать карточку каждое утро.

– Мистер Хендриксон, – послышался голос его секретарши, – вам здорово повезло. – Она появилась в дверях пакгауза, ведя за руку озадаченного негра в белом халате и высоком поварском колпаке. – Вы сказали, что вам нужен повар, причем немедленно, и я тут же отпра-

вилась на кухню и нашла там Клайда Роулстона. Оказалось, что он не только повар, но знает стенографию и машинопись.

– Ты настоящий ангел, Бетти. Закажи еще одну машинку...

– Сейчас ее доставят. А как с аптечкой «скорой помощи»?

– Уже погрузили. Ну, тогда все. Клайд, это Чарли. Чарли, это Клайд. Позже вы сумеете познакомиться поближе. А теперь, пожалуйста, залезайте оба в грузовик.

– Я полезу, как только мне объяснят, что здесь происходит, – заявил Клайд, бросив на Барни вызывающий взгляд.

– Чрезвычайное положение, вы нужны «Клаймэктику», и я уверен, что вы оба, как преданные служащие, поможете нашей компании. Профессор Хьюитт вам все объяснит. Это займет немного времени. Обещаю вам, что мы с вами увидимся на этом свете ровно через десять минут по моим часам. А теперь, если вы перелезете через эти ящики, я подниму задний борт.

Успокоенные уверенным голосом Барни, они влезли в кузов, и профессор Хьюитт наклонился через их плечи к Барни.

– Мне кажется, кембрийский период подходит больше всего, – сказал он. – Знаете, ранний палеозой. Здоровый, умеренный климат, тепло и уютно, позвоночные еще не появились, так что опасность не угрожает. Моря кишат простыми трилобитами. Хотя для продолжительного пребывания, пожалуй, слишком тепло. Может быть, немного позже, в девонский период. Достаточно большие позвоночные все еще не появились...

– Профессор, вы специалист, поступайте, как считаете нужным. Нам предстоит масса работы, по крайней мере в нашем временном отрезке. Доставьте их на Каталину, выгрузите со всем барахлом, затем передвиньтесь на шесть недель вперед и доставьте обратно. Барахло бросьте на острове, оно может нам понадобится позднее. Отправляйтесь, у нас осталось всего пятнадцать минут.

– Считайте, что фильм у нас в руках. С каждым новым путешествием во времени мне все легче и легче налаживать приборы, так что теперь их точность очень высока. Ни одного мгновения не будет потрачено даром, буквально ни одного.

Профессор Хьюитт вернулся к своим приборам, и генератор надрывно заревел. Чарли Чанг открыл было рот, но его слова не донеслись до Барни, так как грузовик исчез. Исчез, а не растаял, исчез мгновенно, как исчезает изображение на киноэкране, когда рвется лента. Барни собрался было поговорить с секретаршей, но только он обернулся, как грузовик появился снова.

– Что случилось? – спросил Барни, как вдруг увидел, что все припасы из кузова исчезли. Клайд Роулстон стоял рядом с профессором у контрольной панели, а Чарли Чанг сидел на пустом ящике, сжимая в руках толстую пачку машинописной бумаги.

– Ровным счетом ничего, – ответил профессор. – Просто я рассчитал наше возвращение с максимальной точностью.

На Чарли уже не было куртки, его рубашка помялась и выцвела, особенно на плечах, где она стала совершенно белесой. Волосы у него отросли, а щеки были покрыты густой черной щетиной.

– Ну, как дела? – спросил Барни.

– Неплохо, принимая во внимание обстоятельства. Правда, я еще не закончил сценария, потому что там в воде плавают эти твари. Такие зубы! Глаза...

– Сколько еще времени тебе понадобится?

– Две недели будет вполне достаточно. Но эти глаза, Барни...

– Там нет таких больших тварей, которые могли бы быть для тебя опасными, так сказал проф.

– Может быть, они не такие большие, но в океане их столько! И у них такие зубы!..

– До свидания. Отправляйтесь, профессор! Две недели!

На сей раз путешествие было таким коротким, что, если бы Барни в этот миг моргнул, он мог бы совсем не заметить исчезновения грузовика. Однако теперь Чарли и Клайд сидели рядом на другой стороне грузовика, и пачка печатных страниц стала заметно толще.

– «Викинг Колумб»! – крикнул Чарли, размахивая сценарием над головой. – Шедевр на широком экране! – Он протянул папку Барни, и тот увидел, что к задней обложке прикреплена пачка карточек. – Это карточки учета нашего рабочего времени, и, если ты согласишься на них, ты увидишь, что мы пробивали их каждый день, и мы с Клайдом требуем двойной оплаты по субботам и тройной – по воскресеньям.

– Другой бы стал спорить, – сказал Барни, со счастливой улыбкой взвешивая на ладони пухлый том. – Пошли, Чарли, мы немедленно обсудим твой сценарий.

Выйдя из пакугауза, Чарли понюхал вечерний воздух.

– Какая здесь вонь! – заметил он. – Я никогда раньше этого не замечал. А какой удивительный воздух был у нас на острове! – Затем он посмотрел на свои ноги. – Как непривычно снова ходить в ботинках!

– Странник вернулся, – сказал Барни. – Я пойду отнесу сценарий, а ты тем временем сменишь живописные лохмотья бродяги на что-то более приличное и быстренько побреешься. Когда будешь готов, сразу иди в кабинет Л. М. Как ты думаешь, получился хороший сценарий?

– Может быть, пока еще рано говорить, но я думаю, это лучшее, что мне удалось написать. Работал в такой обстановке, когда тебя ничто не отвлекает – если не считать глаз! Да и Клайд здорово помогал: он печатал чисто и быстро. Ты знаешь, он к тому же и поэт.

– Я думал, он повар.

– Он оказался паршивым поваром, и кончилось тем, что я все стряпал сам. Он работал в кухне студии только для того, чтобы раздобыть денег на оплату квартиры. А вот поэт он действительно отличный и хорошо пишет диалоги. Он мне здорово помог. Как ты думаешь, мы можем упомянуть про его участие в фильме?

– Не вижу, почему бы и нет. Не забудь побриться!

Барни вошел в кабинет Л. М. и положил сценарий на письменный стол.

– Готово! – сказал он.

Л. М. осторожно взвесил рукопись на обеих руках, затем отвел ее в сторону, чтобы лучше видеть обложку.

– «Викинг Колумб». Хорошее название. Впрочем, придется его изменить. Да, Барни, ты доставил сценарий, как и обещал. Может быть, теперь ты раскроешь нам секрет, как за один час написать сценарий? Расскажи Сэму, ему тоже хочется послушать.

Сэм, почти неразличимый на фоне темных обоев, стал виден, только когда он кивнул.

– Никакого секрета, Л. М., это времематрон. Вы видели, как он работает. Чарли Чанг отправился в прошлое, в спокойное уединенное местечко, где он и написал сценарий. Он оставался в прошлом столько времени, сколько ему потребовалось, затем мы вернули его в настоящее – в то же время, из которого он отправился. С нашей точки зрения прошло совсем немного времени, поэтому мы и считаем, что на создание полного сценария потребовался всего один час.

– Сценарий за час! – На лице Л. М. появилась счастливая улыбка. – Да это же настоящая революция в кинопромышленности! Давай не будем скупиться, Барни. Дадим этому парню самую высокую ставку, какая у нас есть, а затем увеличим ее в два раза! Я не скупердайка. Мне хочется поступить по справедливости, и уж я позабочусь о том, чтобы Чарли Чанг получил самую высокую почасовую оплату, которая когда-либо была выплачена сценаристу за один час его времени!

– Вы не совсем поняли меня, Л. М. Может быть, это с вашей точки зрения прошел всего один час, но Чарли Чанг трудился как ишак над этим сценарием более двух месяцев, включая субботы и воскресенья, и ему придется заплатить за все это время.

– Он не сможет этого доказать! – Л. М. сделал свирепую гримасу.

– Нет, сможет. Каждый день он пробивал карточку на часах-табеле, и к сценарию приложены все его карточки.

– Тогда пусть обращается в суд! На работу потребовался один час, и я заплачу ему за один час.

– Сэм, – взмолился Барни, – поговорите с ним. Скажите ему, что в этом мире ничего нельзя получить даром. Ведь деньги за восемь недель работы – это гроши за такой великий сценарий!

– Мне больше нравится одночасовой сценарий, – заметил Сэм.

– Нам всем они больше нравятся, только одночасовых сценариев на свете не бывает. Это просто новый метод работы, однако нам придется платить ту же самую сумму за работу, что бы ни случилось.

Зазвонил телефон, Л. М. схватил трубку, приложил ее к уху, несколько раз односложно хрюкнул в ответ, затем бросил трубку.

– Сейчас придет Раф Хоук, – сказал он. – Мне кажется, мы сможем использовать его для главной роли, но я подозреваю, что он заключил контракт с независимой студией на другую картину. Прощупай его, Барни, до прихода его менеджера. А теперь насчет этого часа...

– Давайте обсудим этот час потом, Л. М. Я уверен, что все уладится.

Дверь отворилась, и в кабинет вошел Раф Хоук. Он замер на мгновение на пороге, повернув голову так, чтобы дать возможность присутствующим полюбоваться его профилем. Он был действительно хорош. Раф выглядел так хорошо потому, что его внешность составляла главное содержание его жизни. И когда во всем мире, в бесконечном количестве кинотеатров, миллионы женских сердец начинали биться чаще при виде Рафа, заключающего какую-нибудь счастливую звезду в свои крепкие мужские объятия, ни одна из этих миллионов не знала, что ее шансы быть заключенной в эти объятия практически равнялись нулю. Раф не любил женщин. Впрочем, подозрения насчет его ненормальности были тоже безосновательны. Он не любил ни мужчин, ни женщин, ему не нравились ни овцы, ни плащи, ни ветряки, ни любые другие предметы. Рафу нравился только Раф, и отблеск любви в его глазах был лишь отражением самовлюбленного восхищения.

До встречи с продюсером Раф был просто обычным загорелым куском мяса на пляже мускулов. Но тут обнаружилось, что Раф может играть. То есть не то чтобы играть, а делать то, что ему говорят. Он точно выполнял все данные ему инструкции, снова и снова повторяя одни и те же слова и жесты с бесконечным терпением барана. В перерывах между съемками он отдыхал, глядя в зеркало.

Полное отсутствие таланта у него так и не было обнаружено, потому что в тех картинах, где он играл, прежде чем кто-либо успевал его раскусить, начиналась атака индейцев, или на экран врывалось стадо динозавров, или рушились стены Трои, или происходило что-нибудь еще, отвлекающее внимание зрителей. Поэтому Раф был счастлив, а когда продюсеры взирали на кассовые сборы, они тоже были счастливы, и все утверждали, что Раф сделает еще немало картин, прежде чем у него отрастет брюшко.

– Привет, Раф! – воскликнул Барни. – Вот кого нам хотелось видеть!

Раф поднял руку, приветствуя собравшихся, и улыбнулся. Он не любил говорить, когда ему заранее не подсказывали, что нужно говорить.

– Я не намерен ходить вокруг да около, Раф, и просто хочу сказать, что мы собираемся снимать величайшую в мире картину, и, когда зашла речь о главном герое и было упомянуто

твое имя, я сразу сказал, что если мы хотим снимать фильм о викингах, то Раф Хоук – самый викингский викинг и лучшего нам не найти.

Раф выслушал комплимент, не выказав ни малейших признаков удовольствия или интереса.

– Ведь ты слышал о викингах, не правда ли, Раф? – спросил Барни.

Раф сдержанно улыбнулся.

– Помнишь, – продолжал Барни, – высокие парни с огромными топорами и рогами на шлемах, которые все время плавают на кораблях с деревянными драконами на носу...

– О да, конечно, – оживился наконец Раф, поняв, что к чему. – Я слышал о викингах. Я еще никогда не играл викинга.

– Но где-то в глубине сердца ты всегда хотел сыграть викинга! Я знаю, Раф, иначе и быть не могло. Эта роль создана для тебя, ты себя покажешь, ты будешь просто великолепен перед камерой в костюме викинга!

Густые брови медленно поднялись вверх, образовав морщину.

– Я всегда великолепен перед камерой.

– Конечно, Раф, конечно; именно поэтому мы и собрались здесь. У тебя ведь нет никаких обязательств? Ты не собираешься сниматься в других картинах?

Раф еще больше нахмурился, с трудом припоминая что-то.

– В конце следующей недели начинаются съемки фильма, что-то про Атлантиду.

Л. М. Гринспен оторвал взгляд от сценария, нахмурившись не хуже Рафа.

– Так я и думал. Извинись перед своим менеджером, иначе нам придется поискать кого-нибудь другого.

– Л. М., – вмешался Барни, – читайте лучше сценарий. Наслаждайтесь им. И позвольте мне поговорить с Рафом. Вы забываете о том, что в понедельник наш фильм будет лежать у вас на столе, так что у Рафа останется еще три дня для отдыха перед гибелью Атлантиды.

– Хорошо, что ты упомянул про сценарий, Барни, потому что в нем есть грубые ошибки.

– Откуда вы знаете, ведь вы прочитали только десять страниц. Почитайте еще, и тогда мы его обсудим. Автор ожидает в приемной. Все необходимые изменения будут сделаны в одно мгновение, пока вы тут сидите. – Барни повернулся к Рафу. – Твоя мечта исполнится, и ты сможешь сыграть роль викинга. Видишь ли, мы разработали новый технический процесс, при котором фильм снимается на местности, и, хотя мы вернемся через пару дней, ты получишь оплату как за полнометражный художественный фильм. Ну, что ты об этом думаешь?

– Я думаю, что вам лучше поговорить с моим менеджером. Если дело касается денег, я предпочитаю помалкивать.

– Именно так и следует поступать, Раф, как раз для этого и существуют менеджеры, и я не согласился бы действовать без его ведома.

– Нет, это никуда не годится, – сказал Л. М. грустным голосом. – Я ожидал лучшего от Чарли Чанга. Начало никуда не годится.

– Сейчас я приглашу сюда Чарли, Л. М., мы все обговорим, выявим недостатки и устраним их.

Барни взглянул на часы. Восемь. А еще необходимо разыскать менеджера этого мускулистого манекенщика. И бороться за каждую фразу в сценарии. И отправить Чарли обратно на Каталину к глазам и зубам – заканчивать работу. И найти актеров для остальных ролей. И подобрать все необходимое оборудование и снаряжение, которое может понадобиться для двух месяцев съемок на местности, затем перебросить всю съемочную группу в одиннадцатый век. И снять картину в этом столетии, для чего потребуются решить целый ряд весьма интересных проблем совершенно иного плана. И доставить отснятый фильм к утру понедельника. А сейчас среда, восемь вечера. Масса времени!

Конечно, нечего беспокоиться, еще масса времени.

Тогда почему он весь в поту?

Глава 7

– Чудо организации, только так это и можно назвать, мистер Хендриксон, – ухитриться собрать все это меньше чем за четыре дня! – восхищенно сказала Бетти, идя вместе с Барни вдоль длинной колонны грузовиков и трейлеров, вытянувшейся по бетонной ленте дороги, ведущей к съемочному павильону Б.

– Я бы назвал это несколько иначе, – ответил Барни, – но при дамах я всегда очень осторожен в выражениях. Какие результаты дала проверка по списку?

– Все готово. Все отделы представили контрольные списки завершенными и подписанными. Они тоже великолепно потрудились.

– Отлично, но куда девались люди?

Они прошли мимо почти всех машин, и Барни убедился, что, кроме нескольких шоферов, там никого нет.

– После того как вы вчера вечером отправились за пленкой, все сидели в павильоне, не хотели расходиться, и все такое. Ну, знаете ли, одно к одному...

– Нет, не знаю. Что одно, к чему одному?

– Было очень весело, и нам очень не хватало вас. Сначала Чарли Чанг заказал два ящика пива с интендантского склада – сказал, что он уже год не пробовал пива, затем еще кто-то принес выпивки и закуски, и скоро началось настоящее веселье. Вечеринка продолжалась до поздней ночи, так что, я думаю, все еще не очухались и спят в трейлерах.

– Ты в этом уверена? Кто-нибудь проверил их по списку?

– Охранники не пили, и они утверждают, что никто не выходил с территории, значит, все должно быть в порядке.

– Будем надеяться, – сказал Барни, пожав плечами и окидывая взглядом длинный ряд молчаливых трейлеров. – Сразу же по прибытии проверим всех по списку, и, если кто-нибудь отсутствует, придется послать за ним профессора. Пусть люди поспят во время путешествия, это, наверно, самый лучший выход. Да и ты сама должна отдохнуть, ведь ты всю ночь была на ногах.

– Спасибо, босс. Если понадобится, я в трейлере номер двенадцать.

Из распахнутых дверей съемочного павильона доносился стук молотка – плотники заканчивали сооружение настила на платформе машины времени. Барни остановился у входа, зажег сигарету и попытался пробудить в себе восторженное отношение к наспех сколоченному сооружению, которое должно было доставить съемочную группу к месту съемок на Оркнейских островах.

Прямоугольная железная рама была сварена по чертежам профессора, затем на нее была настлана платформа из толстых досок. Как только передняя часть настила была закончена, на ней соорудили контрольную рубку и профессор Хьюитт начал руководить монтажом увеличенного времееатрона, который отличался не только гигантскими размерами, но и гораздо большим количеством сверкающих катушек и проводов, чем первоначальный вариант. К тому же у него был мощный дизель-генератор. Почти две дюжины огромных автомобильных покрышек было прикреплено к дну платформы для смягчения удара при приземлении, по краям платформы были сооружены поручни, и над ней было воздвигнуто нечто вроде клетки из тонких труб для обозначения границ действия временного поля.

Все сооружение выглядело каким-то иллюзорным, ненастоящим, и Барни решил, что лучше всего ему не думать об этом.

– Включай! – крикнул профессор Хьюитт, выползая из-под своего аппарата с дымящимся паяльником в руках.

Механик склонился над дизелем, машина застонала, повернулась, затем выплюнула струю синего дыма и деловито застучала.

– Ну как дела, профессор? – спросил Барни через открытую дверь. Хьюитт обернулся и, прищурившись, посмотрел на него.

– А, доброе утро, мистер Хендриксон. Я полагаю, вы интересуетесь состоянием моего времеатрона-два, и рад ответить, что работает он отлично. Мы готовы начать операцию в любое время, все цепи проверены, ждем ваших указаний.

Барни посмотрел на плотников, забивающих последние гвозди в настил платформы, затем ногой отбросил щепку.

– Мы отправимся немедленно, как только обсудим проблему возвращения.

Хьюитт покачал головой.

– Я провел эксперименты с времеатроном, чтобы выяснить, нельзя ли пересечь временной барьер, однако это оказалось невозможным. Когда мы возвращаемся назад, нам приходится описывать дугу в континууме, используя дополнительную энергию для деформирования наших собственных временных линий по сравнению с мировыми. Обратное путешествие после визита в прошлое – независимо от того, как долго мы в нем оставались, – происходит вдоль того же временного вектора, который был создан первоначальным движением во времени; в определенном смысле обратное путешествие можно назвать эндотемпическим поглощением временной энергии, тогда как первоначальное путешествие в будущее или прошлое – процесс экзотемпический. Таким образом, мы не можем вернуться в момент, который был раньше момента нашего отправления из мировой временной материи, так же как мячик не может подпрыгнуть выше того уровня, с которого его уронили. Поняли?

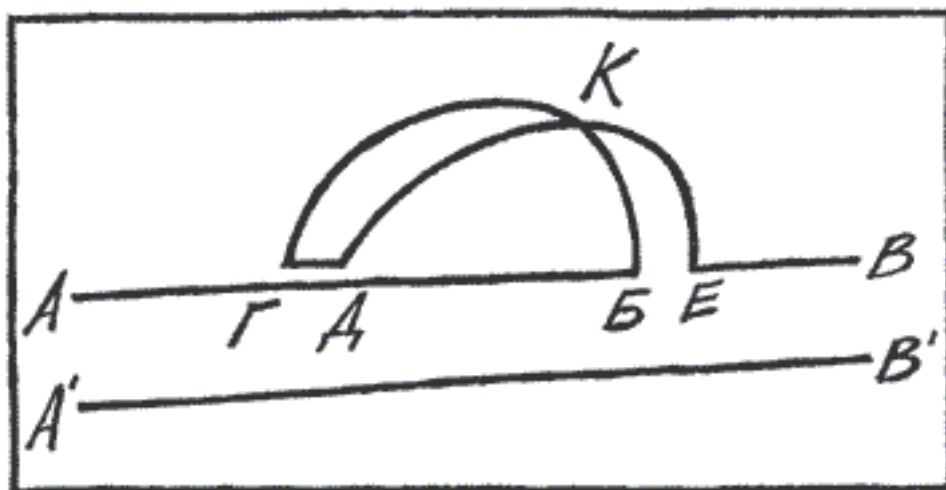
– Ни единого слова. Не могли бы вы снова все объяснить, но на этот раз выражаться по-человечески?

Профессор Хьюитт поднял кусок фанеры, лизнул кончик своей шариковой ручки и начертил простой рисунок.

– Взгляните сюда, – сказал он, – и вам тотчас все станет ясно. Линия $A'B'$ – это линия мирового времени, где A' – прошлое, а B' – будущее. Точка B – это наше сознание сегодня, теперь, наше «сейчас» во времени. Линия AB – временная линия времеатрона, совершающего путешествие, или наши собственные временные линии, когда мы путешествуем вместе с ним. Обратите внимание, что мы оставляем линию мирового времени в точке B и движемся по времени, прибывая, ну, скажем, в тысячный год, в точку G . Таким образом, мы путешествуем по дуге BG . Мы возвращаемся в мировое время в точке G и остаемся там, двигаясь вместе с мировым временем, и продолжительность нашего визита в прошлое обозначена линией GD . Вы следите за моими рассуждениями?..

– Пока да, – сказал Барни, проводя указательным пальцем вдоль линий. – Продолжайте, профессор, пока я еще не забыл, что к чему.

– Конечно. Теперь обратите внимание на дугу DE , наше обратное путешествие во времени к тому моменту, которое отстоит всего на долю секунды от момента нашего первоначального отправления, то есть точки B . Я могу контролировать наше прибытие в точку E при условии, что она будет находиться после точки B , однако я никогда не смогу вернуться перед точкой B . Чертеж всегда будет давать BE и никогда – EB .

– Почему?

– Я рад, что вы задали этот вопрос, потому что это центральный вопрос всей проблемы. Посмотрите снова на чертеж и вы увидите, что при пересечении дуги БГ с дугой ДЕ возникает точка К. Эта точка К обязательно должна существовать, иначе будет невозможно совершить обратное путешествие, ибо К является точкой обмена энергией, где происходит уравнивание масштабов времени. Если у вас точка Е будет между Б и Д, дуги не пересекутся, независимо от того, насколько близко друг от друга они пройдут, обмена энергией не произойдет и путешествие во времени не состоится.

Барни нахмурился и потер лоб.

– Или, попросту говоря, мы не можем вернуться раньше, чем отправились, – сказал он.

– Совершенно точно.

– Иными словами, все время, которое мы потратили на этой неделе, безвозвратно пропало.

– Правильно.

– Значит, если мы хотим, чтобы картина была готова к десяти часам утра в понедельник, мы должны отправиться в прошлое и оставаться там до тех пор, пока она не будет закончена.

– Да я и сам не смог бы короче сформулировать этот тезис.

– Тогда давайте отправим этот цирк в дорогу, потому что сейчас утро субботы. Плотники уже кончили свою работу, пора трогать.

Первым автомобилем в колонне был джип; Текс спал на переднем сиденье, а Даллас на заднем, Барни подошел к машине, нажал на сигнал и в следующее мгновение замер, глядя как зачарованный в дуло длинноствольного кольта, который сжимала дрожащая рука Текса.

– У меня ужасно трещит голова, – прохрипел Текс, – и я не советовал бы нас беспокоить. – Он неохотно опустил револьвер в кобуру.

– Какие-то нервные все сегодня, правда? – сказал Барни. – Ничего, свежий морской воздух будет вам на пользу. Поехали!

Текс нажал на стартер, двигатель взревел, и джип въехал по металлическим сходням, установленным Далласом, на платформу времееатрона. Как только джип замер на платформе, Даллас втащил за собой обе металлические полосы.

– На первый раз достаточно, – сказал Барни. – Мы найдем ровную полянку и вернемся обратно за остальными. Поехали, профессор, – то же самое место, что и раньше, но спустя два месяца.

Хьюитт пробормотал что-то себе под нос, устанавливая цифры на приборах, затем включил механизмы времеатрона. Вторая модель была усовершенствованным образцом в том отношении, что она в какое-то неуловимое мгновение давала возможность ощутить все симптомы казни на электрическом стуле, но, слава богу, все это окончилось едва ли не раньше, чем началось. Казалось, пассажиры были струнами арфы, на которой палец небожителя взял аккорд. Съёмочный павильон исчез, вместо него уже были соленые брызги и чистый освежающий воздух. Текс застонал и доверху застегнул молнию на своем костюме.

– Похоже, вон та лужайка для нас подойдет, – заметил Барни, указывая на довольно ровное поле, плавно опускающееся к берегу. – Отвези меня туда, Текс, а Даллас останется с профессором.

Джип на самой малой скорости с трудом взобрался на вершину холма, грохот его выхлопа вызвал переполох среди черноголовых чаек, которые с криком начали кружиться над их головами.

– Пожалуй, здесь хватит места, – сказал Барни, вылезая из джипа и сковыривая носком ботинка кочку с пучком травы. – Двигай обратно и скажи профу: пусть прыгнет чуть-чуть вперед и посадит платформу рядом со мной – так ему будет легче отыскать это место, когда мы примемся за переброску остальной группы.

Барни сунул руку в карман, извлек пачку сигарет, но она оказалась пустой. Он смял ее и бросил на землю, а тем временем Текс лихо развернулся и стремительно направил джип обратно к платформе. Сходни были все еще опущены, джип въехал по ним и остановился. Барни отчетливо видел, как Даллас убрал сходни и профессор повернулся к времеатрону.

– Эй!.. – начал Барни, но в то же мгновение платформа исчезла; на земле остались только следы джипа и отпечатки автомобильных покрышек на траве, где раньше покоилась платформа. Барни не хотел отправлять Текса вместе с остальными.

Облако закрыло солнце, и Барни вздрогнул от холода. Чайки снова сели на воду у самого берега; первозданную тишину нарушал лишь шум прибоя, разбиравшегося о берег. Барни взглянул на смятую пачку сигарет – единственный знакомый предмет среди этого чуждого окружения – и снова поежился.

Он не смотрел на часы, но, конечно, прошло не более одной-двух минут. И все же за это короткое время он хорошо понял, каково было Чарли Чангу, заброшенному на доисторический остров Каталина со всеми этими глазами и зубами вокруг него. Барни надеялся, что Йенс Лин не чувствовал себя слишком несчастным во время своего двухмесячного пребывания с Оттаром. Если бы за многие годы работы в кино Барни не утратил совести, он мог бы почувствовать жалость к ним. Но теперь он испытывал жалость только по отношению к самому себе. Облако скрылось, теплые лучи солнца снова упали на Барни, однако ему все еще было холодно. В течение этих минут он чувствовал себя таким одиноким и таким забытым, как никогда раньше.

Платформа снова появилась и упала с высоты нескольких дюймов на лужайку рядом с ним.

– Давно пора! – крикнул Барни, расправив плечи и почувствовав, как к нему снова возвращается уверенность. – Где вы пропадали?

– В двадцатом столетии, где же еще? – ответил профессор. – Вы ведь не забыли о точке К, верно? Для того чтобы переместиться на несколько минут вперед в вашем относительном времени, мне пришлось сначала вернуться в то время, из которого мы прибыли, и уже затем обратно к вам с соответствующим физическим и временным сдвигом. Как вы считаете, сколько времени мы отсутствовали?

– Не знаю, несколько минут, пожалуй.

– По-моему, это очень хорошо для путешествия туда и обратно продолжительностью в две тысячи лет. Ну-ка посмотрим, пять минут дадут нам микроскопически малую ошибку по отношению к...

– Ну ладно, проф, вы рассчитаете это в свободное время. Нам нужно сейчас перебросить сюда всю группу и приняться за работу. Вы двое съезжайте с платформы и оставайтесь здесь. Мы начнем перевозить автомобили по одному, и сразу после прибытия вы должны отводить их в сторону, чтобы освободить место для других. Поехали.

На этот раз Барни вернулся вместе с платформой и даже на мгновение не задумался о том, как чувствовали себя те двое, которые остались позади.

Переброска происходила довольно гладко. После того как были перевезены первые машины, грузовики и трейлеры начали как по конвейеру двигаться через двери съемочного павильона и бесследно исчезать в прошлом. Неудача постигла только грузовик, стоявший третьим в очереди: он не поместился на платформе, и, когда платформа с грузовиком исчезла, два дюйма выхлопной трубы и половина номерного знака со стуком упали на пол. Барни поднял кусок трубы и с любопытством посмотрел на сверкающий срез, гладкий и ровный, будто отполированный. Очевидно, этот кусок оказался за границами временного поля и просто остался на месте. То же самое легко могло случиться с рукой.

– Во время путешествия все, кроме профессора, должны находиться внутри трейлеров и грузовиков. Только несчастных случаев нам не хватало!

Последним рейсом переправили трактор с катером на прицепе и грузовик-холодильник, и Барни вскарабкался на платформу вслед за ними. Он бросил последний взгляд на калифорнийский пейзаж, залитый солнцем, и подал профессору знак отправляться. На часах было 11.57 – до полудня субботы оставалось три минуты, когда двадцатый век мигнул и исчез и появилось одиннадцатое столетие. Барни облегченно вздохнул. Теперь время – в том веке, который они покинули, – остановилось. И как бы долго они ни снимали свой фильм, там, в Калифорнии, время останется неизменным. Когда они вернутся с отснятым фильмом, в Голливуде все еще будет полдень субботы – почти два дня до рокового понедельника. Впервые спешить было некуда.

Несколько секунд Барни стоял, расслабившись, чувствуя, как напряжение покидает его. Но вот он вспомнил, что ему предстоит снять целую картину со всеми вытекающими отсюда проблемами и неприятностями, и ответственность снова внезапным бременем опустилась ему на плечи, и только что исчезнувшее напряжение вновь навалилось на него.

Где-то рядом взревел двигатель трактора, и воздух наполнился отвратительным запахом выхлопных газов. Барни отошел в сторону, пока по сходням осторожно спускали прицеп с катером, и оглядел лужайку. Грузовики и трейлеры были разбросаны как попало, хотя некоторые из них образовали что-то вроде круга, подобно повозкам переселенцев, готовящихся отразить атаку индейцев. Здесь и там бродили одинокие фигуры, однако большинство еще спало. Барни пожалел, что не относится к их числу, однако тут же решил, что не смог бы заснуть, даже если бы попытался.

«Ну что ж, – подумал он, – пора приниматься за дело».

Барни подошел к Тексу и Далласу как раз тогда, когда они устраивались на траве, подложив под головы сиденья, вытащенные из джипа.

– Лови! – сказал он, бросая монету, которую Даллас поймал на лету. – Кидайте жребий. Один из вас отправится со мной за Йенсом Лином, а другой может дрыхнуть.

– Решка – идешь ты, – сказал Даллас и выругался, когда монета улеглась на траве, глядя на него портретом Джорджа Вашингтона.

Текс засмеялся, затем опустился на траву.

– Знаешь, – сказал Даллас, когда они отъехали от лагеря и спускались к берегу моря, – я не имею ни малейшего представления, где мы находимся.

– На Оркнейских островах, – ответил Барни, провожая взглядом чаек, которые стремительно проносились над их головами и выкрикивали проклятия по их адресу.

– Я всегда был слаб в географии.

– Это маленькая группа островов к северу от Шотландии, примерно на одной широте со Стокгольмом.

– К северу от Шотландии? Кончай шутить! Когда шла война, моя часть находилась в Шотландии, и за все время я видел солнце только несколько раз в просвете между облаками, и к тому же я там чуть не замерз...

– Не сомневаюсь, но ведь это было в двадцатом веке. А сейчас мы в одиннадцатом веке, в середине так называемого Малого климатического оптимума. По крайней мере, так назвал его профессор, и, если тебе хочется знать больше, спроси у него. Короче говоря, в одиннадцатом веке климат был... точнее, сейчас он мягче, чем в двадцатом.

– Трудно в это поверить, – пробормотал Даллас, глядя на солнце с таким подозрением, как будто ожидал, что оно может исчезнуть в любую минуту.

Дом был точно таким, каким они оставили его два месяца назад. На пороге сидел один из слуг и точил нож. Когда джип подъехал, слуга испуганно вскочил, уронив точильный камень, и исчез внутри хижины. Через минуту на пороге появился Оттар, вытирая рукавом рот.

– Добро пожаловать! – рявкнул он, когда джип остановился. – Рад видеть вас снова. Где «Джек Дэниелс»?

– Похоже, что уроки языка возымели свое действие, – заметил Даллас, – но побороть его пристрастие к «Джеку» они не смогли.

– Виски у нас сколько угодно, – успокоил Оттара Барни. – Но сначала я хочу поговорить с доктором Лином.

– Он там, в хижине, – сказал Оттар и вдруг заревел: – Йенс, иди сюда!

Йенс Лин появился из-за угла хижины, волоча ноги, согнувшись под тяжестью грубого деревянного бочонка. Он был бос и оброс грязью до пояса. Нечто похожее на мешок с куском кожи вокруг поясницы заменяло ему одежду; спутанная борода и ниспадающие до плеч волосы делали его похожим на Оттара. Увидев джип, он замер как вкопанный, его глаза расширились, изо рта вырвался хриплый крик. Подняв бочонок над головой, он побежал к джипу. Даллас выпрыгнул из машины и принял положение боевой готовности.

– Осторожнее, док, – сказал он. – Опустите бочонок, пока кого-нибудь не ушибли.

Слова, а может быть, фигура Далласа, приготовившегося к прыжку, обуздали ярость Лина. Он остановился и опустил бочонок.

– Что случилось? – крикнул он. – Где вы все пропадали?

– Готовились к съемкам фильма, где же еще? – ответил Барни. – Прошло всего два дня с тех пор, как я доставил вас сюда, то есть для нас это было два дня, и я понимаю, что для вас прошло целых два месяца.

– Два месяца! – завопил Йенс. – Прошло больше года! Что случилось?

Барни пожал плечами.

– Наверно, профессор сделал какую-нибудь ошибку. Все эти приборы, знаете...

Йенс Лин заскрипел зубами с такой силой, что скрежет было слышно на расстоянии нескольких шагов.

– Ошибка... Для вас это всего лишь ошибка. А я оказался здесь с этими вшивыми варварами, ухаживал за их вонючим скотом. Через пять минут после вашего отъезда Оттар стукнул меня кулаком по голове и забрал всю мою одежду, все снаряжение и все виски.

– Зачем работать за виски, когда можно его взять просто так, – сказал Оттар, следуя элементарной логике викинга.

– Ну, что сделано, того не воротишь, – сказал Барни. – Вы пробыли здесь год, но я позабочусь о том, чтобы вы получили все сполна. Ваш контракт все еще в силе, и вы получите жалованье за весь год. Не так уж плохо за два дня работы, и вам еще предстоит академический

отпуск, за который вы тоже получите годовой оклад. Вы выполнили свою задачу и научили Оттара английскому языку...

– Любовь к виски его научила. Он непробудно пил в течение месяца, а когда очухался, вспомнил об уроках английского языка. Он заставил меня учить его каждый день, чтобы, если вы вернетесь, потребовать плату за каждый день обучения.

– Оттар говорит очень хорошо, это верно. Где виски?

– У нас неограниченный запас, Оттар, не волнуйся, – сказал Барни и снова повернулся к Лину. У него в голове зашевелились мрачные мысли о судебном процессе, который может возбудить доктор. – Послушайте, док, давайте будем квиты? Годовое жалованье за обучение Оттара английскому языку, и вы будете помогать нам, пока снимается фильм. Я уверен, что это был для вас интереснейший год...

– А-а-а-а!

– И вы его не скоро забудете. Вы узнали массу нового насчет грамматики старонорвежского...

– Гораздо больше, чем мне бы хотелось.

– Так что давайте не будем ссориться. Как ваше мнение?

Йенс Лин несколько мгновений стоял, стиснув кулаки и тяжело дыша, затем бросил бочонок на землю и свирепо поддал его ногой, так что бочонок тут же разлетелся на куски.

– Ну хорошо, – сказал он наконец. – У меня нет выбора. Но я и пальцем не пошевелю, пока мне не будет предоставлен душ, полная дезинфекция и свежая смена белья.

– Конечно, док. Через несколько минут мы доставим вас в лагерь, он вон за тем холмом...

– Ничего, я найду его сам, если вы не против. – Йенс Лин повернулся и зашагал по берегу.

– Виски, – напомнил Оттар. – Дайте мне немного...

– Работа, – в тон ему ответил Барни. – Если ты у нас на водочном жалованье, то постарайся его отработать. Съёмки начинаются завтра утром, и мне хотелось бы сначала кое-что узнать.

– Конечно. Заходи в дом.

– Никогда в жизни! – воскликнул Барни, отпрянув в сторону. – Я слишком хорошо помню, что случилось с парнем, который зашел к тебе до меня.

Глава 8

– Не шевелись! – закричал Джино. – От тебя требуется только одно – стоять неподвижно, а ты не можешь сделать даже этого.

– Хочется выпить, – пробурчал Оттар и нетерпеливо дернул за длинные спутанные волосы слугу, который стоял рядом, изображая Слайти.

Слуга взвизгнул и чуть не упал.

Джино выругался и оторвался от окошечка видеоискателя.

– Барни, – взмолился он, – поговори с этими кретинами из каменного века. Мы снимаем любовную сцену, а они слоняются взад и вперед по всему склону, будто это матч по борьбе. Это самые плохие статисты, каких мне только приходилось видеть.

– Ты просто замечь место, Джино, через минуту мы будем готовы, – ответил Барни, поворачиваясь к своим звездам.

Раф стоял, сложив руки на груди и устремив в пространство отсутствующий взгляд. В костюме викинга и со светлой бородой он выглядел очень импозантно. Слайти откинулась на спинку походного кресла, пока ей расчесывали парик, и выглядела еще более импозантно со своими двумя кубическими футами округлой плоти, выпирающей из низкого выреза платья.

– Повторяю все еще раз, – сказал Барни. – Вы любите друг друга, Раф отправляется на битву, и ты, может быть, больше никогда не увидишь его, поэтому вы прощаетесь на холме, страстно обнимая друг друга.

– А я-то думала, что ненавижу его, – сказала Слайти.

– Это было вчера, – разъяснил ей Барни. – Наши сцены снимаются не в том порядке, в каком они будут в фильме, я уже два раза объяснял это сегодня утром. Давайте я повторю еще раз, кратко, – если соизволите осчастливить меня своим вниманием, мистер Хоук. Действие начинается с того, что Тор, роль которого исполняет Раф, вместе с бандой викингов нападает на ферму, где живешь ты, Слайти. Тебя зовут Гудрид, и ты дочь хозяина дома. В бою все убиты, кроме тебя, и Тор захватывает тебя в качестве трофея. Ночью он приходит к тебе, но ты борешься с ним, потому что ненавидишь его. Однако постепенно он завоевывает твое сердце, и в конце концов ты полюбила его. В это время он уходит с викингами в очередной поход, и ты ждешь его возвращения. Это как раз та сцена, которую мы снимаем сейчас. Он уходит, ты бежишь за ним, окликаешь его, он поворачивается, ты подбегаешь к нему и обнимаешь, прямо здесь. Надеюсь, теперь это понят...

– Смотрите, – прервал его Раф, указывая на море, – подходит корабль.

Они повернулись к морю, – действительно, ладья викингов только что обогнула мыс и вошла в залив. Парус был свернут, голова дракона на носу корабля вздымалась и опускалась в такт ритмичным движениям гребцов.

– Завтра! – закричал Барни. – Лин, где ты? Разве вы с Оттаром не договорились, что этот Финнбогги приведет свой корабль завтра?

– У них очень приблизительное представление о времени, – ответил Лин.

Барни швырнул шляпу на землю и подбежал к оператору.

– Как ты думаешь, Джино, это стоит заснять? Ты можешь взять корабль?

Джино повернул туррет, направил длинную трубу телеобъектива в море и прильнул к видоискателю.

– Неплохо, – сказал он, – великолепный кадр.

Оттар и другие норвежцы уже бежали вниз по склону и не обратили никакого внимания на крики Барни, который хотел, чтобы они убрались из кадра.

– Что это они делают? – спросил Барни, когда скандинавы начали выбегать из хижины, держа в руках оружие.

– Если бы я только знал, – недоуменно сказал Лин. – Может, это какой-то неизвестный мне обряд приветствия?

Оттар со своими людьми стоял у самой воды, что-то крича, и люди с корабля кричали ему в ответ.

– Снимай все происходящее, Джино, – распорядился Барни. – Если кадры будут хорошими, мы вставим эти сцены в сценарий.

Несколько взмахов веслами – и корабль викингов уткнулся в берег. Голова дракона высилась над стоящими на берегу людьми. Не успел корабль остановиться, как вновь прибывшие схватили щиты, висевшие вдоль бортов, и попрыгали в воду. Подобно стоящим на берегу, они тоже размахивали над головой самыми разномастными мечами и топорами. В следующее мгновение обе группы столкнулись.

– Ну, как это выглядит в кадре? – спросил Барни.

– Санта Мария! – крикнул Джино. – Они убивают друг друга!

Звон металла смешался с хриплыми боевыми криками воинов. Зрители, стоявшие на холме, не могли различить деталей, множество борющихся фигур сливались в общую массу, пока из гущи боя не вырвался человек, который, спотыкаясь, побежал вдоль берега. Он был безоружен и казался раненым, а следом за ним бежал его противник, всюду размахивая топором с длинной рукояткой. Преследование было коротким, а конец – внезапным. Как только

расстояние между преследуемым и преследователем сократилось, топор, описав широкую дугу, отрубил убежавшему голову, которая покатилась вдоль берега.

– Да, они вошли в роль, – выдавил из себя Барни.

– Мне кажется, это не Финнбогги со своими людьми, – сказал Лин. – Я думаю, что это совсем другой корабль.

Барни был человеком действия, но подобные действия были не в его духе. Звуки битвы и зрелище обезглавленного трупа, валяющегося на окровавленном песке, парализовали его. Как поступить? Это был не его мир, не его методы борьбы. Вот Текс или Даллас в такой ситуации оказались бы в своей тарелке. Кстати, где же они?

– Радио, – пробормотал он, с опозданием вспомнив о приемнике-передатчике, висевшем у него на плече; он включил радио и спешно вызвал к себе обоих трюкачей.

– Он заметил нас, поворачивается, он бежит к нам, – взволнованно закричал Джино. – Какие великолепные кадры!

Вместо того чтобы вернуться в гущу боя, убийца бежал вверх по склону, размахивая топором и что-то хрипло крича. Группа артистов, стоящих на вершине холма, следила за его приближением, но не двигалась с места. Все было настолько чуждо им, что они не могли представить себя не кем иным, кроме зрителей, не могли вообразить, что могут быть вовлечены в ужасную бойню, развернувшуюся на берегу. Атакующий викинг подбегал все ближе и ближе, пока не стали отчетливо видны темные пятна океанских брызг и пота на грубой красной шерсти его рубахи и зловещие багровые пятна крови на топоре и руках.

Тяжело дыша, викинг бежал прямо на Джино, очевидно считая съёмочную камеру каким-то оружием. Оператор оставался на посту до последнего мгновения, снимая своего разъяренного противника, и отскочил в сторону только в тот момент, когда топор обрушился вниз. Широкое лезвие ударило по ноге треножника, согнув ее и чуть не опрокинув съёмочную камеру на землю.

– Эй, поосторожнее с оборудованием! – крикнул Барни и тут же пожалел об этом, когда обезумевший от ярости викинг повернулся в его сторону.

Джино пригнулся, выставив перед собой руку с ножом, поблескивающим в лучах солнца, и спокойно ожидая новой атаки – тут, несомненно, чувствовался опыт юношеских лет, проведенных в труппах Неаполя. Стоило викингу на мгновение отвлечься, как Джино нанес удар.

Он не промахнулся, однако викинг, несмотря на свои огромные размеры, оказался быстрым как кошка. Он успел повернуться, и нож вместо живота скользнул по боку. Заревев от внезапной боли, викинг продолжал наступление, и рукоятка топора обрушилась на голову итальянца, сбив его с ног. Все еще яростно крича, викинг схватил Джино за волосы, отогнул его голову назад, обнажив шею, и взмахнул топором, чтобы нанести роковой удар.

Воздух разорвал щелчок пистолетного выстрела, и тело викинга, в грудь которого попала пуля, судорожно дернулось. Он повернулся, открыв рот, на лице его застыла гримаса молчаливой боли, и Текс – они даже не знали, что подъехал джип, – положив руку с револьвером на руль, выстрелил еще два раза. Обе пули попали викингу в лоб, и он рухнул на землю, отдав богу душу еще до того, как его тело коснулось земли.

Джино оттолкнул от себя безжизненное тело викинга и, встав на ноги, весь дрожа, наклонился над камерой. Текс снова включил двигатель джипа. Остальные были настолько потрясены внезапностью атаки, что стояли как вкопанные.

– Хотите, я поеду к берегу и помогу нашим статистам? – спросил Текс, вкладывая патроны в барабан револьвера.

– Да, – сказал Барни. – Необходимо прекратить это безобразие, пока еще кого-нибудь не убили.

– Не могу гарантировать, что этого не случится, – зловеще пробормотал Текс и повернул джип вниз по склону холма.

– Кончай съемку! – крикнул Барни оператору. – Мы можем вставить в наш фильм что угодно, только не джипы.

Текс заклинил чем-то кнопку гудка, так что тот ревел не переставая, и держал мотор на самой низкой передаче – он гудел как бешеный, а коробка передач выла, готовая разорваться. Со скоростью пять миль в час джип устремился к месту битвы.

Оттар и его люди видели джип много раз и успели привыкнуть к нему, однако этого нельзя было сказать про викингов с нападающего корабля. Они увидели, как на них мчится какое-то ревущее чудовище, и по вполне понятным причинам не стали ждать его приближения, а разбежались влево и вправо. Текс, резко развернув джип у самой кромки воды, успел поддать буфером в зад одному из них, который не проявил достаточного проворства. Оттар и его люди собрались позади джипа и перешли в решительное наступление на рассеявшегося по берегу противника. Морские викинги дрогнули и обратились в бегство, поспешно карабкаясь на корабль и хватаясь за весла.

На этом и пришел бы конец попытке вторжения, если бы Текс не был охвачен боевой лихорадкой. Не успел корабль викингов сдвинуться с места, как он выскочил из-за руля, подбежал к переднему бамперу и вытащил оттуда барабан лебедки с намотанным на него стальным тросом. На его конце была петля. Вытянув трос достаточной длины, он вскочил на капот джипа и начал размахивать тросом. При этом он издавал воинственный клич, разносившийся по всему берегу. Все шире и шире становились круги, и наконец трос взвился в воздух и петля опустилась прямо на голову дракона на носу корабля викингов. Текс дернул за трос, накрепко затянув петлю, и, спрыгнув на землю, неторопливо залез обратно в кабину.

Весла взбили белой пеной воды залива, и корабль медленно и плавно отошел от берега. Текс закурил сигарету, предоставив тросу разматываться. Вот корабль отошел на двадцать, вот уже на тридцать футов от джипа. Один из викингов, стоя на носу, рубил топором стальной трос, но не добился ничего, разве что совершенно затупил топор. Текс ногой очень быстро переключил лебедку на обратное вращение. Трос поднялся из воды, натянулся подобно струне, корабль дрогнул и остановился. Затем медленно, но верно он двинулся обратно к берегу. Весла, отбрасывая брызги, погружались глубоко в воду, но тщетно.

Теперь оставалось только довершить разгром. После Тексова маневра первоначальный пыл, с которым атакующие бросились на берег, полностью испарился. Оружие посыпалось в воду, и захватчики подняли руки вверх – они сдавались. Только один из них жаждал сразиться – тот самый, который пытался разрубить стальной трос. Держа топор в одной руке и круглый щит в другой, он спрыгнул на берег и кинулся к джипу. Текс взвел курок револьвера и ждал, но в схватку вступил Оттар, отразивший атаку. Оба викинга начали описывать круги возле самой воды, выкрикивая оскорбления по адресу друг друга. Когда Текс увидел, что все остановилось, он осторожно спустил взведенный курок и сунул револьвер в кобуру, следя за схваткой двух богатырей.

Оттар, взмокший от пота и предельно возбужденный битвой, будил в себе безумие берсеркера, грыз край щита, что-то хрипло крича. Он вбежал по колена в воду и продолжал идти к своему противнику. Вождь атакующих замер в нескольких ярдах от него, бросая на Оттара яростные взгляды из-под нависшего на глаза железного шлема и выкрикивая ответные оскорбления. Оттар несколько раз плашмя ударил топором по своему щиту, затем внезапно ринулся вперед, взмахнув топором, и обрушил сокрушительный удар на голову противника. Тот успел поднять щит, чтобы отразить удар, однако он был нанесен с такой силой, что викинг рухнул на колени.

С радостным воплем Оттар снова и снова наносил безжалостные удары топором, не замедляя ритма, как дровосек, валяющий дерево. Викинг стоял на коленях и не мог поднять

свой топор – он опирался на него, чтобы не упасть под градом мощных ударов. От его щита летели щепки, и огромная волна окутала сражавшихся туманом мелких брызг.

Вдруг ритмичные удары по щиту прекратились – Оттар поднял топор как можно выше и со всей силой обрушил его прямо вниз, на голову противника. Щит взлетел вверх, однако не предотвратил сокрушительного удара. Топор соскользнул по щиту, едва замедлив движение, и глубоко вонзился в бедро викинга. Тот взвыл от боли и взмахнул топором, стремясь нанести ответный удар. Однако Оттар, увернувшись, легко отскочил назад и остановился на мгновение посмотреть на дело рук своих. Раненый с трудом встал, перенося весь свой вес на здоровую ногу, и было ясно видно, что его бедро перерублено почти наполовину и из раны хлещет поток крови. Оттар отбросил от себя щит и топор и издал победный клич. Раненый викинг сделал неловкую попытку атаковать его, однако Оттар, смеясь, увернулся. Все скандинавы, стоявшие на берегу, да и большая часть викингов на корабле тоже смеялись над бессильной яростью раненого викинга. Он продолжал ползти к Оттару, пытаясь повалить своего противника.

Должно быть, Оттар понял, что эта забава может кончиться только смертью его противника от потери крови, потому что он подбежал к поверженному врагу и вспрыгнул ему на спину, погрузив его лицо в пенящуюся воду. Затем, встав одной ногой на правую руку викинга, которая все еще сжимала топор, он обеими руками схватил его голову, ткнул ее в песок и мелкую гальку и держал до тех пор, пока тело викинга не перестало дергаться. Враг утонул в нескольких дюймах пенящейся воды. Все воины на берегу и корабле приветствовали победу Оттара радостными криками.

На вершине холма царила тишина, только Раф Хоук нетвердым шагом отошел в сторону: его рвало. Барни впервые заметил, что Джино снова склонился над камерой.

– Ты успел заснять схватку? – спросил он, мучаясь оттого, что его голос дрожит и срыгается.

– До последнего момента! – ответил Джино, похлопывая по диску с заснятым фильмом. – Хотя я не уверен, что мне удалось запечатлеть все подробности с такого расстояния.

– Все к лучшему, – сказал Барни. – На сегодня мы закончим, все равно вот-вот начнет темнеть, да я и не думаю, что кто-нибудь из нас сможет работать в таком окружении. – Он кивком указал на мрачное зрелище внизу, у берега.

– А меня это несколько не волнует, – беззаботно ответила Слайти. – Это напоминает мне бойню, на которой работал мой отец, когда мы жили в Чикаго. Я каждый день приносила ему ленч.

– Ну, не все могут похвастаться таким хладнокровием, – сказал Барни. – Завтра ровно в семь тридцать начнем с того, где кончили сегодня.

Он направился вниз по склону холма к шумной толпе на берегу.

Убитых и раненых из обеих групп сволокли в одно место, туда, где волны не могли их достать, и победители уже грабили захваченное судно, начав с эля. Уцелевшие викинги стояли под стражей, и перед ними расхаживал взад и вперед Оттар, что-то крича и размахивая кулаками для пущей выразительности. По-видимому, его слова возымели действие, потому что, когда Барни спустился с холма, скандинавы, побежденные и победители, повернулись и вместе двинулись по направлению к хижине. Только один человек не двинулся с места. Оттар обрушил ему на голову мощнейший удар, и человек рухнул как подкошенный. Двое слуг подняли и унесли его. Оттар вошел в море и начал шарить по дну, разыскивая свой топор, когда Барни подошел к нему.

– Может быть, ты скажешь мне, что все это значит? – спросил Барни.

– Ты видел, как я рубанул его по ноге? – торжествующе крикнул Оттар, размахивая найденным топором над головой. – Крак! Отрубил почти начисто!

– Хорошо сыграно. Я видел все. Прими мои поздравления. Но кто он такой и что они здесь делали?

– Его имя Торфи. Виски?! – Это уже был триумфальный возглас, потому что Текс бросил на песок освобожденный трос и извлек из-под сиденья джипа поллитровую бутылку.

– Виски, – согласился Текс. – Правда, не твой любимый сорт, но этот тоже неплох. А хорошо у тебя получился этот удар с размаху!

Предвкушая наслаждение, Оттар стал вращать глазами, затем, поднеся к губам бутылку, зажмурился и осушил ее до дна.

– Вот бы мне так научиться, – с завистью сказал Текс.

Барни подождал, пока бутылка не опустела и Оттар с победным криком не запустил ее в море, а затем спросил:

– Так вот этот Торфи. Кто он такой?

Усталость после битвы и выпитое виски внезапно обрушились на плечи Оттара, и он опустился на гальку, трясая огромной головой.

– Торфи, сын Вальбранда, – сказал он, как только снова смог набрать воздуха в легкие, – сына Вальтофа, сына Орлуга, пришел к Свайни... Торфи убил за один раз двенадцать людей Кроппа. Он убил и семью Холсменов, и он был в Хеллисфитаре вместе с Иллуги Черным и Стурли Добрым, когда там убили восемнадцать пещерных людей. Они также сожгли Аудуна, сына Смедкела, в его собственном доме в Бергене. – Оттар остановился и с глубокомысленным видом кивнул, будто сообщил сведения огромной важности.

– Ну и что? – озадаченно спросил Барни. – Что все это значит?

Оттар посмотрел на него и нахмурился.

– Смедкел был женат на Тородде, моей сестре.

– Да, конечно! – воскликнул Барни. – Как только это вылетело у меня из головы! То есть у этого Торфи были нелады с твоим шурином, а значит, и с тобой, и, когда он попытался тебя прикончить, ты его опередил. Ну и жизнь! А кто были его воины?

Оттар пожал плечами и с трудом поднялся на ноги, опираясь на переднее колесо джипа.

– Викинги, грабители. Собирались грабить Англию. Им не нравился Торфи, потому что он решил плыть сначала сюда, вместо того чтобы сразу отправиться в Англию. Теперь они отправятся со мной грабить Англию. Мы поплывем на моем новом корабле.

Он указал топором на корабль, украшенный головой дракона, и зашелся от смеха.

– А тот, который не хотел присоединиться к вам?

– Это Хаки, брат Торфи. Я сделаю его рабом. Продам его собственной семье.

– Ну что за парни! – сказал Текс. – Они не очень-то церемонятся.

– Ты совершенно прав, – подтвердил Барни, в изумлении уставившись на викинга, который в этот момент показался ему гигантом. – Лезь в джип, Оттар, мы отвезем тебя домой.

– Оттар поедет в чипе! – с энтузиазмом воскликнул викинг, бросил в джип свой топор и щит и полез в кабину.

– Только не на сиденье водителя, – сказал Текс. – Все мое время.

В число припасов, снятых с захваченного корабля, входила дюжина бочонков эля, большая часть которых были открыты и стояли перед хижинкой, где уже начался пир в ознаменование победы. По-видимому, воины Оттара не питали злых чувств к своим бывшим противникам, потому что те смешались с победителями и не уступали им в количестве выпитого эля. Единственным человеком, который не наслаждался пиром, был Хаки, связанный по рукам и ногам и брошенный под скамью. Пирующие шумными криками приветствовали Оттара, который тут же направился к бочонку с выбитым дном, зачерпнул рукой эль из бочонка и начал его пить.

Когда крики стихли, снаружи послышался шум мотора, и Барни увидел пикап, который шел вдоль берега к дому. Машина затормозила, осыпав Барни дождем мелкой гальки, и из нее выглянул Даллас.

– Мы добрых десять минут пытались связаться с тобой по радио, а может быть, и больше, – сказал он.

Барни взглянул вниз на свой радиоприемник и увидел, что он был выключен.

– Все в порядке, – успокоил он Далласа. – Просто я по ошибке выключил эту штуку.

– Зато в лагере не все в порядке, вот почему мы и пытались вызвать тебя...

– Что... что случилось?

– Да Раф Хоук. Он вернулся страшно взволнованный, не смотрел под ноги и в темноте наступил на овцу – знаешь, такие грязно-серые, очень похожи на валуны, – споткнулся, упал и сломал ногу.

– Ты хочешь сказать, что на третий день съемок фильма наш главный актер сломал себе ногу?

Даллас не без сочувствия посмотрел ему прямо в глаза, затем медленно кивнул.

Часть вторая

Глава 9

Вокруг трейлера Рафа Хоука собралась толпа, и Барни пришлось основательно поработать локтями.

– Расходитесь! – рявкнул он. – Это вам не представление! Дайте мне дорогу!

Раф лежал на кровати, лицо у него было серым и покрылось мелкими капельками пота. Он все еще был в костюме викинга. Правая нога ниже колена была забинтована, сквозь белую марлю местами проступала кровь. У изголовья стояла медицинская сестра – вся в белом, готовая к действиям.

– Ну как он? – спросил Барни. – Это серьезно?

– Настолько серьезно, насколько это возможно, – информировала его медсестра. – У мистера Хоука сложный перелом ноги, то есть его нога ниже колена сломана в нескольких местах и острый конец кости пробил кожу.

Эти слова исторгли у Рафа, лежавшего с закрытыми глазами, театральный стон.

– Мне кажется, дело обстоит не так уж трагично, – с отчаянием в голосе заметил Барни. – Сейчас ему нужно сложить сломанные кости, и он в два счета встанет на ноги.

– Мистер Хендриксон, – начала медсестра ледяным тоном, – я не доктор и поэтому не могу предписывать курс лечения. Я оказала пациенту первую помощь: наложила стерильную повязку на рану, чтобы предупредить заражение, и сделала укол новокаина, чтобы облегчить боль. Я выполнила свой долг. А теперь мне хотелось бы знать, когда прибудет врач.

– Конечно, этим случаем немедленно займется врач. Где моя секретарша?

– Я здесь, мистер Хендриксон, – раздался голос из-за двери.

– Бетти, возьми пикап, он стоит здесь, у самой двери. Текс отвезет тебя. Найди профессора Хьюитта, пусть он, не теряя ни секунды, доставит тебя на платформе обратно в студию. Он знает, как это сделать. Там разыщи нашего врача и немедленно возвращайся с ним сюда.

– Не надо доктора, отправьте меня обратно... обратно, – застонал Раф.

– За дело, Бетти, быстрее. – Барни, широко улыбаясь, повернулся к Рафу и похлопал его по плечу. – А теперь забудь обо всех неприятностях. Мы не постоим перед расходами, к твоим услугам будут все чудеса современной медицины. Сейчас хирурги чего только не делают – ставят на кость металлические стержни и так далее. Они живо поставят тебя на ноги, и ты будешь как огурчик.

– Нет! Я не хочу сниматься в этой картине. Теперь моей работе с вами конец, я уверен, что именно так сказано в моем контракте. Я хочу домой!

– Успокойся, Раф. Не волнуйся, отдохни. Сестра, останьтесь с ним, я сейчас выгоню всех отсюда. Я убежден, что все будет в порядке.

Однако в словах Барни было не меньше фальши, чем в улыбке. Он рявкнул на любопытных, и трейлер тотчас опустел.

Не прошло и пяти минут, как вернулся пикап. В трейлер вошли доктор и двое служителей, несших ящики с медицинскими принадлежностями.

– Я прошу всех, кроме сестры, покинуть помещение, – сказал доктор.

Барни пытался было протестовать, затем пожал плечами. Все равно пока здесь нечего было делать. Выйдя из трейлера, он подошел к профессору, который копался во внутренностях времеатрона.

– Не вздумайте разбирать его, – предостерег Барни. – Мне нужно, чтобы эта ваша машина времени круглые сутки была в состоянии боевой готовности.

– Я просто проверяю отдельные участки проводки. Боюсь, что в спешке многие провода были соединены и изолированы кое-как и на них теперь нельзя полагаться.

– Как долго длилось ваше последнее путешествие? То есть я хочу сказать, сколько сейчас времени в Голливуде?

Профессор посмотрел на указатели приборов.

– Если брать с точностью до нескольких микросекунд, то сейчас четырнадцать целых три тысячи пятьсот пятьдесят две десятичных часа, суббота...

– Черт побери, уже половина третьего субботы! Куда же делось все это время?

– Уверю вас, я здесь совершенно ни при чем. Я ждал у платформы, прескверно позавтракал у одного из автоматов, пока не вернулся пикап. Насколько я понял, доктор куда-то отлучился, его искали, и, кроме того, нужно было запастись медицинским оборудованием.

Барни невольно потерял живот: у него возникло такое ощущение, будто в желудке образовался кусок льда величиной с пушечное ядро.

– Я должен сдать готовый фильм в понедельник утром. Сейчас половина третьего субботы, а мы отсняли материала всего на три минуты, и главный герой лежит со сломанной ногой. Времени, времени у нас в обрез. – Барни как-то странно взглянул на профессора. – А почему у нас нет времени? Времени должно быть сколько угодно, правда, профессор? Можно найти уединенное местечко вроде такого, куда мы посылали Чарли Чанга, и там можно закончить лечение Рафа!

Не ожидая ответа профессора, Барни вскочил и кинулся к Рафу, спотыкаясь о разбросанное повсюду съемочное оборудование. Без стука он ворвался в трейлер. Нога Рафа была уложена в лубок, и доктор измерял его пульс. Он недовольно посмотрел на Барни.

– Дверь была закрыта совсем не случайно, – заметил он.

– Я знаю, доктор, и я вам гарантирую, что больше никто не войдет через нее. Здорово вы его обработали... Я надеюсь, вы не обидитесь, если я спрошу, через сколько времени вы поставите его на ноги?

– До тех пор, пока я не помешу его в госпиталь...

– Ага, совсем ненадолго!

– ...там я сниму шину и наложу гипс, и он будет лежать в гипсе по крайней мере двенадцать недель – это минимальный срок. А потом пациент будет ходить на костылях не меньше месяца.

– Ну что ж, это отнюдь не плохо, то есть я хочу сказать, совсем здорово, просто здорово. Я надеюсь, вы сделаете все, чтобы он вылечился, и сможете сами отдохнуть в то же самое время – каникулы, так сказать. Мы найдем для вас обоих милое уединенное местечко, где вы оба сможете отдохнуть.

– Я не знаю, о чем вы говорите, но то, что вы предлагаете мне, совершенно неосуществимо. У меня обширная практика, и я не могу оставить ее на двенадцать недель или даже на двенадцать часов. Сегодня вечером у меня очень важная встреча, и я должен немедленно отправляться назад. Ваша секретарша заверила меня, что я буду дома вовремя.

– Так оно и случится, – уверенно сказал Барни. Ему уже пришлось один раз объяснять все это Чарли, и теперь он знал, как это делается. – Вас доставят вовремя для важной встречи сегодня вечером, в понедельник вы прибудете на работу без опоздания, и все остальное будет в полном порядке. Вдобавок вы сможете отдохнуть – разумеется, за наш счет – и получите трехмесячное жалованье. Ну разве это не великолепно? Сейчас я объясню вам, как это делается...

– Нет! – взвизгнул Раф. Он приподнялся на постели и с трудом показал Барни кулак. – Я знаю, что вы хотите сделать, но я решительно отказываюсь. Я не хочу иметь ничего общего

ни с этой картиной, ни с этими сумасшедшими варварами. Я видел, что случилось сегодня на берегу, и с меня хватит.

– Успокойся, Раф...

– Не пытайся уговорить меня, Барни, я все равно не изменю решения. Я сломал ногу, и у меня с этой картиной все кончено. И даже если б я не сломал ногу, я все равно отказался бы от участия. Ты не можешь заставить меня играть.

Барни открыл рот – у него на языке вертелись выражения, ярко характеризующие игру Рафа, но неожиданно для себя он сдержался.

– Мы поговорим об этом завтра, а сейчас отдохни как следует, – пробормотал он, затем повернулся и вышел из трейлера.

Он знал, что, закрывая за собой дверь трейлера, он закрывал дверь для всей картины. И для своей карьеры. Ясно, что Раф не изменит своего решения. Мало что проникало через мышцы и кости в его крошечный мозг, но то, что проникало, оставалось там навсегда. Барни не мог заставить этого кретина с чрезмерно развитой мускулатурой отправиться для лечения на какой-нибудь доисторический остров, а значит, фильму пришел конец.

Барни споткнулся и, подняв голову, увидел, что он пересек весь лагерь и вышел к берегу, сам того не заметив. Он был один на холме, который поднимался над берегом и над заливом. Солнце уже склонилось к самому горизонту, освещая полосу низких облаков золотым светом заката, а закат отражался от поверхности воды, образуя дрожащие блики с каждой новой волной. На этом мире, свободном от людей, лежал отпечаток первозданной красоты, но Барни ненавидел этот мир и все, что его окружало. Он заметил камень у себя под ногами и, размахнувшись, бросил его, как бы стремясь разбить зеркало моря. Но, бросая его, он сделал неловкое движение, повредил руку, и камень, не долетев до воды, упал на прибрежную гальку.

Итак, картины не будет. Он громко выругался.

– Что ты сказал? – раздался позади него низкий голос Оттара.

Барни резко повернулся.

– Я сказал: убирайся отсюда, волосатый болван!

Оттар пожал плечами и протянул огромную руку, в которой он держал две бутылки виски.

– По-моему, ты плохо выглядишь. Выпей глоток!

Барни открыл рот, чтобы сказать что-то обидное, но потом вспомнил, с кем говорит, буркнул: «Спасибо!» – и приложился к бутылке, после чего почувствовал себя немного лучше.

– Я пришел сюда за своей бутылкой, а тут Даллас сказал, что он на собственные деньги поставит мне еще одну – за сегодняшний бой. Сегодня большой день!

– О да, большой день. Дай-ка бутылку. И это последний день, потому что фильм окончен, погиб, капут. Ты знаешь, что это значит?

– Нет. – Раздалось продолжительное бульканье.

– Да откуда тебе знать, тебе, чистому дитяти природы, неиспорченному варвару. В каком-то смысле я тебе просто завидую.

– Я не дитя природы. Был человек по имени Торд Лошадиная Голова, он был моим отцом.

– Да, я завидую тебе, потому что ты – хозяин мира. То есть хозяин своего мира. Сильная рука, неутолимая жажда, великолепный аппетит и никаких сомнений. А мы постоянно сомневаемся сами в себе, мы этим живем. Готов поспорить, что ты даже не знаешь, что значит сомневаться в себе.

– Это что-то вроде самоубийства?

– Конечно, это тебе незнакомо.

Викинг уже сидел на земле, и Барни опустился рядом с ним, чтобы было легче доставать бутылку. Солнце село, и ярко-красное небо на горизонте незаметно переходило в серые облака, а потом в темный мрак над головой.

– Понимаешь, Оттар, мы делаем фильм, картину. Развлечение и большой бизнес, слитые воедино. Деньги и искусство – они не смешиваются, но мы их смешиваем уже давным-давно. Я занимался этим делом еще тогда, когда на мне были короткие штанишки, и вот теперь, в период ранней зрелости, когда мне сорок пять, я покончил с кино. Потому что без этого шедевра «Клаймэктик» пойдет ко дну, а вместе с ней ко дну пойду и я. А знаешь почему?

– Выпей-ка еще.

– Спасибо. Я тебе скажу почему. Потому что за всю свою долгую и богатую событиями жизнь я сделал семьдесят три картины, и каждая из них была забыта, едва она сошла с экрана. Если я уйду из «Клаймэктика», мне конец, потому что в мире множество продюсеров и режиссеров, которые лучше меня, и они претендуют на ту же работу, на какую буду претендовать я.

Оттар, придав лицу благородное и героическое выражение, орлиным взором посмотрел на море, улыбнулся и икнул. Барни одобрительно кивнул и снова приложился к бутылке.

– Ты умный человек, Оттар. Я скажу сейчас тебе то, чего я еще никому не говорил, потому что я напился на твою дневную зарплату, а ты, наверно, понимаешь только одно слово из десяти. Знаешь ли ты, кто я? Я – посредственность. А ты имеешь представление, какое ужасное признание я сделал? Если ты ни на что не способен, ты быстро узнаешь об этом, и тебя отовсюду гонят, и ты идешь работать заправщиком на автостанцию. Если ты гений, ты тоже знаешь это, и твоя жизнь сделана. А вот если ты посредственность, ты никогда не можешь до конца в это поверить, сваливаешь все на обстоятельства и пытаешься сделать еще одну картину, пока не отснимешь семьдесят третью бездарную ленту. А вот семьдесят четвертой не бывает. Но самое смешное заключается в том, что этот семьдесят четвертый действительно мог стать хорошим фильмом. И уж по крайней мере, клянусь богом, он не был бы похож на остальные. Все погибло. Картина умерла, не успев родиться, бедная картина попала в царство кинематографического забвения. Картина умерла, нет картины...

– Что такое картина?

– Я уже объяснял, это произведение искусства. Развлечение. Вроде этих ваших, как вы их называете, саг...

– Хочешь, я спою песню из саги? Я хорошо пою.

Не ожидая ответа, Оттар встал, глотнул из бутылки, чтобы прочистить горло, и запел громовым голосом, сливающимся с шумом прибоя:

Рази, рази, меч,
Место в моем сердце, где живет червь!
Гневные лица – мои сыновья – принесут месть.
У смерти нет страха. Голос валькирии
Сзывает новых гостей в пивной зал Одина.
Приходит смерть. На столе – пир.
Жизнь окончена. Я умираю, смеясь!

Оттар замер на мгновение, затем взревел с новой силой:

– Это была песня Рагнара перед тем, как король Аэлла убил его и Рагнар умер. Как жаль, что мне не удалось сделать это!

Оттар погрозил кулаком недоброму небу.

У Барни в глазах двоилось, но он обнаружил, что, если закрыть один глаз, он достаточно четко видит вторым. Оттар возвышался над ним, гигант на заре существования мира, в кожаной одежде, с развевающимися волосами. Последние багровые отсветы заката легли на его лицо. Сага была для него жизнью, искусство и жизнь сливались в одно целое. Песня была битвой, а битва – песней.

Мысль, пришедшая в голову Барни, была настолько неожиданной, что он тихо охнул.

А почему бы и нет? Если бы он не налакался, распивая виски на берегу древнего моря с человеком, который умер тысячу лет назад, эта идея никогда не пришла бы ему в голову. Вся история со съемкой этой картины – безумие, так почему не добавить к ней еще один, последний штрих? В его руках была свобода и власть, и ведь все равно картина погибла, хуже не будет. Почему же нет?

– Пошли со мной, – пробормотал Барни, с трудом встав на ноги и пытаясь поднять с земли неподвижную громаду викинга.

– Зачем?

– Смотреть кино. – На Оттара это не произвело впечатления, и он остался сидеть. – Ну тогда пошли за виски.

Это пришлось Оттару больше по душе, и они отправились в лагерь. Барни то и дело опирался на своего спутника, который даже не замечал этого.

– Экстры готовы? – спросил Барни, просовывая голову в трейлер кинолаборатории.

– Сейчас вынимаем из сушилки, мистер Хендриксон, – ответил техник.

– Отлично! Установите экран снаружи, и давайте их сейчас посмотрим. Сначала покажите вчерашнюю порцию, а потом то, что было снято сегодня.

– А виски? – спросил Оттар.

– Да-да, посиди немного, сейчас принесу, – ответил Барни.

Найти в темноте свой трейлер оказалось совсем не просто, да к тому же повсюду было разбросано на редкость много всякого хлама, о который Барни то и дело спотыкался; затем возникла проблема, как найти нужный ключ из множества ключей в связке. Когда Барни вернулся обратно с бутылкой виски в руках, складной экран был уже установлен и парусиновые кресла расставлены. Они с Оттаром поудобнее устроились в креслах, поставили перед собой бутылку, проектор зажужжал, и они начали смотреть фильм в этом удивительном кинотеатре под открытым небом и яркими звездами.

Сначала Оттар никак не мог воспринимать проектируемые на экран кадры как картину, его неразвитый ум не связывал движущиеся изображения с действительностью. Он не был, однако, полным профаном в изобразительном искусстве, ему были знакомы как три измерения в резьбе по дереву, так и плоскостное изображение – рисунки, и, когда на экране появилось изображение берега и его хижины, он вскрикнул от изумления.

Ужин уже подошел к концу, и почти вся съемочная группа подошла к экрану, чтобы посмотреть на экстры. Даже те, кто не присутствовал при сражении, были достаточно наслышаны о нападении викингов, и, когда на экране возник корабль, послышались шепот и вздохи, то и дело прерываемые гневным ревом Оттара. Когда корабль нападающих пристал к берегу и началась битва, воцарилась полная тишина. Угол съемки был великолепен, кадры четкие, детали настолько ясны, что было почти невыносимо смотреть. Даже Барни, который все время был на берегу, почувствовал, как у него по спине забегали мурашки, когда на экране появилось лицо залитого кровью викинга, бегущего вверх по холму прямо на камеру, все ближе и ближе.

Испустив страшный боевой клич, Оттар вскочил на ноги, бросился на экран и сорвал его, запутался в белой ткани, споткнулся и покатился вниз по склону, в ярости разрывая материю и ломая металлическую раму. Поднялся крик, одна из девушек принесла небольшой прожектор и осветила викинга. Подбежавший к Оттару Лин сумел наконец успокоить его, а подоспевшие помощники вытащили викинга из-под обломков экрана. Пока продолжалась неразбериха, лагерь осветился автомобильными фарами, и через минуту машина «скорой помощи» с надписью «Госпиталь округа Лос-Анджелес» на белом борту въехала в свет прожектора.

– Чертовски трудно найти кого-нибудь в вашем лагере, – сказал шофер. – У вас, киношников, действительно большие павильоны для съемок, вот уж никогда бы не подумал, что все это можно уместить на одной сцене.

– Что вы хотите? – спросил Барни.

– Меня вызвали. Приехал за пациентом со сломанной ногой, по имени Хоук.

Барни обвел глазами молчаливую толпу.

– Ну-ка, Бетти, покажи им дорогу к трейлеру Рафа. И передай ему мои наилучшие пожелания, скажи, я надеюсь, что он быстро поправится, и все в таком духе.

Бетти хотела что-то сказать, но не смогла найти слов. Она быстро прошла к машине, приложив платок к лицу, и вскарабкалась в нее. По-прежнему стояла тишина, многим было неприятно встречаться с Барни взглядом. Он улыбнулся про себя широкой таинственной улыбкой и приветливо махнул рукой.

– Представление продолжается! – распорядился он. – Принесите новый экран и давайте посмотрим экстры до конца.

Когда последнюю пленку прокрутили через проектор, Барни встал перед экраном, освещенный со всех сторон, и, приложив руку козырьком к глазам, стал вглядываться в темноту.

– Я не вижу, кто здесь. Джино, ты тут? А Эмори? – Из толпы послышались утвердительные возгласы. – Отлично, сейчас проведем пробу. Установите-ка вон там прожекторы.

– Сейчас уже ночь, мистер Хендриксон, – раздался голос из темноты.

– Я еще не ослеп и понимаю, что вы хотите сказать. Все вы получите сверхурочные, но я хочу снять эту пробу немедленно. Как вам всем, наверно, уже известно, поскольку слухи распространяются у нас чертовски быстро, Раф Хоук сломал ногу и сниматься не может. Значит, мы остались без главного героя. Может быть, некоторым это покажется катастрофой, но это неверно, потому что мы сняли не так уж много метража, который теперь придется выбросить. Но нам нужен главный герой, и именно этим мы сейчас и займемся, так как я хочу сделать пробу парня, которого все вы хорошо знаете, нашего местного друга Оттара...

Послышались несколько удивленных возгласов, шепот и смешки. Барни услышал только смех.

– Здесь я распоряжаюсь, я директор этой картины, и я хочу устроить пробу – вот так!

Он остановился перевести дыхание и только тут действительно осознал, что он здесь главное лицо и сейчас больше, чем когда бы то ни было. Тысячелетие отделяло его от конторы треста, от ее телефонов. Л. М. не сможет добраться до него, даже если бы он и не был в постели со своим мнимым инфарктом и не прятал под матрас бухгалтерские книги. Теперь вся ответственность лежала на нем, только на нем одном, и судьба картины зависела от того, какое решение он сейчас примет. И не только картины – судьба всей киностудии зависела от него, от него зависело, будут ли работать все окружавшие его сотрудники, не говоря уж о нем самом.

При обычных условиях подобная ситуация обеспечила бы ему бессонные ночи и спазмы желудка, заставив его испытать адские муки нерешительности. Но не сейчас. Может быть, ему передалась частичка духа викингов, сознания, что каждый человек сражается один на один со всем миром, и если ему повезет, то кто-то протянет ему руку помощи, однако рассчитывать на помощь не приходится.

– Сейчас мы сделаем эту пробу. Никто не может спорить с тем, что Оттар выглядит настоящим викингом. А если он говорит с небольшим акцентом, ну так что ж, Бойер и фон Штрохейм тоже не могли избавиться от акцента, но всем известно, чего они добились. А теперь посмотрим, сможет ли он играть – по крайней мере, хотя бы как Раф.

– Ставлю пять «зеленых», что он лучше, – донеслось из толпы.

– Кто спорит? – ответил другой голос, и по толпе пронесся смешок.

Теперь они были на его стороне, Барни чувствовал это. Может быть, им всем передалось сумасшествие викингов. Какой бы ни была причина, они были с ним заодно.

Барни откинулся на спинку кресла, время от времени давая указания и потягивая из горлышка виски, пока устанавливали осветительные приборы и камеры. Когда все было готово, Барни встал и отнял бутылку у клевавшего носом Оттара.

– Отдай обратно, – проворчал Оттар.

– Сейчас. Но я хочу, чтобы ты еще раз спел мне эту сагу о Рагнаре.

– Не хочу петь.

– Нет, хочешь. Я рассказал всем о том, какая это была великая песня, и все хотят ее услышать, правда?

Из толпы послышались дружное «да!» и одобрителные возгласы. Слайти выскользнула из темноты и прижалась к плечу Оттара.

– Спой для меня, милый, это будет моя песня, – процитировала она из своей предыдущей картины о каком-то второразрядном композиторе.

Оттар не мог устоять перед ее просьбой. Все еще ворча, но уже без злобы, он встал на место, указанное Барни, и взял в руку бутафорский топор.

– Легкий, – сказал он. – Из дерева. Никуда не годится.

И он спел для них, сначала монотонно и нараспев, все еще разглядывая топор, затем все громче и выразительнее, проникаясь духом древней боевой песни. Пропев последнюю строфу, Оттар с воинственным ревом грохнул топором по ближайшему прожектору, опрокинув его на землю и едва не превратив в металлолом. Слушатели разразились аплодисментами и возгласами одобрения, а Оттар, тяжело дыша, расхаживал перед ними взад и вперед, воспринимая все как должное.

– Это было великолепно, – сказал Барни. – А теперь давай сделаем еще одно маленькое дело, и ты свободен. Видишь, вон там стоит стойка прожектора с надетой на нее курткой и шлемом? Так вот, это вражеский часовой. Ты должен подкрасться и убить его так, как ты сделал бы это на самом деле.

– Зачем?

– Зачем? Оттар, что за вопрос! – Барни отлично знал, что это был за вопрос, – это был вопрос, на который страшно трудно дать ответ. Зачем? Для актера было совершенно понятно, потому что игрой он зарабатывал себе на хлеб. Но зачем это все Оттару?

– Забудь-ка на минуту об этом, – сказал Барни. – Давай сядем рядом и выпьем по глотку. Теперь я расскажу тебе сагу.

– Ты тоже знаешь саги? Саги интересные.

В век Оттара, когда не было развлечений и не было еще письменности, саги заменяли все – песню и историю, газету и книгу, и Барни было это известно.

– Отлично, – сказал он и сделал знак, чтоб на Оттара навели камеру. – Хватай-ка бутылку и слушай мой рассказ, рассказ о великом викинге, которого звали Оттаром...

– Как и меня?

– Как и тебя, да, и он был знаменитым воином. У него был хороший друг, который вместе с ним пировал и вместе с ним участвовал в сражениях. Они были самыми лучшими друзьями в мире. Но однажды во время битвы друга Оттара захватили в плен, связали и увели. Однако Оттар пошел по следу врага и, подкравшись к лагерю противника, стал ждать наступления темноты. После битвы его мучила жажда, и он пил, но сидел в укрытии не двигаясь.

При последних словах Барни Оттар поднес к губам бутылку и сделал быстрый глоток, потом прислонился к трейлеру.

– Вскоре стало темно, его время наступило. Он освободит своего друга. «Встань, Оттар, – сказал он себе, – встань, пойд и освободи своего друга, которого враги должны убить на рассвете. Встань!»

Последнее слово прозвучало как приказ, и в одно мгновение Оттар легко вскочил на ноги. Бутылка упала. Она была забыта.

– Оглянись вокруг, Оттар, и ты увидишь часового. Осторожно – вон он!

Теперь Оттар не играл – он жил. Он низко наклонился, выглянул из-за угла и тут же спрятался обратно.

– Там стоит часовой, спиной к тебе. Подползи к нему, Оттар, и без единого звука задуши его собственными руками. Схвати его за горло, и пусть он умрет молча. Иди, только осторожно, пока он стоит к тебе спиной.

Оттар уже выскользнул из-за укрытия, низко согнулся и начал двигаться вперед по изъезженной земле беззвучно как тень. Все замерли при виде Оттара. Барни оглянулся и увидел рядом свою секретаршу, которая не сводила глаз с крадущегося викинга. На полпути Оттар услышал шаги и замер: кто-то шел сюда. Он спрятался. Оттар скользнул в тень валуна, и Барни прошептал:

– Иди к нему, Бетти, просто пройди мимо. – Он взял ее за руку и толкнул вперед.

Оттар спрятался в тени как раз в ту минуту, когда мимо него прошла женщина. Она была совсем рядом, но не заметила его. Она ушла. Оттар подождал, пока все не стихло, затем начал снова красться вперед, все ближе и ближе – и бросился на часового!

Джино пришлось быстро повернуться, чтобы удержать викинга в кадре, когда он вскочил, рванулся вперед, все еще совершенно беззвучно, и, буквально пролетев последние метры по воздуху, бросился на чучело. Шлем упал и покатился в сторону, викинг схватил стальной стержень подставки и единым движением согнул пополам.

– Стоп! – крикнул Барни. – Такова была сага, все было точно так, как ты изобразил это. Убил часового и освободил своего друга. Здорово, просто здорово! А теперь давайте покажем Оттару, как нам понравилось его представление!

Под гром аплодисментов и крики одобрения Оттар сел на землю и быстро заморгал, как бы постепенно вспоминая, где он и что с ним. Он посмотрел на изогнутый стержень, потом отбросил его в сторону и ухмыльнулся.

– Это была хорошая сага, – сказал он. – Вот так действует Оттар.

– Ну ладно, завтра я покажу тебе экстры, – сказал Барни. – Ты увидишь движущиеся картинки с твоим изображением – как ты делал все это. А пока хватит, это был длинный день. Текс... или Даллас, пусть один из вас возьмет джип и отвезет Оттара домой.

Ночной воздух становился все холоднее, и толпа быстро рассосалась. Подсобные рабочие убрали освещение и камеру. Барни задумчиво посмотрел вслед исчезающим красным огонькам джипа, зажег сигарету. Тут только он заметил стоящего рядом с ним Джино.

– Как твое мнение? – спросил он.

– Мое мнение? – Джино пожал плечами. – Откуда я знаю! Я всего лишь оператор...

– Каждый оператор, сколько я их ни встречал, в глубине души был убежден, что из него бы вышел режиссер намного лучше, чем те кретины, с которыми ему приходится работать. Что ты о нем думаешь?

– Если ты спрашиваешь мое мнение, а видимо, это так, то я скажу, что он, по крайней мере, лучше, чем тот кусок мяса, который унесли на носилках. И если проба получится так, как я ожидаю, может быть, ты сделал находку века. Одиннадцатого века, конечно. Вот и говори потом о методе!

Щелчком пальца Барни послал окуроч далеко в темноту.

– Я, – сказал он, – думаю точно так же.

Глава 10

Барни пришлось повесить голос, чтобы перекрыть грохот ливня, бьющего по крыше трейлера.

– А ты уверен, что он понимает, что подписывает? – крикнул он, с сомнением глядя на кривой крест и отпечаток пальца под контрактом.

– Совершенно уверен, – ответил Йенс Лин. – Я прочитал ему как английский оригинал, так и перевод на старонорвежский язык, и он со всем согласился, затем подписался в присутствии свидетелей.

– Надеюсь, ему никогда не попадется хороший адвокат. В соответствии с этим контрактом он – исполнитель главной роли в фильме – получает зарплату меньше всех в группе, включая негра, присматривающего за уборной.

– Ему не на что жаловаться, так как он сам выставил такие условия. Одна бутылка «Джека Дэниелса» в день и по серебряной марке каждый месяц.

– Но ведь этого не хватит даже на пломбу в зубе.

– Не следует забывать о разном экономическом положении двух миров, – начал Йенс с профессорским апломбом, для пущей убедительности подняв палец. – Экономика одиннадцатого века в основном зиждется на торговле и обмене товарами, почти без применения монет. Поэтому серебряная марка имеет гораздо большую ценность, которую трудно сравнивать с нашей ценой серебра, производимого в большом количестве. Пожалуй, лучше взглянуть на ее покупательную способность. За одну серебряную марку можно купить раба. За две марки...

– Достаточно, уже все понятно. Для меня важно знать, останется ли он с нами до конца картины?

Йенс пожал плечами.

– О, это очень хороший ответ. – Барни потер большими пальцами разламывающиеся от боли виски и посмотрел из окна на свинцовое небо и падающий занавес дождя. – Уже два дня, как льет, неужели дождь никогда не прекратится?

– Этого следовало ожидать. Не нужно забывать, что, хотя погода в одиннадцатом веке была теплее, чем в двадцатом, из-за влияния Малого климатического оптимума, мы все-таки находимся в Северной Атлантике, примерно на пятьдесят девятом градусе северной широты, и дождь здесь...

– Избавь меня от лекции. Я должен быть уверен, что Оттар будет сотрудничать с нами на протяжении съемок всего фильма, иначе даже и начинать не стоит. Он может отплыть завтра в этой своей новой ладье или выкинуть какой-нибудь другой номер, принятый у викингов. Послушай, а что он вообще здесь делает? Он не очень-то соответствует моему представлению о веселом фермере.

– В настоящее время он находится в изгнании. По-видимому, ему не понравилось принятие христианства в том виде, в каком оно происходит при короле Олафе Трюггвессоне, и он, проиграв сражение, был вынужден бежать из Норвегии.

– А почему ему не захотелось быть обращенным в христианство?

– Во-первых, Лаф подвергнет его испытанию змеей. То есть конец лурхорна – длинного медного боевого горна – силой засовывается глубоко в горло жертвы, затем в него впускается ядовитая змея, отверстие тут же затыкается, и горн подогревается на огне, так что змее приходится искать выход в брюхе язычника.

– Необычайно привлекательно. А что случилось после его бегства из Норвегии?

– Он направился в Исландию, однако во время шторма его корабль погиб, и он с несколькими воинами выбрался на этот остров. Все это случилось незадолго до нашего появления.

– Если он потерпел кораблекрушение, то в чьем же доме он живет?

– Этого я не знаю. Он и его воины убили владельца и поселились в доме.

– Господи, что за жизнь! Ну, по крайней мере, для нас это приятные новости. Я уверен, что он не захочет куда-нибудь отправиться, пока его здесь поят и к тому же платят.

Вместе с порывом ветра и дождя в трейлер Барни ворвался Эмори Блестэд. Ему пришлось налечь на дверь всем телом, чтобы закрыть ее.

– Можешь повесить свои вещи на гвоздь в двери, пусть они немного высохнут, – сказал Барни. – Кофе на плитке. Ну, как дела с декорациями?

– Почти закончены, – ответил Эмори, размешивая сахар в своей чашке. – Мы разломали заднюю стену хижины, чтобы можно было втащить внутрь осветительные приборы и камеры, покрыли стены фанерой и подняли крышу на четыре фута. Это оказалось гораздо легче, чем я ожидал, мы просто подняли всю крышу вместе с балками на домкратах, потом местные рабочие нарезали дерна и довели стены до необходимой высоты. Эти парни действительно умеют работать.

– И к тому же почти даром, – дополнил Барни. – Пока что единственное, в чем мы не расходимся с планом, – это в бюджете. – Он взглянул на свой экземпляр сценария, отмечая сцены красным карандашом. – Мы можем сейчас приступить к съемкам в помещении?

– В любое время.

– Тогда полезли в резиновые сапоги. Что ты думаешь о пробе, Эмори?

– Абсолютно первоклассная проба. Этот викинг прирожденный актер, настоящая находка.

– Да. – Барни погрыз карандаш, затем бросил его на пол. – Будем надеяться. Может оказаться, что он в состоянии сыграть одну-две сцены, однако справится ли он с целой картиной? Я хотел снять сначала простые сцены: как влезают и вылезают из лодок, героический взгляд в сторону заката и тому подобное, но погода со всем этим покончила. Придется браться за интерьеры и надеяться на лучшее.

Потоки дождя низвергались с крыши, текли по бокам джипа, который медленно полз вверх по склону холма вдоль полосы жидкой грязи, проложенной предыдущими машинами, что двигались из лагеря. В поле позади хижины Оттара уже стояло несколько автомобилей, среди которых возвышалась передвижная электростанция с урчащим генератором. Они подъехали как можно ближе к хижине, вылезли из джипа и пошлепали к двери. К стене прижалась группа слуг, выброшенных из дому, чтобы освободить место для съемочного оборудования. Вид у них был несчастный. Фанерная дверь была приоткрыта из-за толстых электрических кабелей, и Барни протиснулся внутрь.

– Ну-ка, дайте побольше света, – сказал он, вылезая из мокрого насквозь плаща. – И выставьте этих людей, я хочу взглянуть на кровать.

– Осторожнее, краска на древнем дереве еще не просохла, – сказал Эмори, показывая на двустворчатые двери в стене.

– Неплохо, – одобительно отозвался Барни.

– Чего хорошего?! – фыркнул Йенс Лин. – Ведь я же говорил, что в таком простом доме люди спят на лавках вдоль стен – вот этих, – но в доме вполне может быть небольшая комнатка с кроватью, встроенной в стену, совсем маленькой, чтобы тепло спящих могло обогревать ее. – Лин распахнул пятифутовые двери, за которыми оказалась маленькая комнатка с матрасом из пенопласта и нейлоновыми простынями. – Но эта мерзость... в ней нет ничего похожего...

– Не волнуйтесь, док, – сказал Барни, осматривая комнатку через видоискатель камеры. – Ведь мы снимаем картину, правда? Мы даже не сможем втиснуть камеру и пару операторов в тот гроб, о котором вы думаете. Хорошо, уберите заднюю стену.

Двое плотников убрали заднюю стену комнаты, за ней в сарайчике оказалась камера.

– Залезай внутрь, Джино, и я еще раз повторю содержание. Это дубль пятьдесят четыре. А, Оттар, как раз вовремя, тебе сейчас на сцену.

В дом ввалился викинг, щеголявший в хлорвиниловом плаще, в сопровождении гримера, который держал зонтик над его головой.

– Здорово, Барни! – рявкнул Оттар. – Правда, я красивый?

Он действительно выглядел хорошо. Сначала его отмачивали в ванне – пришлось три раза менять воду, – его борода и волосы были вымыты, высушены, окрашены, подстрижены и причесаны, костюм Рафа был перешит и прилажен к его массивной фигуре. Оттар выглядел весьма внушительно, он знал это и наслаждался.

– Ты великолепен, – сказал Барни. – Ты так хорошо выглядишь, что мне хочется сделать еще несколько снимков с тебя, ведь ты любишь на них смотреть, правда?

– Хорошая мысль. Я хорошо выгляжу на снимках.

– Верно. А теперь вот чего я хочу от тебя. – Барни закрыл двери, ведущие в комнату. – Я буду внутри с камерой. Ты стоишь вот здесь и открываешь двери... вот так... и, когда они полностью открыты, ты смотришь на кровать – вот так – и медленно улыбаешься. Вот и все.

– Мне это кажется очень глупым. Лучше сними меня прямо здесь.

– Я высоко ценю твое предложение, Оттар, но мне хочется сделать это по-своему. В конце концов, ты получаешь ежедневно по бутылке и серебряную марку каждый месяц, так что постарайся заработать их.

– Совершенно верно, каждый день. Где сегодняшняя бутылка?

– Ты получишь ее после работы, а мы ведь пока даже не начали. Так что стой здесь, а я обойду кругом и встану с другой стороны с камерой.

Он отбросил плащ и направился к сарайчику.

После новых объяснений, криков и нескольких неудачных попыток Оттар, казалось, понял, чего от него хотят, двери были снова закрыты, и Барни подал сигнал. Объектив устремился в темное помещение, и камера зажужжала, когда дверь вдруг распахнулась с такой силой, что одна из дверных ручек осталась в руке Оттара, и он швырнул ее на пол.

– Черт побери! – рявкнул он.

Барни глубоко вздохнул.

– Видишь ли, Оттар, эту сцену нужно играть не совсем так, немного по-другому, – сказал он. – Постарайся войти в роль. Ты пришел домой неожиданно, очень усталый. Ты открываешь дверь, чтобы лечь спать, опускаешь взгляд, видишь спящую Гудрид, и на твоём лице появляется улыбка.

– На этом острове нет никакой Гудрид.

– Гудрид – это имя Слайти в нашем фильме. Ты ведь знаешь, кто такая Слайти?

– Конечно, но ведь ее здесь нет. По-моему, Барни, все это очень глупо.

Барни приходилось долгие годы снимать безразличных и просто плохих актеров, поэтому возражения Оттара не подействовали на него.

– Давай подождем минутку и сделаем еще одну пробу, – предложил он.

На этот раз за закрытыми дверями несколько минут слышались какое-то шуршание, ворчание, жалобы, затем двери снова распахнулись, но уже несколько медленнее, и появилось лицо Оттара. Он свирепо глянул в объектив, затем опустил взгляд, и выражение его лица начало постепенно изменяться. Наморщенный лоб разгладился, уголки рта поднялись вверх, образовав счастливую улыбку, а глаза широко раскрылись. Он протянул руку.

– Стоп. На этот раз отлично. – При этих словах Барни бросился к кровати, опередив Оттара, и схватил бутылку «Джека Дэниелса». – Я ее приберегу для тебя. О-ох!

Викинг схватил его за кисть, и Барни почувствовал, что его рука зажата в тиски гидравлического пресса. Бутылка выпала из его ослабевших пальцев. Пошатываясь и потирая полу-

раздавленную руку, Барни направился обратно, спрашивая себя, не допустил ли он все-таки ошибки при распределении ролей.

Появилась Слайти, и, после того как с нее были сняты резиновые сапоги, плащи и много ярдов пластика, она оказалась, дрожащая и босая, в одной прозрачной ночной рубашке. Под рубашкой она была одета в обтягивающее формы нейлоновое трико телесного цвета с глубоким вырезом и совершенно прозрачное. Эффект был сокрушительным.

– Подлинный костюм одиннадцатого века! – ядовито прокомментировал Йенс Лин и ушел.

Оттар блаженно посасывал из бутылки и не обращал внимания на окружающих.

– Мне холодно, – выговорила Слайти.

– Установите электрический термоизлучатель над кроватью, – распорядился Барни. – Дубль сорок три, Слайти, закрой дверь и залезай в мешок. Внутри достаточно тепло.

– Я не хочу схватить пневмонию.

– Не беспокойся, милая, с твоей изоляцией это невозможно.

Это была короткая сцена, всего несколько секунд на экране, однако на съемках фильма время летит незаметно, – когда они закончили, Оттар уже высосал полбутылки и, сидя в углу, напевал что-то про себя со счастливым выражением лица.

– Начали, дубль пятьдесят пять, и ты тоже, Оттар, расстанься на минуту со своей зарплатой, – сказал Барни.

Умиротворенный солидной порцией виски, Оттар подошел, грохоча тяжелыми сапогами, и посмотрел на кровать, где под американо-викинговым одеялом изящно вытянулась Слайти.

– Она устала? – спросил с участием Оттар. – Слишком много огней, трудно спать.

– Похвальная наблюдательность, но мы все еще снимаем фильм. Вот что тебе нужно сделать. – Барни подошел и встал рядом с кроватью. – Ты только что открыл дверь, смотришь вниз на спящую девушку. Затем медленно протягиваешь руку и касаешься ее волос. Она просыпается и в страхе отстраняется от тебя. Ты смеешься, садишься на край кровати, притягиваешь ее к себе и целуешь. Сначала она сопротивляется, отталкивает тебя, но потом ненависть переходит в любовь, она медленно протягивает руки, обнимает тебя за шею и тоже целует тебя. Твоя рука поднимается к бретельке на плече – вот этой, не перепутай, вторая приклеена, – и ты медленно спускаешь ее с плеча девушки. Вот и все. На этом съемка закончится, остальное довершит воображение зрителей, а воображение у них – будь спокоен. Давайте попробуем сначала без камеры.

Это была отчаянно трудная работа, поскольку Оттар не проявлял к Слайти ни малейшего интереса, то и дело поглядывая на бутылку, чтобы убедиться, что никто ее не украл, и Барни, пытавшийся придать движениям викинга хоть какое-то правдоподобие, обливался потом. Наконец бутылка была поставлена на кровать, в угол, вне поля зрения камеры, так, что, по крайней мере большую часть времени, Оттар смотрел в нужном направлении.

Барни выпил глоток воды, отдающей химикалиями, и еще раз поставил Оттара к линии, прочерченной на земляном полу.

– Начинаем! – объявил он. – Будем снимать этот дубль без звука, и я все время буду вами руководить. А остальные пусть сейчас же заткнутся, у нас не съемочный павильон, а прямо какое-то профсоюзное собрание. Камера, поехали! Ты вошел, Оттар, смотришь вниз – вниз, не на свою проклятую бутылку! – протягиваешь руку и касаешься ее волос. Слайти просыпается, великолепно, пока все идет хорошо, садись – осторожно, не сломай кровать! О'кей, теперь ты обнимаешь ее, потом целуешь.

Пальцы Оттара впились в руку Слайти, внезапно он нагнулся к ней и совершенно забыл про бутылку. Волшебство гормонов Слайти действовало в одиннадцатом веке с не меньшей

силой, чем в двадцатом. Запах приятно пахнущего женского тела ударил ему в голову, и ему не потребовалось наставлений Барни, чтобы крепко прижать Слайти к своей груди.

– Очень хорошо! – раздался одобрителный возглас Барни. – Страстное объятие и поцелуй, но тебе это не нравится, Слайти.

Слайти попыталась выскользнуть из объятий викинга и колотила кулаками по его широкой груди. Повернув голову в сторону, она прошептала: «Потише, питекантроп, потише». Затем Оттар снова поцеловал девушку.

– Великолепно! – крикнул Барни. – Очень правдоподобно, Слайти. Теперь бретелька, Оттар.

Послышался треск рвущейся материи.

– Эй, что ты делаешь! – раздался возмущенный голос Слайти.

– Не беспокойся, – подал реплику Барни, – студия купит новую рубашку. Великолепно! Теперь выражение твоего лица меняется. Ненависть переходит в страстную любовь. Очень хорошо...

Глава 11

– Что мне действительно нравится в одиннадцатом веке, – сказал Барни, подцепив вилкой большой кусок белого мяса, – так это морская пища. Скажите, почему это так вкусно, профессор? Еще нет промышленных отходов или из-за чего-то другого?

– Наверно, это объясняется тем, что у вас на тарелке лежит не морская пища одиннадцатого века.

– Не пытайтесь купить меня, профессор. Уж я-то знаю, что это не замороженный полуфабрикат, который мы получили со складов «Клаймэктика». Смотрите, облака начинают расходиться. Если так пойдет и дальше, мы сможем заснять концовку сцены возвращения.

Передняя часть брезентовой крыши была поднята, и перед ними расстилалась панорама лугов, а вдали виднелся океан. Профессор Хьюитт указал на него.

– Собственно говоря, морская рыба этого века ничем не отличается от рыбы двадцатого столетия. Однако трилобит, который находится на вашей тарелке, действительно принадлежит к совершенно иной разновидности и эпохе – его добыли на острове Каталина наши отдыхающие.

– А, вот почему из тех ящиков, которые они привезли с собой, текло. – Барни подозрительно посмотрел на еду. – Одну минутку, то, что я сейчас ем, не имеет никакого отношения к тем глазам и зубам, о которых говорил Чарли Чанг?

– Нет, – успокоил его профессор. – После того как членам съемочной группы разрешили проводить уик-энды в другой эпохе, чтобы не прерывать работы, мы сменили периоды. Остров Санта-Каталина является идеальным местом для отдыха, мистер Чанг может это подтвердить, но его несколько беспокоила местная фауна. Признаю свою ошибку: я оставил его в девонском периоде, когда рыбы-амфибии, дышавшие воздухом, начали выходить из моря. По большей части эти земноводные – совершенно безвредные создания. Однако в воде были существа...

– Глаза и зубы... Слышал о них.

– ...поэтому я решил, что кембрий – более подходящий период для наших отдыхающих. В те времена во всем океане не было существа более опасного для купающихся, чем этот совершенно безвредный трилобит.

– Вы опять употребили это слово, профессор. Что оно значит?

– Вымершее членистоногое. Эти существа – переходная форма от ракообразных к паукообразным, однако экземпляр, который вы едите, действительно огромный. Нечто вроде полуметровой морской вши.

Барни выронил вилку и поспешно глотнул кофе.

– Это было великолепное блюдо, – сказал он. – А теперь, если вы не против, поговорим о колонии в Винланде. Что вам удалось выяснить?

– У меня не слишком хорошие новости.

– После трилобита все кажется хорошим. Ну так что?

– Не нужно забывать, что моя информация о данном периоде весьма ограничена. Однако доктор Лин хорошо знаком с историей, в его распоряжении имеются все саги относительно открытия Винланда и ранних скандинавских поселений, и я следовал его указаниям. Нам было очень нелегко отыскать подходящее место для высадки, поскольку берега Ньюфаундленда и Новой Шотландии, мягко выражаясь, очень изрезаны, однако удалось найти этот район. Мы широко использовали моторную лодку, так что я могу заверить вас, что наши поиски были настолько тщательными, насколько это только возможно.

– И что вам удалось обнаружить?

– Ничего.

– Именно такие новости мне и хотелось услышать, – сказал Барни, отодвигая подальше от себя тарелку с жареным по-французски трилобитом. – Давайте-ка сюда дока, профессор. Если вы не против, мне хотелось бы услышать об этом поподробнее.

– Все обстоит именно так, – мрачно подтвердил Йенс Лин. – В Северной Америке нет норвежских поселений. Это меня очень тревожит. Мы осмотрели все возможные районы поселений, начиная с десятого и кончая тринадцатым веком, и ничего не обнаружили.

– А откуда вы знаете, что там вообще что-то было?

Лин выдвинул вперед подбородок.

– Позвольте напомнить вам, что после обнаружения карты Винланда мало кто сомневался в том, что норвежцы действительно открыли и исследовали Северную Америку. Доказано, что в тысяча сто двадцать первом году епископ Эрик Гнуппссон совершил поездку в Винланд. Норвежские саги говорят о множестве путешествий, совершенных из Скандинавии в Винланд, и описывают находившиеся там поселения. Сомнительными являются только сведения о точном расположении поселений; целью наших недавних поисков и было отыскать их. Поскольку источники расходятся в описании расположения Хеллуланда и Маркланда, упоминающихся в сагах, нам предстояло осмотреть тысячи миль побережья. Гаторн-Харди считает, что пролив Лонг-Айленд и есть знаменитый Страумсфьорд, и делает вывод, что Хоп находится в устье реки Гудзон. Однако в других источниках говорится, что высадка произошла гораздо севернее; например, Сторм и Бэбкок указывают на район Лабрадора и Ньюфаундленда, а Моуэтт даже помещает Хоп в...

– Стоп! – воскликнул Барни. – Меня не больно-то интересуют теории. Вы хотите сказать, что вам не удалось обнаружить поселений или даже каких-нибудь доказательств их существования?

– Не удалось, но...

– Значит, все ваши авторитеты ошибаются?

– Ну... получается так, – сказал Лин. Выражение лица его было несчастным.

– Пусть это вас не беспокоит, док, – сказал Барни, протягивая чашку, чтобы официантка налила ему новую порцию кофе. – Напишите книгу об этом – и сразу станете новым авторитетом. Сейчас гораздо важнее решить, что делать дальше? Позвольте напомнить вам, если вы не просматривали сценарий в последнее время, что наш фильм называется «Викинг Колумб», что это сага об открытии Америки и первом поселении на ее территории. Так что же нам теперь делать? Мы предполагали переправить всю группу в одно из поселений викингов и отснять там часть картины. Однако поселений нет. Что дальше?

Йенс Лин задумчиво пожевал палец, затем поднял голову.

– Можно отправиться на западное побережье Норвегии. Там есть норвежские поселения, и некоторые места мало чем отличаются от берега Ньюфаундленда.

– А там есть индейцы, которых мы могли бы нанять для съемок боевых сцен? – спросил Барни.

– Нет, индейцев в Норвегии совсем нет.

– Тогда это нам не подходит. Давайте-ка спросим нашего местного эксперта. – Барни оглянулся вокруг и в дальнем углу столовой увидел Оттара, который поглощал огромную кучу дымящихся трилобитов. – Ну-ка, Йенс, потревожьте нашу кинозвезду. Скажите, что он успеет съесть второе и третье потом.

– Вам нужен Оттар? – Послышалась тяжелая поступь, и викинг плюхнулся на скамейку.

– Что тебе известно о Винланде? – спросил его Барни.

– Ничего.

– Ты хочешь сказать, что никогда не слыхал о нем?

– Конечно, я слышал саги о Винланде, которые поют скальды, и разговаривал с Лейффом Эрикссоном о его путешествии. Но я никогда не видел Винланда и ничего о нем не знаю. Когда-нибудь отправлюсь в Исландию, оттуда в Винланд, сразу разбогатею.

– Что? Золото? Серебро?

– Дерево, – сказал Оттар, не скрывая презрения к тем, кто не знает таких простых вещей.

– Дерево для гренландских поселений, – объяснил Йенс Лин. – Там у них всегда страшная нужда в дереве, особенно в твердых сортах, для строительства кораблей. Груз такой древесины, доставленной в Гренландию, сделает владельца богатым человеком.

– Итак, вот вам ответ, – сказал Барни, поднимаясь из-за стола. – Как только мы закончим съемки на острове и заплатим Оттару, он отправится в Винланд. Мы сделаем прыжок во времени и встретим его на месте. Там мы снимем сцену прибытия, морские сцены для показа путешествия и сцену отплытия. Затем люди Оттара строят несколько хижин для своего поселения, мы платим бакшиш местному племени, они сжигают хижины викингов, и картина окончена.

– Хорошая мысль. В Винланде много дерева, – сказал Оттар.

Йенс Лин открыл было рот, чтобы протестовать, затем пожал плечами.

– Кто я такой, чтобы жаловаться? Если он такой дурак, что согласен на это, чтобы дать вам возможность окончить картину, зачем мне быть против? Правда, мне неизвестны саги о путешествии кого-то по имени Оттар в Винланд, однако, поскольку в последнее время выяснилось, что достоверность саг вообще находится под сомнением, я не думаю, что мне нужно протестовать.

– Пойду доем обед, – сказал Оттар.

Выйдя из столовой, Барни увидел, что его ожидает секретарша с охапкой папок.

– Я не хотела беспокоить вас во время еды, – объяснила она.

– Ну и напрасно. После того блюда, которое я только что съел, у меня никогда не наладится нормальное пищеварение. Ты знаешь, кто такие трилобиты?

– Конечно. Такие противные скользкие мокрицы, которых мы ловили на Санта-Каталине. Это страшно весело, их ловят ночью при свете фонаря, потом зажаривают целиком и едят с пивом. Вы должны...

– Ничего я не должен. О чем ты хотела поговорить со мной?

– О табелях, особенно о регистрации уик-эндов. Видите ли, все, кто входит в съемочную группу, проводили уик-энды на Каталине, то есть все, кроме вас. За те пять недель, которые мы провели здесь, у вас не было ни одного выходного дня.

– Не беспокойся обо мне, Бетти, дорогуша. Я не собираюсь отдыхать, пока отснятая картина не будет лежать в коробке. Так в чем же дело?

– Некоторые любители подводного плавания хотели бы оставаться на Каталине не два дня, а четыре и потом работать субботу и воскресенье следующей недели. Мои табели рабочего времени и так находятся в ужасном беспорядке, а если это принять, можно окончательно запутаться. Что мне делать?

– Прогуляйся-ка со мной до дома Оттара, мне нужна тренировка. Пойдем вдоль берега. Пока они спускались к берегу, Барни хранил молчание.

– Сделай вот что. Забудь про дни недели и считай только рабочие дни. Каждый, кто отработал пять дней подряд, следующие два дня может отдыхать. Если они хотят отдыхать четыре дня, то должны отработать десять дней подряд, а с одиннадцатого по четырнадцатый день – выходные. Отметки об их рабочих днях будут у тебя в журнале и в табелях, ведь они отмечают их и здесь, и на Каталине. Поскольку два или четыре выходных дня означают всего лишь пятиминутное путешествие на машине времени, все работают ежедневно без выходных – для меня это главное. Давай-ка веди свой журнал так, как я тебе сказал, а я после возвращения утрясу этот вопрос с Л. М. и бухгалтерией.

Они уже почти дошли до мыса и залива рядом с хижинкой Оттара, когда сзади показался прыгавший по кочкам джип с непрерывно ревавшим клаксоном.

– А это что? – застонал Барни. – Неприятности, ясно как божий день. Никто не мчится ко мне сломя голову, чтобы сообщить хорошие новости. – Он остановился с несчастным видом, поджидая джип.

Сидевший за рулем Даллас умудрился затормозить, почти не осыпав их дождем гальки.

– В залив входит какой-то корабль! – выпалил Даллас. – Все отправились разыскивать вас.

– Ну вот ты меня и нашел. Что же это – опять викинги-пираты, как и в прошлый раз?

– Все, что мне известно, я уже сказал, – ответил Даллас, с самодовольным видом жуя спичку.

– Значит, я был прав относительно неприятностей, – сказал Барни, влезая в джип. – Отправляйся обратно в лагерь, Бетти; не исключено, что произойдет еще один скандал.

Как только джип обогнул мыс, они увидели его. Подгоняемый попутным ветром, в залив входил большой корабль с широким парусом. Все киношники высыпали на холм за домом Оттара, а местные жители побежали к самой воде, размахивая руками и что-то крича.

– Опять бойня, – сказал Барни. – А вон и мой оператор, он готов запечатлеть самые кровавые сцены на цветной пленке. Пошли вниз и попробуем на этот раз не допустить убийства.

Джино установил свою камеру на самом берегу в таком месте, откуда можно было снимать как встречающих, так и прибывающий корабль. На этот раз, когда корабль подошел поближе, стало очевидным, что дела обстоят гораздо лучше, – норвежцы смеялись и махали руками, у них не было оружия. Оттар прибежал на берег, как только ему сообщили о приближающемся корабле, и стоял по колено в воде, громко крича. Когда незнакомцы приблизились к берегу, большой парус был приспущен, и корабль, двигаясь по инерции, врезался носом в берег и замер. Высокий викинг с огромной рыжей бородой, стоявший у рулевого весла, прыгнул с борта в волны прибоя и подбежал к Оттару. Оба великана что-то прокричали в знак приветствия и крепко обнялись.

– Объятия крупным планом! – крикнул Барни Джино. – И мне не придется спрашивать разрешения на то, чтобы включить эту сцену в фильм или платить действующим лицам хотя бы один цент, – добавил он со счастливой улыбкой, наблюдая за сценой на берегу.

Теперь, когда стало ясно, что кровопролития не ожидается, киношники начали спускаться на берег. Слуги выкатили бочонки с элем. Барни подошел к Йенсу Лину, который наблюдал за тем, как Оттар и вновь прибывший с радостными криками хлопали друг друга по бицепсам.

– О чем они говорят? – поинтересовался Барни.
– Они старые друзья и говорят друг другу, как приятно снова встретиться.
– Это и так ясно. Кто этот рыжебородый?
– Оттар зовет его Торхалл, так что это, наверно, Торхалл Гамлиссон из Исландии. Они с Оттаром не раз совершали вместе набеги, и Оттар всегда очень тепло отзывался о нем.
– А о чем они кричат сейчас?
– Торхалл говорит, он очень рад, что Оттар решил купить его корабль, так как он, Торхалл, собирается вернуться в Норвегию и мог бы воспользоваться для этого ладьей Оттара. Теперь он спрашивает о второй половине денег.
Нахмурившись, Оттар бросил резкое слово.
– Я знаю это и без перевода, – сказал Барни. – Мы пробыли здесь достаточно долго, чтобы усвоить по крайней мере это словосочетание.
Теперь крики заметно усилились, и в голосах викингов послышались неприятные нотки.
– Оттар полагает, что у Торхалла в голове злые духи, потому что он никогда не покупал никаких кораблей. Торхалл говорит, что два месяца назад, когда Оттар приехал к нему в Исландию, пользовался его гостеприимством и купил его корабль, он пел совсем другим голосом. Оттар не сомневается теперь, что Торхаллом владеют злые духи, потому что он не покидал этот остров в течение года, и предлагает проделать в голове Торхалла дыру, чтобы выпустить злых духов. Торхалл отвечает, что, как только он доберется до своего топора, выяснится, в чьей голове будет проделана дыра...

Барни хлопнул себя по лбу и покинул позицию наблюдателя, которую занимал, пока тяжеловесы обменивались взглядами ненависти и готовились к смертоубийственному матчу.

– Стойте! – закричал он, но викинги не обратили на него ни малейшего внимания. Барни испытал свои силы в старонорвежском: – *Nemit staoar!*¹⁵ – Но по-прежнему безрезультатно. – Стреляй в воздух! – крикнул Барни Далласу. – Необходимо остановить их, пока не поздно.

Даллас выстрелил в гальку, и раздробленные осколки с визгом полетели в воду. Викинги повернулись, на мгновение забыв о своих расправах. Барни поспешил к ним.

– Оттар, послушай меня. Мне кажется, я знаю, в чем дело.

– Я тоже знаю, – прошипел Оттар, сжимая кулаки. – Никто не смеет называть Оттара...

– Все это не так плохо, как тебе кажется, просто у нас разные точки зрения. – Барни потянул Оттара за рукав. Викинг даже не шелохнулся. – Док, отведи Торхалла в дом и поставь ему пару пива, а я пока поговорю с Оттаром.

Даллас еще несколько раз выстрелил в гальку для поддержания разговора. Наконец им удалось разнять противников, и Торхалл поспешил в хижину за обещанной выпивкой.

– Послушай, Оттар, ты мог бы отправиться в Винланд на своей ладье? – спросил Барни.

Оттар, все еще разъяренный, заморгал и помотал головой, не понимая вопроса.

– Ладья? При чем здесь моя ладья? – сказал он наконец.

Барни терпеливо повторил свой вопрос, и Оттар покачал головой, категорически отвергая подобный план.

– Глупый вопрос, – сказал он. – Ладья для набегов по рекам, вдоль берегов. Не годится для открытого моря. Для океанских путешествий нужен кнорр. Вот он – кнорр.

Теперь, когда Барни обратил на корабль свое внимание, он явственно увидел различие между ними. Если ладья с драконом на носу была длинной и узкой, то кнорр был широким судном с высокими бортами длиной по крайней мере сто футов. Кнорр Торхалла казался кораблем надежным во всех отношениях.

– Ты мог бы отправиться в Винланд на этом корабле? – спросил Барни.

---

¹⁵ Стойте! (*старонорв.*)

– Конечно, – ответил Оттар, глядя в сторону Торхалла и сжимая кулаки.
– Тогда купи его у Торхалла.
– И ты тоже! – рявкнул Оттар.
– Подожди одну минутку, послушай меня. Если я подкину тебе часть денег, ты сможешь купить этот корабль?
– Он стоит кучу марок.
– Ничего не поделаешь, быть яхтсменом – дорогое удовольствие. Так ты сможешь купить его?
– Может быть.
– Тогда договорились. Если он говорит, что ты купил корабль два месяца назад, значит так оно и было... Не бей меня! Я дам тебе денег, профессор перебросит тебя в Исландию для совершения сделки, и все будет о'кей!
– О чем ты говоришь?
Барни повернулся к Йенсу Лину, который внимательно слушал их разговор.
– Улавливаешь, Йенс? Сегодня утром мы договорились, что Оттар отправится в Винланд. Он сказал мне, что для этого путешествия ему нужен другой корабль. Торхалл утверждает, что Оттар приехал к нему и купил вот этот корабль два месяца назад. Очевидно, так оно и было. Так что давайте быстренько провернем это дело, пока положение не осложнилось. Возьми с собой Далласа и объясни все профессору. Лучше всего вам взять моторный катер. Отправляйтесь со всей компанией в Исландию – Исландию два месяца назад, – купите корабль, договоритесь, чтобы он был доставлен сюда сегодня, затем возвращайтесь. Это должно занять не более получаса. Возьми у кассира несколько марок, чтобы было чем заплатить за корабль. И не забудьте поговорить с Торхаллом перед отъездом и выяснить, сколько заплатил ему Оттар, чтобы ты мог вручить ему требуемую сумму.
– То, что вы говорите, – парадокс, – сказал Йенс. – Я не думаю, что это осуществимо...
– Для меня неважно, что ты думаешь. Ты получаешь жалованье и делай, что тебе говорят. А я пока умаслю Торхалла, чтобы он к вашему возвращению был в хорошем настроении.

Джип уехал, и Барни отправился в хижину, чтобы оживить угасавшую пьянку. Норвежцы разделились на две группы, вновь прибывшие держались подле своего вождя. Группы обменивались мрачными взглядами и почти не пили. Вошел Джино с бутылкой, которую он извлек из чехла для телеобъектива.

– Хочешь попробовать, Барни? – спросил он. – Это настоящая граппа из старой Италии. Я не могу пить здешний самогон.

– А твой ничем не лучше, – ответил Барни. – Попробуй предложить Торхаллу, – может быть, ему понравится.

Джино вытащил пробку и сделал огромный глоток, затем протянул бутылку Торхаллу.

– Drekkitt! – предложил он на приличном старонорвежском. – Ok verio velkomnir til Orkneyja!¹⁶

Рыжебородый викинг взял бутылку, глотнул, закашлялся, внимательно посмотрел на бутылку, потом выпил еще.

Прошло не менее получаса, прежде чем джип вернулся, но этого времени оказалось достаточно, чтобы пьянка пошла вовсю. Пиво текло рекой, граппу почти всю прикончили. Когда в хижину вошел Оттар, атмосфера резко изменилась. Торхалл быстро встал и прислонился спиной к стене, но Оттар, сияя широкой улыбкой, направился прямо к нему. Он хлопнул Торхалла по плечу, через мгновение вражда была забыта, напряжение исчезло, и празднование пошло своим чередом.

---

¹⁶ Выпей! И добро пожаловать на Оркнейские острова! (старонорв.)

– Ну как дела? – спросил Барни у Йенса Лина, который выбрался из джипа с гораздо большей осторожностью, чем Оттар.

За несколько минут отсутствия у него выросла трехдневная борода и под налитыми кровью глазами появились огромные черные круги.

– Мы легко отыскали Торхалла, – начал он хриплым голосом, – нам оказали самый восторженный прием, и мы купили корабль без всяких трудностей. Но мы не могли уехать, не спрыснув сделку, пир продолжался день и ночь, так что прошло больше двух суток, прежде чем Оттар заснул на столе и нам удалось унести его в джип. Посмотрите только на него – снова пьет! И как только ему это удастся? – Йенс содрогнулся.

– Простая жизнь и масса свежего воздуха, – объяснил Барни.

Крики и счастливые возгласы викингов становились все громче, и Оттар не выказывал признаков усталости, попав опять на пир.

– Похоже, что наш ведущий актер вместе со статистами не примется сегодня за работу, так что давайте соберемся и обсудим план съемок в Винланде и на борту этого корабля – как там его называют?

– Кнорр. Именительный – кнорр, родительный – кнорра, далее...

– Стоп! Я же не учу тебя, как снимать фильм. Итак, пойдем посмотрим этот кнорр – он выглядит достаточно устойчивым, чтобы на нем можно было поставить камеру, – и определим, в скольких сценах мы сможем его использовать. Потом нам нужно составить планы встречи в Винланде, причем нужно будет как-то следить и за кораблем. Масса работы. Мы уже перевалили вершину и движемся сейчас под гору – если ничего не случится.

Над головой раздался пронзительный крик чайки, Барни быстро протянул руку и постучал пальцами по мореному дереву кнорра.

Глава 12

– Я убью тебя как бешеную собаку, не смей плескать воду мне в лицо! – яростно заревел Оттар.

– Стоп! – сказал Барни, потом спустился на палубу и вручил Оттару полотенце. – Тебе нужно сказать: «Прочь от паруса – я убью первого, кто осмелится коснуться его! Поднять все паруса! Говорят вам, я чувствую землю. Не впадайте в отчаяние!» Вот что тебе нужно сказать. Здесь нет ни слова о воде, Оттар.

– Он нарочно плеснул водой мне в лицо! – сердито сказал Оттар.

– Конечно! Ведь ты находишься в открытом море, за много миль от берега, среди штормовых волн, которые то и дело обдают тебя брызгами. На море так всегда бывает. Но ты же не сердишься на океан и не проклинаешь его всякий раз, когда тебя окатывает волной?

– Так то в открытом море, а не на суше перед самым моим домом!

Не было смысла снова пускаться в объяснения о том, что они снимают картину, и что картина должна казаться настоящей, и что актеры должны считать, будто все это происходит в действительности. Барни пускался в объяснения уже не меньше сорока раз. Картины не имели никакой цены в глазах этого образчика скандинавской мужественности. А что имело для него цену? Еда, питье, простые удовольствия. И гордость.

– Меня удивляет, что такая чепуха, как брызги воды, беспокоят тебя, Оттар, – сказал Барни, затем повернулся к подручному. – Ну-ка, Эдди, набери ведро воды и плесни мне прямо в морду.

– Как прикажете, мистер Хендриксон.

Эдди размахнулся и выплеснул ведро холодной воды в поток воздуха от мощного вентилятора. Холодные брызги окатили Барни с головы до ног.

– Великолепно! – сказал он, изо всех сил пытаюсь удержать дрожь. – Здорово освежает. Водяные брызги в лицо ничуть не беспокоят меня.

Лицо Барни исказилось в чудовищной гримасе, потому что сентябрьские вечера на Оркнейских островах и так были холодными, а теперь поток воздуха от вентилятора словно ножом прорезал мокрую одежду.

– Швырни воду на меня! – распорядился Оттар. – Я покажу, что не боюсь воды.

– Одну минуту – и помни о том, что ты сказал.

Барни вышел из поля зрения камеры, и в этот момент его окликнули.

– Лента на заднем проекторе почти кончилась, мистер Хендриксон.

– Тогда перемотай ее, и побыстрее, а не то придется здесь заночевать.

Штормовое море исчезло с экрана за спиной Оттара, и группа перевела дух. Рабочие, стоявшие на платформе рядом с кнорром, включили электрическую помпу, чтобы наполнить бочку морской водой. Оттар стоял на палубе один, держась за рулевое весло вытасченного на берег корабля, и сердито смотрел вокруг. Ослепительный свет прожекторов освещал кнорр и кусок берега позади, все остальное было окутано тьмой.

– Дай-ка мне сигарету, – попросил Барни свою секретаршу. – Мои подмокли.

– Готово, можно начинать, мистер Хендриксон.

– Отлично. Занять позиции. Камера!

Двое рабочих изо всех сил навалились на длинные рычаги, раскачивавшие кусок деревянной палубы, на которой стоял Оттар.

– Поехали!

Сомкнув челюсти, Оттар взглянул в лицо шторму, удерживая рулевое весло, которое рабочий, скрытый за кораблем, старался вырвать из рук викинга.

– Прочь от паруса! – заревел Оттар. – Клянусь Тором, я убью любого, кто коснется паруса. – Брызги плеснули ему в лицо, но Оттар засмеялся холодным смехом. – Я не обращаю внимания на воду – я люблю воду! Поднять все паруса – я чую землю! Не теряйте надежды!

– Стоп! – приказал Барни.

– Он великий путаник, – сказал Чарли Чанг. – В моем сценарии написано не совсем так.

– Пусть остается все как есть, Чарли. Всякий раз, когда он держится так близко к тексту, как сейчас, будем считать это попаданием в яблочко. – Барни повысил голос: – О'кей, на сегодня все! Подъем в семь тридцать утра, мы должны успеть захватить рассвет. Йенс, Эмори, перед тем как уходить, подойдите ко мне.

Они стояли на шкафуте рядом с мачтой, и Барни топнул каблуком по палубе.

– Вы уверены, что эта посудина действительно доберется до Северной Америки?

– Без сомнения, – сказал Йенс Лин. – Эти норвежские кнорры были быстроходнее и обладали лучшей мореходностью, чем каравеллы Колумба или испанские и английские корабли, которые достигли Нового Света пятьсот лет спустя. История этих кораблей достоверно изложена.

– Вспомните, что недавно у нас появились основания сомневаться в достоверности некоторых из этих фактов.

– Но есть и другие доказательства. В тысяча девятьсот тридцать втором году сделали точную копию одного из таких кнорров, всего шестидесяти футов в длину, и этот корабль, повторив путь Колумба, пересек Атлантику чуть не в полтора раза быстрее его. Не все знают, насколько совершенными были эти корабли. К примеру, считают, что кнорры с их широкими, почти квадратными парусами могли идти только по ветру. Но они могли – то есть могут идти – и против ветра, если он до пяти румбов.

– Я верю вам на слово. А откуда эта вонь?

– Груз, – лаконично ответил Йенс, указывая на тюки, надежно привязанные к палубе кожаными веревками. – В этих кораблях нет трюмов, поэтому весь груз находится на палубе.

– Что же это за груз – лимбургский сыр?

– Нет, в основном продукты, пища для скота, эль и тому подобное. А вонь исходит от кожаных покрышек, которые делают водонепроницаемыми, пропитав их тюленьим жиром, смолой и маслом.

– Очень остроумно. – Барни указал на темное отверстие позади мачты. – А что случилось с ручной помпой, которую мы договорились установить на корабле? Он должен добраться до Винланда, иначе мы не снимем картины. Я хочу, чтобы были приняты все меры предосторожности. Эмори сказал, что помпа будет полезным новшеством. Где же она?

– Оттар отказался от помпы, – объяснил Йенс. – Он отнесся к ней с большим сомнением – боится, что помпа сломается и они не смогут ее починить. У них своя система: один человек стоит в трюме и ведром вычерпывает воду со дна корабля, а второй выливает ее за борт с помощью вот этого деревянного коромысла. Может быть, такая система кажется примитивной, зато действует безотказно.

– Конечно, пока у них хватает ведер и людей, а я уверен, что в этом недостатка не будет. О'кей, я покупаю все. Еще не хватало, чтобы я учил Оттара его профессии. Просто я хочу быть уверенным, что он благополучно доберется до Винланда. А как насчет этого навигационного приспособления, Эмори?

– Все в порядке, я установил его внутри корпуса, так что они не смогут добраться до него, и вывел на палубу очень простой репитер – по нему рулевой будет вести корабль.

– Он будет работать?

– Не вижу, почему нет. Викинги очень неплохие мореплаватели. Правда, обычно их морские переходы очень коротки, так что они прокладывают курс от одной точки на берегу к другой. Но они знакомы с океанскими течениями, разбираются в привычках морских птиц и полагаются на то, что птицы приведут их к земле. Кроме того, они довольно точно умеют определять широту по высоте Полярной звезды над горизонтом. Поэтому помощь, которую мы им хотим оказать, должна вписываться в применяемую ими систему и дополнять ее; с другой стороны, если наше приспособление выйдет из строя, это не должно привести к трагедии. Конечно, проще всего было бы установить обыкновенный магнитный компас, но он будет казаться им слишком необычным, да к тому же магнитный компас весьма ненадежен в этих высоких широтах, где масса магнитных аномалий и так велико расхождение между географическим полюсом и магнитным.

– Вот почему ты этого не сделал. А что же ты сделал?

– Поместил внутрь корпуса гирокомпас с запасом питания в виде новых никадовых батарей. Мы включим гирокомпас в момент отплытия, и батарей хватит по крайней мере на месяц. Гирокомпас – последней модели, микросхема, непрецизионный, в армии их применяют на ракетах. А вот здесь, прямо перед рулевым, находится репитер компаса.

Барни посмотрел сквозь толстое стекло циферблата и отчетливо увидел белую стрелку на черном фоне. В сущности, это был даже не циферблат – на черном круге была нанесена всего одна большая белая точка.

– Я надеюсь, что Оттар оценит эту штуковину быстрее, чем я, – сказал он.

– Он ее и так оценил, – ответил Эмори. – Правда, он полон энтузиазма. Может быть, если я нарисую карту, вы лучше поймете мои объяснения.

Эмори взял ручку и блокнот и быстро сделал простой набросок.

– Пунктирная линия – это шестьдесят градусов северной широты, причем обратите внимание на то, что она параллельна курсу, по которому должен плыть Оттар, чтобы достичь мыса Фарвель на южной оконечности Гренландии. Следуя на запад, он легко может проверять свою широту по высоте Полярной звезды. Мы устанавливаем гирокомпас так, что он все время

показывает на мыс Фарвель. Когда стрелка указателя касается белой точки – точка и стрелка покрыты люминесцентным составом и светятся ночью, – корабль плывет в требуемом направлении. По этому гирокомпасу Оттар приплывет прямо к южной оконечности Гренландии.

– Там они предполагают провести зиму у родственников Оттара. Пока все хорошо, но что случится весной, когда они отправятся дальше? Этот курс в шестьдесят градусов приведет их прямо в Гудзонов залив.

– Нам придется переставить гирокомпас, – сказал Эмори. – Оттар будет ждать нас, мы приедем и поставим ему новые батареи, затем направим гирокомпас вот сюда, в пролив Беллс-Айл. К этому времени он уже будет верить инструменту и последует по указанному им курсу, хотя на этот раз курс не будет параллелен широте. Тем не менее Восточное Гренландское течение направлено в ту же сторону, а он с ним знаком. Он сумеет без труда достигнуть берега или Лабрадора, или Ньюфаундленда.

– Ну хорошо, Оттар сумеет отыскать Винланд, – сказал Барни. – А как мы его отыщем?

– Рядом с батареями вмонтирован радиоответчик. Получив сигнал нашего радио, он автоматически пошлет ответ. Тогда нам будет нетрудно отыскать корабль с помощью простого радиопеленгатора.

– Звучит довольно убедительно. Будем надеяться, что это соответствует действительности. – Барни окинул взглядом низкую палубу и тонкую мачту. – Я бы не осмелился переправиться на этой штуке даже через залив, но ведь я не викинг. Итак, завтра отплытие. Мы закончили все съемки на острове. Завтра утром спускайте корабль на воду, погоняем его несколько раз в гавань и из гавани, сделаем съемки с берега и с борта корабля. А потом выпустим нашего голубя, пусть летит. Смотри, Эмори, вдруг твои приспособления не сработают? Тогда нам придется остаться в Винланде и вести домашнее хозяйство вместе с индейцами. Если я не доставлю обратно готовую картину, нам просто нет смысла возвращаться.

Джино поднял голову из-за камеры и сказал:

– Пусть начинают, я готов.

Барни повернулся к Оттару, который стоял, небрежно опершись на рулевое весло.

– Ну-ка, дай команду.

Усталые матросы что-то мрачно пробормотали себе под нос и снова навалились на деревянные рукоятки шпиля. Они поднимали и опускали парус и плавали взад и вперед по заливу с самого рассвета, пока Джино снимал корабль в разных ракурсах. По мере того как вращался барабан шпиля, смазанная жиром веревка из моржовой шкуры с шипением поползла через дыру к вершине мачты, поднимая тяжеленный холщовый парус, который еще более утяжеляли полосы из тюленьей кожи, нашитые на него для придания формы. Джино направил объектив на парус, снимая его подъем.

– Уже поздно, – сказал Оттар. – Если мы отплываем сегодня, нужно делать это поскорее.

– Мы уже почти закончили, – успокоил его Барни. – Я только хочу снять корабль, когда он выходит из залива, и на этом закончим.

– Ты же снимал эту сцену сегодня утром, ты сам сказал, что корабль отплывает в рассвет.

– Это было с берега. А теперь я хочу, чтобы ты и Слайти встали рядом у рулевого весла в момент отплытия от родного берега в неизвестное...

– На моем корабле женщина не может стоять у рулевого весла.

– Она не будет управлять кораблем, просто встанет рядом – может быть, возьмет тебя за руку. Я не прошу у тебя слишком многого.

Когда парус достиг вершины мачты, Оттар стал отдавать распоряжения. Трос, на котором поднимался парус, был снят с барабана шпиля и закреплен намертво, а на его место помещена веревка от якоря. Усилиями матросов, которые Джино запечатлел на пленке, якорь начал подниматься со дна залива. Якорь – килик – представлял собой огромный камень, обшитый дере-

вянными брусьями и обросший водорослями. Корабль начал набирать скорость, ветер наполнил парус, и Барни вернулся к съемкам.

– Слайти! – позвал он. – На сцену, и побыстрее.

Было совсем не просто перейти с носа на корму кнорра, когда корабль был полностью загружен. Поскольку кнорр был без трюмов и всего лишь с двумя крошечными каютами, на палубе находился не только весь груз, но там же сидели и лежали более сорока человек, шесть низкорослых коров и связанный бык, стадо овец и два козла, стоявшие на верху тюков. Крики, меканье и мычание наполняли воздух. Тем не менее Слайти сумела преодолеть все препятствия, и Барни помог ей вскарабкаться на крошечное возвышение у рулевого весла. На Слайти было белое платье с глубоким декольте, и выглядела она очень привлекательно с распущенными белокурыми волосами и щеками, розовыми от ветра.

– Встань рядом с Оттаром, – сказал ей Барни, затем быстро удалился из поля зрения съемочной камеры. – Начали!

– Их затылки – великолепный кадр, – прокомментировал Джино.

– Оттар! – крикнул Барни. – Ради Тора, повернись к нам. Ты смотришь не в ту сторону!

– Нет, я смотрю как раз в нужную сторону, – упрямо ответил Оттар, сжимая в руках длинное рулевое весло и сурово глядя назад на исчезающую землю. – Когда покидаешь сушу, нужно всегда смотреть на нее, чтобы взять верное направление. Так всегда делается.

После продолжительных уговоров, лести и подкупа Барни удалось уговорить Оттара встать так, чтобы он мог править, глядя через плечо. Слайти стояла рядом с ним, положив руку на борт рядом с рукой викинга, и Джино удалось отснять вид удаляющегося берега.

– Стоп! – скомандовал наконец Барни, и Оттар с облегчением занял правильное положение.

– Я спущу вас на берег у мыса, – сказал Оттар.

– Отлично, – ответил Барни. – А я свяжусь по радио с лагерем и вызову грузовик.

Самым трудным при высадке была выгрузка камеры, и Барни оставался на борту до тех пор, пока камеру не переправили на берег в целости и сохранности.

– Ну, Оттар, увидимся в Винланде, – сказал он, протягивая руку. – Доброго тебе пути.

– Конечно, – ответил викинг, сжимая своей ручищей руку американца. – Отыщи для меня место получше. Вода, трава для скота, много деревьев.

– Постараюсь, – сказал Барни, тряся рукой: он пытался восстановить кровообращение в своих побелевших пальцах.

Викинги не теряли времени. Как только Барни спустился на берег, Оттар приказал закрепить бейтас – парус. Длинное бревно одним концом вошло в специальное отверстие в палубе, а другой его конец уперся в верхний край паруса, развернув его к ветру. Корабль в последний раз отошел от берега и направился в открытое море. Крики людей и рев животных скоро утихли вдали.

– Только бы они добрались до Винланда, – сказал Барни вполголоса, – только бы они добрались. – Он резко повернулся и вскарабкался на грузовик. – Быстро доставь меня к профессору, жми на третьей скорости, – сказал он шоферу.

Он мог избавиться от своих страхов, немедленно выяснив, сумел ли корабль благополучно достичь Исландии. Машина времени не могла решить его трудностей, но она могла сократить период бесплодного и томительного ожидания.

Когда они подъехали к лагерю, там царила суматоха. Палатки свертывали и укладывали на грузовики вместе с остальным имуществом: съемочная группа готовилась к переезду на новое место. Однако Барни ничего этого не замечал; его пальцы нетерпеливо барабанили по боковому стеклу. Если корабль в пути постигнет неудача, все это будет ни к чему. Не успел еще грузовик затормозить у машины времени, как Барни уже выпрыгнул из кабины. Джип

погрузили на платформу, и сидевшие в нем Текс и Йенс Лин следили за тем, как профессор заряжает аккумуляторы времеатрона.

– А где Даллас? – спросил Барни.

– Куда-то ушел.

– Мы можем отправиться и без него, – сказал Текс. – Необязательно ехать нам вдвоем. Ведь нам нужно только доставить Оттару запас виски на зиму, после того как мы узнаем, что он прибыл благополучно.

– Делай, что тебе говорят. Я хочу, чтобы на всякий случай туда отправились два человека. Мы не можем сейчас позволить себе срывов. Вот он идет – отправляйтесь.

Барни сделал шаг назад, и профессор включил темпоральное поле. Как всегда, с точки зрения наблюдателя путешествие заняло лишь долю секунды. Платформа исчезла и вновь появилась в нескольких футах от Барни.

Впрочем, перемены были налицо. Профессор Хьюитт сидел в контрольной кабине, плотно закрыв дверь, а те, кто был в джипе, подняли брезентовый полог. Он был покрыт толстым слоем снега. Порыв снежного бурана вырвался из поля времеатрона, и снег покрыл траву вокруг платформы.

– Ну? – нетерпеливо спросил Барни. – Что случилось? Вылезайте из укрытия и докладывайте.

Даллас спустился с платформы и подошел к Барни по покрытой снегом траве.

– Эта мне Исландия! – проворчал он. – Ну и климат!

– Метеорология потом. Ну, как Оттар с кораблем?

– Все в порядке. Корабль вытащили зимовать на берег, и, когда мы отправлялись, Оттар и его дядя хлестали виски, которое мы им доставили. Мы поволновались – думали, что так и не найдем его, профессору пришлось четыре раза менять координаты. Оказалось, что он сделал остановку на Фарерских островах. Между нами говоря, я не думаю, что Оттар добрался бы до Исландии, если бы его не подгоняла любовь к спиртному. Ведь когда привыкаешь к очищенному спирту, домашний самогон перестает нравиться.

Барни с облегчением вздохнул; впервые за долгое время он почувствовал, что напряжение покидает его. Он даже выжал из себя слабую улыбку.

– Отлично. Теперь начнем перебрасывать группу, пока у нас здесь еще не стемнело.

Он вскарабкался на платформу, осторожно ступая по колее, проложенной джипом, чтобы не набрать снега в ботинки, и открыл дверь кабины.

– У ваших аккумуляторов хватит энергии для следующего прыжка?

– Когда мотор генератора работает, зарядка аккумулятора идет непрерывно. Это большое усовершенствование.

– Тогда перебросьте нас вперед во времени, в весну тысяча пятого года, и выберите на Ньюфаундленде местечко получше, в тех краях, которые вы осматривали с Лином, когда искали поселения викингов.

– Я как раз знаю такое прелестное местечко, – сказал профессор, перелистывая записную книжку. – Идеальное положение.

Он установил координаты и включил времеатрон.

Снова возникло уже знакомое ощущение временного прыжка, и платформа опустилась на скалистый берег. Волны бились о скалы, казалось, над самой их головой, и брызги с шипением падали на снег. Над ними возвышалась мрачная громада утеса.

– Это что, прелестное местечко? – заорал Барни, пытаясь перекрыть грохот прибоя.

– Ошибочные координаты! – крикнул в ответ профессор. – Маленькая ошибка. Это не то место.

– Вы еще будете мне заливать! Давайте двигать отсюда, пока нас не смыло в море.

После второго прыжка машина времени мягко опустилась на зеленую лужайку на берегу небольшого залива. Чуть дальше полукругом выстроились высокие деревья, и через лужайку к морю бежал, извиваясь, журчащий ручей.

– Вот это другое дело, – заметил Барни, глядя, как члены его экипажа выбираются из джипа. – Где мы, Йенс?

Йенс Лин огляделся вокруг, вдохнул воздух полной грудью и улыбнулся.

– Я хорошо помню это место, оно было одним из первых. Прямо перед нами Эпавесский залив, выходящий в залив Сейкрид-Бей на северной оконечности Ньюфаундленда. А вот там пролив Белл-Айл. Мы разузнали все об этом месте потому, что...

– Отлично. Кажется, это то, что нужно. А ведь компас на корабле Оттара нацелен на этот пролив?

– Совершенно верно.

– Тогда здесь и остановимся. – Барни наклонился, зачерпнул с платформы пригоршню мокрого снега и начал делать снежок. – Это место возле устья ручья мы оставим для Оттара. А свой лагерь разобьем вон там, в верхнем правом углу лужайки. Здесь довольно ровно, поставимся, чтобы двадцатое столетие не попадало в поле съемочной камеры. Ну, за работу! Но сначала счистите снег. Я не хочу, чтобы кто-нибудь сломал ногу.

Даллас наклонился, чтобы завязать шнурок, и удержаться от искушения при виде такой цели было просто невозможно. Размахнувшись, Барни швырнул тугой комок прямо в центр тесных джинсов.

– Вперед, викинги! – сказал он со счастливой улыбкой. – Пошли заселять Винланд.

Часть третья

Глава 13

Серый безмолвный мир нагонял уныние и тоску. Туман заглушил все звуки, слизнул все краски; океан перед путешественниками раскинулся, но не был виден до тех пор, пока набежавшая волна не разбилась пеной на песчаном пляже у самых их ног. Грузовик, стоявший в десяти футах, казался темным пятном в серой мгле.

– Попробуй еще разок, – сказал Барни, напрягая зрение и тщетно пытаясь проникнуть сквозь сырую завесу мглы.

Даллас, по случаю непогоды одетый в огромное черное пончо и широкополую стетсоновскую шляпу, поднял углекислотный баллон с сиреной и открыл клапан. Траурный рев сирены помчался над водой, отдаваясь в их ушах даже после того, как клапан был закрыт.

– Ты слышал? – внезапно спросил Барни.

Даллас наклонил голову и прислушался.

– Ничего, кроме шума волн.

– Я готов поклясться, что слышал плеск весел. Давай попробуем еще раз, по минуте. Слушай внимательно.

Сирена заревела снова. Барни поплелся к армейскому грузовику с брезентовым верхом и заглянул в кузов.

– Никаких изменений? – спросил он.

Эмори Блестэд, не отрываясь от радиопеленгатора, отрицательно покачал головой с надетыми на нее наушниками. Он медленно поворачивал рукоятку, вращающую антенну радиопеленгатора. Антенна повернулась в одну сторону, потом в другую. Эмори поднял глаза и постучал пальцем по указателю у основания антенны.

– Насколько я могу судить, корабль не двигается, – сообщил он. – Пеленг не изменился. Наверно, они ждут, когда разойдется туман.

– На каком расстоянии от берега?

– Барни, имей совесть. Я тебе сто раз говорил, что с помощью этого прибора я могу определить направление, но не расстояние. Сила сигнала ответчика также ничего мне не говорит – может быть, одна миля, а может, пятьдесят. Я могу сказать только одно: с того момента, когда мы впервые услышали сигнал три дня назад, уровень поднялся, так что они приблизились.

– Ну ладно, ты убедил меня. Значит, этого ты не можешь мне сказать. А что же ты можешь сказать?

– То же, что и раньше. Корабль отплыл из Гренландии восемнадцать дней назад. Я переставил гирокомпас и направил его на пролив Белл-Айл, заменил батареи, включил ответчик и проверил, как работают все приборы. Мы сами видели, как они отплыли.

– Вы с Лином говорили мне, что плавание займет всего четыре дня, – сказал Барни, нервно кусая ноготь.

– Мы сказали, что плавание может занять всего четыре дня, но, если погода ухудшится – изменится ветер или что-нибудь еще, – путешествие займет гораздо больше времени. Так оно и случилось. Но ведь мы слышали сигнал ответчика – значит, они благополучно пересекли океан.

– Это было два дня назад, а что ты сделал для меня после этого?

– Послушай, Барни, скажу тебе как старый друг: это путешествие во времени не сделало тебя спокойнее. Мы же собирались только отснять фильм, верно? Мы выполнили свой долг

и даже перевыполнили – и никто не проронил ни слова жалобы. Давай полегче – и сам не мучайся, и людей не мучай.

– Да-да, ты прав, – ответил Барни. Больше чем когда-либо он был близок к тому, чтобы принести извинения. – Но ведь два дня – ты и сам скоро поймешь, как это много.

– Ты совершенно напрасно беспокоишься: сплошной туман, незнакомый берег, полный штиль – они просто не хотят рисковать. Им нет никакого смысла грести к берегу: они не знают, где он и что их там ожидает. Сейчас, судя по радиопеленгатору, мы находимся в самой ближней к ним точке суши и, как только туман поднимется, сможем указать им направление...

– Эй! – раздался с берега крик Далласа. – Я что-то слышу вон там, вдалеке.

Барни сполз по песчаному откосу к кромке воды. Даллас стоял, приложив ладонь к уху, и внимательно прислушивался.

– Тише! – прошептал он. – Прислушайся. Вон там в тумане. Клянусь, я слышал плеск воды, как будто от весел, и голоса.

Волна разбилась у их ног и медленно покатилась обратно. На мгновение наступила полная тишина, и стал отчетливо слышен плеск весел.

– Ты прав! – крикнул Барни, затем закричал еще громче: – Эй, вы, там! Сюда!

Даллас тоже закричал, забыв о сирене, когда в туманной мгле показалось темное пятно.

– Это лодка, – сказал Даллас, – ее обычно держат на палубе.

Они кричали, махали руками. Внезапно порыв ветра разорвал туман, и стали видны лодка и те, кто в ней сидел.

Лодка была сделана из темных звериных шкур, трое сидящих в ней туземцев с длинными черными волосами были одеты в меховые парки с откинутыми капюшонами.

– Это не викинги, – сказал Даллас, размахивая правой рукой. – Кто это может...

Люди в лодке, заметив его движение, опустили круглые весла в воду, тормозя лодку, а тот, что был на носу, взмахнул рукой, и что-то просвистело в воздухе, направленное на Далласа.

– Они прикончили меня! – с этим криком Даллас упал на песок со стрелой, торчащей из груди.

Рядом с ним упала сирена, клапан открылся, и над водой раздался мрачный рев. Заслышав его, люди в лодке начали отчаянно грести в обратном направлении и через несколько секунд исчезли в тумане.

С того момента, как лодка появилась, и до того, как она исчезла, прошли буквально считанные секунды. Барни стоял, потрясенный происшедшим, оглушенный ревом, ничего не понимая. Сирена мешала ему сосредоточиться, и Барни пришлось наклониться и выключить ее, прежде чем он повернулся к Далласу, который лежал на песке и казался сраженным замертво.

– Выдерни эту штуку из меня, – внезапно сказал Даллас тихим голосом.

– Я поврежу что-нибудь... это тебя убьет... я не могу.

– Это не так страшно, как кажется. Однако постарайся выдернуть ее, а не запихнуть глубже.

Дрожащими руками Барни схватился за дротик, потянул, и дротик легко подался, но потом запутался в одежде Далласа, так что Барни пришлось упереться и дернуть изо всех сил. Дротик остался у него в руках, вырвав огромный лоскут прорезиненной материи из пончо Далласа. Даллас тут же сел, поднял пончо и расстегнул куртку и рубаху.

– Ты только посмотри, – сказал он, показывая на красную царапину вдоль ребер. – Еще два дюйма вправо – и мне бы устроили вентиляцию. Когда я шевелился, этот крючок на наколочнике впивался мне в тело и все казалось гораздо хуже, чем на самом деле.

Он осторожно потрогал пальцем острый зубец, отходящий в сторону от костяного наколочника.

– Что случилось? – крикнул Эмори, сбегая по песчаному склону. – Что это? Где лодка?

Даллас встал и заправил рубаху в брюки.

– Мы установили контакт с местным населением, – объяснил он. – Похоже, что индейцы, или эскимосы, или кто-то еще прибыл сюда до викингов.

– Ты ранен?

– Не смертельно. На этой стреле не было моего имени. – Он усмехнулся и внимательно осмотрел стрелу. – Хорошая резьба по кости и отличная балансировка.

– Все это мне не нравится, – сказал Барни, доставая из кармана подмокшую сигарету. – Разве у меня мало неприятностей и без этих индейцев? Остается только надеяться, что они еще не добрались до корабля викингов.

– А я надеюсь, что это произошло, – с наслаждением сказал Даллас. – Не думаю, чтобы они причинили Оттару много беспокойства.

– Я хотел вам сказать, – вставил Эмори, – что с холма, где стоит грузовик, видно, как поднимается туман и в просветах светит солнце.

– Давно пора, – сказал Барни, глубоко затягиваясь сигаретой, так что мокрый табак начал вспыхивать и трещать.

Как только солнце появилось на небе, оно быстро рассеяло туман. К тому же с запада подул ветер. Через полчаса туман совершенно исчез, и в миле от берега они увидели кнорр Отгара.

Барни едва сдержал улыбку.

– Посигналь-ка им этой штукой, – сказал он Далласу. – Они посмотрят в нашу сторону и быстро увидят грузовик.

Даллас открывал и закрывал клапан сирены до тех пор, пока она, пискнув, не замолчала совсем. Однако желаемый эффект был достигнут. Они отчетливо видели, как большой парус стал уменьшаться, затем, после поворота, снова увеличился и у носа корабля появилась белая полоска пены. Никаких следов лодки из шкур не было видно. Казалось, она исчезла так же внезапно, как и появилась.

В нескольких сотнях метров от берега кнорр повернулся и лег в дрейф, парус захлопал на ветру. Люди на борту кнорра размахивали руками и кричали что-то непонятное.

– Давай сюда! – крикнул Барни. – Давай к берегу! Почему они не пристают прямо к берегу?

– Надо думать, у них есть причины, – сказал Эмори. – Опасные подходы или что-нибудь еще.

– Как же тогда, они считают, я смогу добраться до корабля?

– Может быть, вплавь? – предложил Даллас.

– Шутник. Послушай, а может, послать тебя к ним в надувной лодке?

– Смотрите, – заметил Эмори, – у них на палубе еще одна лодка.

На палубе виднелась лодка, двадцатифутовая копия кнорра, однако викинги спускали на воду другую лодку.

– Это что-то знакомое, – пробормотал Даллас.

Прищурившись, Барни посмотрел на лодку.

– Ты совершенно прав. Она как две капли воды похожа на лодку, в которой приплывали краснокожие.

В прыгающую на волнах лодку спустились двое и начали грести к берегу. Оттар сидел на носу, приветственно размахивая веслом. Через несколько мгновений лодка уткнулась носом в песок.

– Добро пожаловать в Винланд, – сказал Барни. – Ну, как поплавали?

– Берег здесь никуда не годится, нет травы для животных, нет деревьев, – сказал Оттар. – Ты нашел хорошее место?

– Великолепное, дальше по берегу в нескольких милях, именно то, что ты просил. Ну как, были происшествия во время плавания?

– Ветер все время дул в другую сторону, плыли очень медленно. Полно плавающего льда и тюленей, и мы видели двух варваров. Они охотились за тюленями и попытались улизнуть, но мы стали их преследовать и, когда они бросили в нас дротики, убили их. Съели их тюленей. Взяли их лодку.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать. Мы только что встретили их родственников.

– Где это хорошее место, о котором ты говорил?

– Поплывешь вдоль берега, потом повернешь за мыс и пройдешь мимо островов. Его нельзя не заметить. Да вот возьми с собой Эмори, он покажет тебе дорогу.

– Нет-нет, только не меня. – Эмори словно оттолкнулся от чего-то и попятился. – Как только посмотрю на лодку, меня уже тошнит. Стоит мне три минуты побыть в море, как мой желудок выворачивается наизнанку и я прямо труп да и только.

Даллас по солдатской привычке не любил вступать в неприятные разговоры.

Когда Барни повернулся к нему, он был уже на полпути к вершине холма.

– Я шофер, – объяснил Даллас, – я подожду вас в кабине.

– Вот вам служащие, преданные и верные, – холодно заметил Барни. – Я все понял, ребята, можете не повторять. О'кей, Эмори, скажи шоферу, пусть отправляется в лагерь. Мы постараемся добраться до корабля как можно быстрее, спустим людей Отгара на берег и, может быть, в недалеком будущем снова приступим к съемкам. Разбуди Джино, скажи, пусть он заберется на холм, на ту точку, которую мы с ним выбрали, и начинает съемки корабля, как только он появится в проливе. И позаботься о том, чтобы на месте высадки уничтожили отпечатки автомобильных шин.

– Все будет сделано, Барни. Я бы с удовольствием отправился вместо тебя, но я и море...

– Да-да, конечно. Отправляйтесь.

Влезая в лодку, Барни промочил ноги. Вода была настолько холодной, что ему стало казаться, будто у него ампутированы ноги ниже колен. Лодка – тюленьи шкуры, натянутые на деревянную раму, – качалась, угрожая перевернуться от малейшего движения, и прыгала по воде подобно огромному водяному жуку. Барни пришлось сесть на дно и схватиться руками за борта, чтобы удержать равновесие. Когда им наконец удалось достигнуть кнорра, он никак не мог вылезти из качающейся лодки и перебраться через высокий борт корабля, пока чьи-то сильные руки не подхватили его под мышки и не втащили на палубу, как мешок с зерном.

– Nanany! Soustu handartokin!¹⁷ – рявкнул Отгар, и его люди с веселыми криками начали разворачивать корабль, готовя его к последнему этапу плавания.

Барни предусмотрительно удалился на корму, чтобы его в спешке не помяли. Моряки поворачивали длинное бревно, прикрепленное к нижнему концу паруса, и под пронзительные крики женщин отшвыривали тяжелыми сапогами попадавших под ноги коз, которые шумно выражали свой протест. Переполненная палуба напоминала оживленный деревенский двор с испуганными домашними животными и разбросанными здесь и там кулями корма. Посреди всей этой суматохи одна из женщин, склонившись над деревянным ведром, доила корову. Когда корабль изменил направление и ветер донес до Барни запах парного молока, сходство стало казаться еще более разительным.

Наконец суматоха постепенно улеглась, и скот вернулся к своей кормежке. Попутный ветер не только надувал огромный парус, но и уносил с кормы на нос разнообразные запахи, так что воздух на корме был чистым и свежим. Форштевень с шипением врезался в длинные

---

¹⁷ А ну за работу! Уже немного осталось! (старонорв.)

пологие валы Атлантического океана, и вдоль бортов корабля проносилась волна. Легкий, как пробка, кнорр был надежным и практичным судном, море было для него родной стихией.

– Кажется, хорошее место, – заметил Оттар, легким прикосновением руки выравнивая рулевое весло кнорра и указывая другой рукой на берег, где уже были видны деревья и пятна лужаек.

– Вот подождите, когда обогнем мыс, – сказал ему Барни, – там еще лучше.

Корабль проходил мимо группы островов, расположенных в устье залива. Животные почуяли землю, запах свежей травы и подняли шум. Бык со спутанными ногами, привязанный к палубе, потянул за веревку и заревел, женщины закричали от радости, а мужчины запели. Плавание подходило к концу, местечко и впрямь оказалось прекрасным. Когда перед ними открылся Эпавесский залив с высокими деревьями на холмах, которые поднимались навстречу небу, и ярко-зеленой весенней травой на лугу около ручья, даже Барни почувствовал волнение. Потом он заметил темное пятно на вершине холма – Джино со съемочной камерой, – увидел джип на склоне и не высовывался до тех пор, пока не надел на голову рогатый шлем викингов, висевший недалеко от него. Только после этого он выпрямился и стал виден с берега.

Оттар вел свой корабль, не спуская паруса, прямо к устью ручья, и все, кто был на борту, кричали от возбуждения. Наконец форштевень кнорра царапнул песчаное дно, корабль поднялся на волне и проплыл еще немного, снова коснулся дна и замер на месте. Забыв о все еще поднятом нижнем парусе, команда и пассажиры попрыгали в волны прибоя и, смеясь от радости, побрели по воде к берегу и лугу по обе стороны ручья. Оттар вырвал огромный пучок высокой, по колено, травы, понюхал ее, потом пожевал. Некоторые катались по земле, испытывая животное удовольствие от ощущения твердой земли после многих дней, проведенных на качающейся палубе корабля.

– Великолепно! – крикнул Барни. – То есть просто великолепно! Высадка в Винланде после долгих месяцев плавания, первые поселенцы в новом мире. Поразительные кадры, подлинные исторические кадры! – Он пробрался между обезумевшими животными на нос корабля и встал так, что оператор отчетливо видел его. Махнув рукой, он крикнул: – Достаточно, Джино! Спускайся сюда!

Голос его едва ли был слышен, однако жест был весьма выразителен. Джино вылез из-за камеры, махнул в ответ, затем принялся грузить камеру в джип. Еще через несколько минут джип, разбрасывая гальку, уже мчался по берегу. Барни спрыгнул с корабля в воду и побежал ему наперерез.

– Стой! – крикнул он Далласу, который вел машину. – Развернись и поезжай на другой берег, прямо против устья ручья. А ты, Джино, установи камеру на вершине и снимай вход корабля в залив, его приближение, людей, которые прыгают с палубы в воду и бегут прямо на камеру, обтекая ее слева и справа.

– Потрясающая сцена – как они спрыгивали с корабля, – сказал Джино. – Я буду готов через десять минут.

– Тебе потребуется больше, чтобы все это опять запечатлеть. Обожди! – окликнул он Далласа, который включил мотор и начал разворачивать джип. – Мне нужна твоя бутылка.

– Какая еще бутылка? – На лице Далласа отразилось искреннее недоумение.

– Бутылка, которую ты всегда таскаешь с собой. Ну ладно, нечего притворяться. Я всего лишь беру ее взаймы. Вечером ты получишь новую.

Трюкач с видимой неохотой извлек из-под сиденья бутылку виски с черной наклейкой, на четверть пустую.

– Так-так, – холодно заметил Барни. – Уже запустил лапу в частные владения.

– Это чистая случайность – мое виски кончилось. Я заплачу.

– А я-то думал, что, кроме меня, ни у кого нет ключа к ящику. И чему только люди не научатся в армии!.. Ну, за дело! – С этими словами он засунул бутылку во внутренний карман куртки и пошел обратно к Оттару, который стоял на коленях на берегу ручья и пил воду из пригоршни.

– Ну-ка загони всех обратно на корабль, – сказал Барни. – Мы хотим опять снять высадку, на этот раз с близкого расстояния.

Оттар посмотрел на Барни и захлопал глазами, вытирая тыльной стороной руки воду, стекавшую с бороды.

– О чем ты говоришь, Барни? Все так счастливы, что они снова на берегу. Они не захотят вернуться.

– Захотят, если ты им прикажешь.

– Почему я должен приказывать? Это идиотская мысль.

– Ты прикажешь им, потому что ты снова на зарплате. А вот и аванс.

С этими словами он протянул бутылку Оттару, тот широко улыбнулся и поднес ее к губам. Пока викинг пил, Барни успешно справился со своей задачей.

Даже Оттару было нелегко вернуть людей на корабль. Наконец он потерял терпение, уложил одного из мужчин сильнейшим ударом в грудь и пинками повернул двух женщин в нужном направлении. После этого, несмотря на ворчание и жалобы, люди поднялись на палубу и разобрали весла. Дальше все было просто – усилия, которые потребовались, для того чтобы снять кнорр с мели, потушили остатки мятежа.

Как только камеру выгрузили на пригорок, Барни тут же послал джип обратно в лагерь. Еще до того, как корабль взял обратный курс и вновь поднял паруса, джип вернулся, нагруженный ящиками пива, коробками сыра и консервированной ветчины.

– Вывалите все это добро примерно в десяти ярдах позади камеры, причем сделайте кучу достаточно высокой, чтобы они могли видеть продукты издалека. Открой ветчину, пусть знают, что это такое. И дайте мне банку ветчины с бутылкой пива.

– Вон они идут! – крикнул Джино. – Великолепный кадр, совершенно потрясающий.

Полным ходом кнорр мчался по заливу, быстро приближаясь к камере, пока огромный парус не закрыл половину неба. В следующее мгновение нос кнорра врезался в устье ручья, подняв тучу брызг.

Барни, который не был уверен, что энтузиазма скандинавов хватит и на вторую высадку, решил не рисковать. Он поднял над головой ветчину с пивом и крикнул изо всех сил: «OI! Svinajot, ol ok ostr!»¹⁸

Это оказало мгновенное действие. После трех недель плавания, в котором единственной пищей были сухари и вяленая рыба, мореплаватели взревели от восторга. На этот раз энтузиазм был таким же, если не большим, чем во время первой высадки. Люди, сбивая друг друга с ног, мчались по пояс в воде к берегу и пробегали мимо камеры, чтобы дорваться до еды и питья.

– Стоп, – сказал Барни, – но пока не уходи. Как только они покончат с закуской, я хочу, чтобы они выгрузили домашний скот.

Подождал Оттар. В одной руке у него была наполовину опустошенная банка ветчины, в другой – бутылка.

– Подойдет это место для поселения? – спросил его Барни.

Оттар посмотрел вокруг и кивнул со счастливой улыбкой.

– Хорошая трава, хорошая вода. Полным-полно деревьев на берегу для топки. Полным-полно хорошей древесины вон там для рубки. Рыба, охота – хорошее место. Где Гудрид? Где все остальные?

---

¹⁸ Пиво! Ветчина, пиво и сыр! (старонорв.)

– Выходной день, – сказал ему Барни, – все они на Санта-Каталине. Свободный день с сохранением жалования, праздник, пикник, жарят мясо на кострах и так далее.

– Почему праздник?

– Потому что я щедрый и люблю, когда люди счастливы, а ведь до вашего прибытия мы не могли ничего делать. К тому же это сберегает деньги. Я три недели ждал вас всего с несколькими людьми. А остальные будут отсутствовать только один день.

– Хочу видеть Гудрид.

– Ты хочешь сказать – Слайти. Я полагаю, что она тоже будет рада увидеться с тобой.

– Прошло так много времени.

– Ты любитель примитивных наслаждений, Оттар. По крайней мере, сначала покончи со своей ветчиной и не забывай, что это исторический момент. Ты только что впервые ступил на землю нового мира.

– Ты чокнутый, Барни. Это тот же самый мир, только место называется Винланд. Похоже, что здесь хорошие деревья.

– Мне не забыть этих исторических слов, – произнес Барни.

Глава 14

– Что-то я сегодня неважно себя чувствую, – пожаловалась Слайти, расстегивая огромную позолоченную пряжку на своем поясе. – Должно быть, это воздух, или климат, или что-то вроде этого.

– Конечно, что-то вроде этого, – сказал Барни с полным отсутствием сочувствия. – Воздух. Конечно, это не может быть следствием вчерашней пирушки с викингами на берегу, где вы жарили на кострах моллюсков и устриц и выпили шесть ящиков пива.

Слайти промолчала, однако ее обычно свежая розовая кожа внезапно приобрела зеленоватый оттенок. Барни вытряхнул еще две таблетки в пригоршню, уже почти полную, и протянул ей.

– Вот, проглоть эти пилюли, а я сейчас принесу тебе стакан воды.

– Так много? – еле слышно запротестовала Слайти. – Я не проглочу их.

– Постарайся, ведь нам предстоит целый день съемок. Эти пилюли – испытанное лекарство доктора Барни Хендриксона от похмелья и применяются на другое утро после праздника. Аспирин от головной боли, драмина от тошноты, бикарбонат от изжоги, бензедрин от подавленного настроения и два стаканчика воды для ликвидации обезвоживания организма. Действует безотказно.

Пока Слайти давилась таблетками, в дверь постучала секретарша Барни, и он велел ей войти.

– Ты выглядишь сегодня очень свеженькой, – заметил Барни.

– Я не перевариваю моллюсков, поэтому легла спать очень рано. У меня к вам несколько вопросов. – Она протянула ему бумажку с вопросами и начала водить пальцем по списку. – Так, артисты – о'кей, дублеры – о'кей, операторы – о'кей; да, в бутафорском отделе хотят знать, нужна ли кровь на складном кинжале?

– Конечно нужна! Мы снимаем настоящий исторический фильм, а не сказку для детского утренника. – Он встал и оправил куртку. – Пошли, Слайти.

– Я приду через минуту, – сказала она умирающим голосом.

– Десять минут – и ни секундой больше, ты снимаешься в первой сцене.

День был ясный, и солнце, уже поднявшись над горным хребтом за их спиной, освещало поселение, бросая длинные тени от земляных хижин и сараев, крытых древесной корой. Норвежские поселенцы уже начали свой рабочий день, и струйка синего дыма поднималась из дыры в крыше самой большой хижины.

– Надеюсь, что Оттар в лучшем состоянии, чем наша героиня, – сказал Барни, вглядываясь в водные просторы. – Посмотри, Бетти, вон там, слева от острова, – это камни или лодка?

– Я оставила свои очки в трейлере.

– Похоже, что это моторная лодка. Смотри, она приближается. Пора бы им уже и возвращаться. Пойдем-ка на берег.

Бетти пришлось почти бежать, чтобы не отстать от Барни, который широким шагом спускался по склону холма вниз к берегу. Теперь лодка была отчетливо видна, и они слышали стук мотора, разносящийся над заливом. Большинство киношников уже собрались около кнорра, и Джино устанавливал камеру.

– Кажется, исследователи возвращаются домой, – обратился он к Барни, указав на приближающуюся лодку.

– Сам вижу и сам позабочусь о них, так что пусть все остальные готовятся к съемкам. После того как я с ними поговорю, мы сразу же начнем снимать эту сцену.

Барни ждал приближения лодки, стоя у самой воды. Текс сидел у подвесного мотора, а Йенс Лин – на носу. У обоих отросли черные бороды и вид был весьма потрепанный.

– Ну? – спросил Барни, не дождавшись, когда лодка достигнет берега. – Что нового?

Лин грустно покачал головой.

– Ничего, – сказал он, – абсолютно ничего вдоль всего берега. Мы ушли так далеко, как только позволили запасы бензина, и не встретили ни единой живой души.

– Но это совершенно невозможно! Я видел этих индейцев собственными глазами, а Оттар даже убил парочку. Они должны находиться где-то поблизости.

Йенс вылез на берег и потянулся.

– Мне хочется отыскать их ничуть не меньше, чем вам. Ведь это уникальные возможности для научных исследований. Конструкция их лодок и резьба на костяном наконечнике стрелы дают основание полагать, что эти индейцы принадлежат к почти неизвестной культуре Дорсетского мыса. Мы почти ничего не знаем об этом племени, всего лишь несколько отрывочных сведений получено при археологических раскопках и почерпнуто из скандинавских саг. И насколько нам известно, последние представители этой культуры исчезли в конце одиннадцатого столетия...

– Меня не столько интересуют уникальные возможности для ваших научных исследований, сколько уникальная возможность для меня закончить съемку этого фильма. Для картины нам нужны индейцы, где они?

– Нам удалось обнаружить несколько стоянок на берегу, однако все они покинуты. Дорсетское племя является кочевым, и индейцы большую часть времени странствуют, следуя за стадами тюленей и косяками трески. Я думаю, что в это время года они перекочевали дальше на север.

Напрягая все силы, Текс вытащил нос моторной лодки на берег, затем сел на борт.

– Конечно, не мне учить дока его делу, но все же...

– Мистика! – презрительно фыркнул Лин.

Текс откашлялся и сплюнул в воду. Было очевидно, что по этому вопросу они уже раньше не сошлись во мнениях.

– В чем дело? Выкладывайте! – приказал Барни.

Тот почесал черную щетину на подбородке и заговорил с неохотой:

– Понимаете, в общем-то док прав. Мы не видели никого и ничего, кроме следов старых лагерных стоянок и куч тюленьих костей. Однако я думаю, что индейцы были где-то рядом, неподалеку, и все время следили за нами. Грохот этой косилки слышен за пять миль. Если эти краснокожие – охотники на тюленей, как утверждает док, то они могут запросто спрятаться, услышав о нашем приближении, и мы ничего не найдем. Я думаю, что они так и делают.

– А удалось вам обнаружить какие-нибудь доказательства этой теории? – спросил Барни.

Сделав несчастное лицо, Текс заерзал на месте, затем нахмурился.

– Только я не хочу, чтобы надо мной смеялись, – задиристо сказал он.

Барни сразу вспомнил о заслугах Текса в качестве инструктора по рукопашной схватке.

– Вот уж что мне никогда не придет в голову, Текс, так это смеяться над тобой, – сказал он совершенно чистосердечно.

– Ну... так вот. Когда я воевал в Азии, мы испытывали такое чувство, будто за нами все время следят. И в пятидесяти процентах случаев так и было. Бах – выстрел снайпера. Мне знакомо это чувство. Так вот, когда мы высаживались на берег, меня охватывало это чувство. Клянусь богом, они где-то совсем рядом.

Барни поразмыслил, хрустнул пальцами.

– Да, пожалуй, ты прав, но я не вижу, как это может нам помочь. Поговорим об этом за ленчем; может быть, придумаем что-нибудь дельное. Нам необходимы эти индейцы.

Съемки первой сцены шли через пень-колоду, в чем, возможно, был виноват Барни. Он не мог заставить себя сосредоточиться. А ведь все должно было бы идти гладко, потому что в основном снимались действия. Орлуг, которого играл Валь де Карло, – лучший друг Тора и его правая рука, но он тайно влюблен в Гудрид, а та боится сказать об этом Тору, не желая причинять ему горе. Однако страсть Орлуга все растет, и, так как Гудрид сказала, что она не полюбит другого человека, пока жив Тор, он, ослепленный любовью к Гудрид, в приступе сумасшествия пытается убить Тора. Он прячется за кораблем и бросается на проходящего мимо Тора. Тот сначала не верит своим глазам, однако, когда Орлуг ранит его в руку, понимает, что происходит. Тогда, действуя лишь одной рукой, безоружный, Тор вступает в схватку с Орлугом и убивает его.

– Ну хорошо, – прохрипел наконец Барни, у которого начало истощаться терпение. – Мы опять сыграем эту сцену, и на этот раз мне бы очень хотелось, чтобы все прошло хорошо, вы помнили бы свои реплики и все остальное, потому что у нас подходит к концу кровь для кинжала и почти не осталось чистых рубашек. По местам, Орлуг, ты стоишь за кораблем, Тор идет с корабля вниз по берегу. Мотор!

Оттар затопал, проваливаясь в песок, и, когда из-за корабля выпрыгнул де Карло, даже сумел изобразить на лице удивление.

– Это ты, Орлуг? – начал он деревянным голосом. – Что ты здесь делаешь, что... Великий Один! Смотрите!

– Стоп! – крикнул Барни. – Этого нет в тексте, Оттар, неужели ты не можешь запомнить несколько слов... – Внезапно он осекся, уставившись туда, куда показывал Оттар.

Из-за острова одна за другой выскальзывали маленькие черные точки и беззвучно гребли по направлению к берегу.

– Мечи, топоры! – приказал Оттар и оглянулся вокруг в поисках оружия.

– Подожди, Оттар! – остановил его Барни. – Не надо оружия и не надо бойни. Постараемся установить с ними дружеские отношения – может быть, станем торговать с ними. Не забудь, что это мои потенциальные статисты, и я не хочу их спугнуть. Текс, держи свой револьвер наготове, но не на виду. Если они начнут драку, ты прекратишь ее...

– С удовольствием.

– ...но не вздумай сам начать, понятно? Это приказ. Джино, ты снимаешь их?

– Полным ходом. Если ты распорядишься убрать со сцены представителей двадцатого века, то я сниму подход, высадку – словом, все.

– Вы слышали, что он сказал? Давайте-ка все в сторону, быстро! Лин, быстро надевай одежду викинга. Пойдешь с ними на берег и будешь переводить.

– Как же я буду переводить? Ведь я не знаю ни единого слова на их языке, да он и вообще неизвестен.

– Ничего, научишься. Ты переводчик – стало быть, переводи. Нам понадобится белый флаг или что-то еще, чтобы продемонстрировать наши мирные намерения.

– У нас есть белый щит, – сказал рабочий из бутафорского отдела.

– Сойдет, дайте его Оттару.

Приблизившись к берегу, лодки замедлили ход. Всего их было девять, и в каждой сидели по два или три человека. Вид у них был настороженный, они сжимали в руках копья и короткие луки, однако было непохоже, что они собираются напасть. Несколько норвежских женщин подошли к берегу посмотреть, что происходит, и, казалось, их присутствие ободрило людей в лодках, потому что они подплыли ближе. К группе присоединился Йенс Лин, поспешно зашнуровывая кожаную куртку.

– Поговори с ними, – сказал Барни, – однако стой все время позади Оттара, чтобы казалось, что это он ведет все переговоры.

Дорсетские индейцы подплыли еще ближе, покачиваясь на волнах. Послышались громкие крики.

– Мы тратим на это массу пленки, – заметил Джино.

– Продолжай снимать, всегда можно вырезать то, что не нужно. Передвинься по берегу, чтобы занять позицию поудобнее, когда они высадутся, если они вообще высадутся. Нам нужно как-то привлечь их на берег; может быть, предложить что-нибудь в обмен?

– Ружья и водка, – сказал де Карло. – Вот в основном предметы обмена с индейцами во всех вестернах.

– Никакого оружия в обмен! Эти парни, очевидно, неплохо справляются с тем, что у них есть. – Барни оглянулся, пытаясь подстегнуть свое воображение, и увидел угол походной кухни, выступающий из-за дома Оттара, самого большого из земляных строений. – Пожалуй, это мысль, – пробормотал он и направился к кухне.

Прислонившись плечом к ее стенке, Клайд Роулстон писал что-то на клочке бумаги.

– А я думал, что ты вместе с Чарли занимаешься дополнительными диалогами, – сказал Барни.

– Я обнаружил, что работа над сценарием мешает моим стихам, поэтому решил снова заняться стряпней.

– Истинный художник. Что у тебя есть вкусенького?

– Кофе, чай, пирожки, бутерброды с сыром – все как обычно.

– Вряд ли краснокожие клюнут на такой ассортимент. Что еще?

– Мороженое.

– Ага, вот это то, что надо. Вывали-ка его в один из горшков викингов, я сейчас пришлю за ним кого-нибудь. Я уверен, что эти ребята такие же сладкоежки, как и все люди.

Мороженое оказало желаемое действие. Слайти вынесла галлон ванильного мороженого на берег, где уже стояли в воде индейцы, все еще опасаясь выйти на сушу, и, съев несколько ложек сама, начала поварешкой класть мороженое им прямо в сложенные ковшиком ладони. Трудно сказать, гормоны ли Слайти или мороженое сыграли тут свою роль, но уже через несколько минут индейцы вытащили кожаные лодки на берег и смешались со скандинавами. Барни остановился в том месте, где он не мешал съемкам, и внимательно всматривался в индейцев.

– Они больше похожи на эскимосов, чем на индейцев, – пробормотал он про себя. – Однако несколько перьев и боевая раскраска легко исправят все это.

Хотя у пришельцев были плоские лица и азиатские черты лица, типичные для эскимосов, это были крупные и крепкие люди, почти такие же высокие, как викинги. Под сшитыми из тюленьих шкур одеждами, расстегнутыми из-за жары, виднелась бронзовая кожа. Они говорили между собой быстро, высокими голосами и теперь, после высадки, казалось, забыли

о своих недавних страхах и с огромным интересом разглядывали новые для них предметы. Самое большое впечатление на них произвел кнорр – такого они никогда не видели. Это было парусное судно, однако несравненно больших размеров.

Барни позвал Йенса Лина.

– Ну как дела? Они согласны работать для нас?

– Ты что, спятил? Мне кажется... Учти, что я в этом не уверен... мне кажется, я уже знаю два слова их языка. Унн-на означает, по-видимому, «да», а хенне – «нет».

– Продолжай в том же духе. Нам понадобятся все эти парни и много других для съемки боевых сцен нападения индейцев.

Теперь индейцы и викинги смешались. Вдоль всего берега первые демонстрировали вторым кипы тюленьих шкур, лежавших в лодках. Самые любопытные из пришельцев отправились посмотреть на дома, внимательно разглядывая все, что им попадалось, и взволнованно обмениваясь мнениями друг с другом. Один из индейцев, все еще сжимавший в руке дротик с каменным наконечником, заметил Джино, подошел к нему и заглянул в объектив камеры, дав тем самым оператору великолепный крупный план. Но тут послышался рев, а за ним – пронзительные крики.

Болотистый луг, граничивший с лесом, пересекла корова, за ней бежал бык, который, несмотря на свои небольшие размеры, был злым и опасным животным, казавшимся еще более злым из-за того, что слегка косил. Обычно он бродил по лагерю свободно, и его не раз прогоняли от трейлеров съемочной группы. Он потряс головой и снова заревел.

– Оттар, – закричал Барни, – быстро прогони эту скотину, а то он напугает индейцев!

Бык не просто напугал дорсетских индейцев, он вселил в них безотчетный ужас. Они никогда раньше не видели такого ревушего и храпящего страшилища и теперь оцепенели от страха. Оттар схватил длинную жердь, валявшуюся на берегу, и, крича, кинулся на быка. Бык посмотрел на бегущего викинга, ковырнул землю копытом и, выставив рога, перешел в атаку. Оттар сделал шаг в сторону, обозвал быка нехорошим скандинавским словом и с размаху прошелся жердью по его бокам.

Однако это не возымело ожидаемого действия. Вместо того чтобы развернуться и снова напасть на своего мучителя, бык заревел и бросился к дорсетским индейцам, явно считая их темные незнакомые фигуры причиной царящей в лагере суматохи. Индейцы закричали и обратились в бегство.

Паника оказалась заразной, и кто-то крикнул, что варвары перешли в атаку. Викинги тут же схватились за оружие. Двое до смерти перепуганных индейцев оказались отрезанными от берега и кинулись к дому Оттара, пытаясь выломать дверь, но она была заперта. Оттар бросился на защиту своего жилища, и, когда один из индейцев обернулся к нему с поднятым копьём, викинг нанес ему сокрушительный удар жердью по голове. Жердь переломилась пополам, проломив в то же время череп несчастного индейца.

За каких-то шестьдесят секунд все было кончено. Бык, причина всей паники, промчался через ручей и теперь мирно пасся на другом берегу. Лодки из шкур, подгоняемые бешеными рывками, мчались в открытое море. Здесь и там, на берегу, темнели тюки с тюленьими шкурами, забытые индейцами. Одному из норвежских слуг стрела вонзилась в руку, а двое дорсетских индейцев, включая и того, что пал жертвой Оттара, были мертвы.

– Мадонна миа! – Джино выпрямился, отошел от камеры и вытер рукавом потный лоб. – Ну и темперамент у этих молодцов! Почтище, чем у сицилийцев.

– Какая глупая потеря человеческих жизней! – сказал Йенс. Он сидел, согнувшись, на песке, держась за живот обеими руками. – Они все были напуганы как дети. Эмоции детей, а тела взрослых мужчин. Вот почему они убивают друг друга.

– Но в результате получится великолепный фильм, – бодро заметил Барни. – Кроме того, мы не имеем права вмешиваться в здешние обычаи. А что с тобой случилось? Кто-то в панике пнул тебя в живот?

– Не имеем права вмешиваться в здешние обычаи! Смешно! Вы губите жизнь этих людей ради своей кинематографической чепухи, а затем пытаетесь избежать последствий своих поступков... – Внезапно его лицо исказилось гримасой боли, и он стиснул зубы.

Барни посмотрел вниз и с ужасом увидел, что между пальцами Лина расплывается огромное красное пятно.

– Ты ранен? – медленно сказал он, не веря своим глазам, затем быстро обернулся. – Текс, пакет первой помощи! Быстрее!

– Что это ты проявляешь такую заботу обо мне? Ты только что видел слугу, которому стрела вонзилась в руку, и даже глазом не моргнул. Говорят, викинги после битвы зашивали свои раны иголкой с суровой ниткой. Почему бы тебе не дать мне ниток?

– Успокойся, Йенс, ты ранен. Мы позаботимся о тебе.

Подбежал Текс с пакетом первой помощи, опустил его на землю рядом с Йенсом и встал на колени около раненого.

– Как это произошло? – спросил он спокойным, необычно мягким тоном.

– Копье, – сказал Йенс. – Так быстро, что я даже ничего не понял. Я стоял между индейцем и лодками. Он поддался общей панике. Я поднял руки, чтобы успокоить его, поговорить с ним, но тут почувствовал боль в животе, он пробежал мимо и исчез.

– Дай-ка мне осмотреть рану. Я насмотрелся таких ран в Новой Гвинее. Штыковое ранение. – Текс говорил спокойно, со знанием дела, и, когда он потянул Йенса за руки, они вдруг ослабли и беспомощно повисли. Быстрым движением ножа Текс разрезал окровавленную одежду. – Неплохо, – сказал он, взглянув на кровоточащую рану. – Чистое проникающее ранение в живот. Ниже желудка и, кажется, не настолько глубокое, чтобы задеть что-нибудь еще. Необходима госпитализация. Там они зашьют дыру, положат внутрь соответствующий брюшной дренаж и напичкают тебя антибиотиками. Но если попытаешься вылечить такое ранение в полевых условиях, через пару дней ты загнешься от перитонита.

– Ты чертовски откровенен, – сказал Йенс, но все же улыбнулся.

– Как всегда, – ответил Текс, доставая ампулу с морфием и отламывая у нее головку. – Когда человек знает, что с ним происходит, он не жалуется на лечение. И ему легче, и всем остальным. – Тренированной рукой он вонзил острое шприца под кожу Йенса.

– А ты уверен, что медсестра не сможет вылечить меня прямо здесь? Мне бы не хотелось возвращаться...

– Жалованье целиком плюс премиальные, – подбодрил его Барни. – И отдельная комната в госпитале – тебе ни о чем не придется беспокоиться.

– Меня беспокоят не деньги, мистер Хендриксон. Вам трудно это понять, но, кроме доллара, в мире существует многое другое. Для меня важно то, что я здесь узнаю. Одна страница моих записей ценнее всех катушек вашего целлулоидного чудовища, вместе взятых.

Барни улыбнулся, сделав попытку переменить тему разговора:

– Вы ошибаетесь, доктор, теперь пленки больше не делают из целлулоида. Налажено производство безопасной пленки, она не горит.

Текс присыпал рану сульфопорошком и крепко забинтовал.

– Вы должны попросить доктора приехать сюда, – сказал Лин, беспокойно глядя на Барни. – Спросите, что он думает насчет моего отъезда. Если я уеду, фильму конец, я уже больше никогда не вернусь обратно, никогда.

Полный страстного желания все запомнить, он оглядел залив, дома и людей. Текс поймал взгляд Барни, покачал головой и махнул в сторону лагеря съемочной группы.

– Пойду приведу грузовик и скажу профессору, чтобы он готовил свою машину. Пусть кто-нибудь перевяжет руку этому викингу и даст ему пузырек с таблетками пенициллина.

– Привези с собой медсестру, – сказал Барни. – Я останусь с Йенсом.

– Мне хотелось бы рассказать тебе о том, что мне случайно удалось обнаружить, – сказал Йенс, положив ладонь на руку Барни. – Я слышал, как один из людей Оттара, говоря с ним о репитере компаса, установленном на их корабле, назвал его на свой лад, и это звучало как «хюсас-нотра». Я был потрясен. В исландских сагах неоднократно упоминается навигационный прибор, который так и не удалось опознать. Он называется «хюсас-нотра». Ты понимаешь, что это значит? Вполне возможно, что слова «репитер компаса» вошли в их язык как «хюсас-нотра». Если это так, то влияние, которое мы оказали, прибыв в одиннадцатое столетие, превосходит все, что можно было ожидать. Необходимо изучить все аспекты этого вопроса. Я не могу бросить все это сейчас.

– То, что ты говоришь, Йенс, очень интересно. – Барни посмотрел в сторону лагеря, но грузовика еще не было видно. – Ты должен написать об этом научную статью или что-нибудь в этом роде.

– Осел! Ты не имеешь ни малейшего представления, о чем я говорю. Для тебя времеатрон всего лишь хитроумное устройство, которое можно протитуйровать для съемки идиотского фильма...

– Полегче с оскорблениями, – попросил Барни, стараясь сохранить самообладание и не поссориться с раненым. – Никто не рвался на помощь Хьюитту, пока мы не дали ему денег. Если бы не эта картина, ты все еще сидел бы в своем Южно-Калифорнийском университете, уткнувшись носом в книги, и не знал бы ничего о тех фактах и обстоятельствах, которые теперь считаешь такими важными. Я не хочу охаивать твою работу, но и ты не охаивай мою. Увы, так устроен мир. Войны заставляют ученых протитуйровать, но все великие изобретения были сделаны тогда, когда война могла их оплатить.

– Войны не оплачивают фундаментальных исследований, а именно здесь и делают подлинные открытия.

– Прошу меня извинить, но войны сдерживают врага, и вражеские бомбы падают где-то далеко, так что ученые получают возможность и время для фундаментальных исследований.

– Ловкий ответ, но он меня не устраивает. Что бы ты ни говорил, у нас путешествие во времени используется для создания дешевой картины, и все исторические открытия будут сделаны только случайно.

– Не совсем так, – парировал Барни со вздохом облегчения, заслышав шум приближающегося грузовика. – Мы не вмешивались в твою исследовательскую работу, скорее помогали ей. У тебя были совершенно развязаны руки. Создавая эту картину, мы вложили деньги во времеатрон, и он стал теперь рабочим капиталом. С теми данными, которые у тебя уже имеются, ты без всякого труда убедишь любой научный фонд вложить деньги в создание нового времеатрона и тогда сможешь вести свои исследования так, как тебе хочется.

– Так я и сделаю.

– Но только не сразу. – Грузовик остановился рядом с ними. – Мы предполагаем пользоваться нашим исключительным правом на знания профессора еще года два, чтобы вернуть наши капиталовложения.

– Конечно, – с горечью сказал Йенс, следя за тем, как с грузовика снимают носилки. – Прибыль прежде всего, а культура пусть идет ко всем чертям.

– Таковы условия игры, – согласился Барни, глядя, как носилки с филологом осторожно помещают в кузов грузовика. – Мы не можем остановить мир и сойти, где хотим, поэтому нужно изучать его законы, чтобы жить в соответствии с ними.

Глава 15

– Лучше умереть героем, чем жить подобно трусу! – взревел Оттар. – Во имя Одина и Фрейи – за мной!

Он распахнул дверь, держа перед собой щит, в который тотчас же вонзились две стрелы. С яростным криком взмахнув топором, он выбежал из горящего здания.

За ним последовали Слайти с мечом в руке, Валь де Карло, изо всех сил дувший в рог, и остальные воины.

– Стоп! Отпечатайте эти кадры, – скомандовал Барни и опустился в раскладное парусиновое кресло. – О'кей, на сегодня хватит. Быстро в кухню на ленч, чтобы можно было упаковать кастрюли и сковородки.

Рабочие из бутафорского отдела поливали из огнетушителей канаву с горящей нефтью, и оттуда несло жуткой вонью. Все прожекторы, кроме одного, погасли. Джино, открыв стенку камеры, вынимал из нее отснятый фильм. Все шло нормально. Барни подождал, когда кончится толкотня у дверей, затем тоже вышел наружу. На перевернутой бочке сидел Оттар, засовывая стрелы обратно в щит.

– Смотри, летят стрелы! – крикнул он, обращаясь к Барни, и поднял щит. Мгновенное действие скрытых пружин, удар – и на щите выросли стрелы со скоростью, неуловимой для человеческого глаза.

– Великолепное изобретение, – согласился Барни. – Мы закончили съемки, Оттар, и собираемся перепрыгнуть через год в следующую весну. Как ты думаешь, будут у вас к тому времени готовы стены вокруг поселения?

– Ясно, будут. Ты выполняй свои обязательства, Оттар выполнит свои. Те стальные пилы и топоры, которые вы нам оставили, помогут нам быстро напилить бревна для стен. Но не забудь оставить нам пищи на зиму.

– Конечно, мы выгрузим припасы еще до отъезда. Все понятно? Есть еще вопросы?

– Понятно, понятно, – пробормотал Оттар, снова сосредоточив все свое внимание на засовывании стрел обратно в щит.

Барни подозрительно посмотрел на него.

– Я уверен, что ты ничего не забудешь, однако на всякий случай давай быстренько повторим все еще разок. Мы оставим вам крупу, сушеные и консервированные продукты – все, что мне удастся раздобыть на складе компании. Таким образом, вам не придется тратить лето и осень на заготовку продовольствия, и вы сможете сосредоточить все свои усилия на строительстве домов и бревенчатой стены вокруг поселения. Если все обстоит так, как говорит док, то дорсетские индейцы не будут беспокоить вас до весны, когда паковый лед подходит к самому берегу, тюлени собираются стаями и выводят на нем потомство. Вот тогда-то охотники и приходят из северных краев, где они сейчас находятся. И даже если они будут беспокоить вас, за бревенчатой стеной вы в безопасности.

– Убьем их, порубим всех на куски.

– Пожалуйста, попытайся обойтись без этого, ладно? Уже снято девяносто процентов картины, и мне бы не хотелось, чтобы всех вас поубивали до того, как мы закончим съемку. В феврале и марте мы проверим, как у вас идут дела, а потом прибудем сюда всей группой, как только узнаем, что краснокожие находятся неподалеку. Предложи им товары в обмен на то, что они согласятся напасть на поселение, сжечь часть его, – вот и все. Договорились?

– И виски «Джек Дэниелс».

– Конечно, ведь это указано в вашем контракте.

Их слова были заглушены характерным стоном, исходившим из медной трубы. Звуки были то высокие, то низкие.

– Ты что, подрядился? – спросил Барни у Валь де Карло, который, пролезши в кольцо огромной медной трубы, дул в нее.

– Это великолепный инструмент, – сказал Валь, – слушай. – Он облизнул губы, приложился к трубе, надулся, покраснел и исполнил что-то отдаленно напоминающее «Музыку вокруг нас».

– Не изменяй драматическому искусству, – сухо заметил Барни, – по части музыки тебе ничего не светит. Знаешь, мне кажется, я видел где-то раньше изображение этой трубы, то есть я не имею в виду музей.

– Такое изображение оттиснуто на каждой пачке датского масла. Это торговая марка.

– Может быть, не помню. Но звучит она, как простуженная басовая труба.

– Спайдермен Спиннеке был бы без ума от нее.

– Вполне возможно. – Барни прищурился, взглянул на де Карло и щелкнул пальцами. – Слушай, это мысль. Этот самый Спайдермен, ведь он играет на самых странных инструментах в этом своем подвале, в «Замшелом гроте». Я слышал его однажды в сопровождении духовых инструментов и барабана.

Валь кивнул.

– Я тоже бывал у него. В джазе только он один играет на басовой трубе. Шум, который он издает, не поддается описанию.

– Тогда это совсем неплохо, и вполне возможно, что это именно то, что нам нужно. Да, это неплохая мысль.

Оттар продолжал играть с бутафорскими стрелами, а Барни, прислонясь к стене, слушал трубу, когда рядом остановился джип.

– Все готово, можно отправляться, – сообщил Даллас. – Хозяйственники со склада ожидают нас, и с ними вызвались поехать двое рабочих, которые хотят убедиться, что Голливуд все еще стоит на месте.

– Хватит двоих, чтобы погрузить продукты? – спросил Барни. – К этому времени все остальные разойдутся по домам.

– Более чем достаточно.

– Тогда поехали.

Один из больших грузовиков уже стоял на платформе, а вокруг слонялось с десятков людей. Дверь в контрольную рубку профессора Хьюитта была открыта, и Барни заглянул к нему.

– Значит, суббота, к вечеру, и постарайтесь подогнать как можно точнее.

– До микросекунды. Мы прибудем в Голливуд несколько минут спустя после того, как платформа отправилась оттуда в свое предыдущее путешествие.

С большим трудом Барни осознал, что, несмотря на все происшедшее в течение последних месяцев, в Голливуде все еще был вечер субботы, вечер того самого дня, когда была начата операция. Субботние толпы затопили тротуары, площадь у супермаркета была забита автомобилями покупателей, а вдали от города, недалеко от вершины Бенедикт-Кэньон-Драйв, за частным полем для игры в гольф, на верхнем этаже своего особняка Л. М. Гринспэн по-прежнему страдал от сердечных спазмов. На мгновение Барни заколебался, не позвонить ли ему и не сообщить ли Л. М. о ходе работы, затем решил, что не стоит. Пусть хозяин студии лежит себе в постели. Может быть, позвонить в больницу и узнать, как дела у Йенса Лина, ведь прошло уже несколько недель, – нет, лишь несколько минут. Скорее всего, его даже еще не успели доставить в больницу. Да, нелегко было привыкнуть к путешествиям во времени.

– Фу, какая жара! – сказал один из поваров. – Жаль, что я не догадался захватить темные очки.

Огромные двери съемочного павильона были открыты, и, когда платформа мягко коснулась пола, пассажиры зажмурились от внезапно хлынувшего потока субтропического света.

Северное небо над Ньюфаундлендом было всегда бледно-голубым, и солнце там никогда не жгло, как здесь. Барни отодвинул рабочих в сторону, освобождая дорогу для огромного дизельного грузовика, который с ревом съехал на бетонный пол павильона. С праздничным настроением они вскарабкались в кузов, и грузовик тронулся в путь по пустым улочкам студии.

У ворот склада праздничное настроение испарилось.

– Извините, сэр, – заявил охранник, небрежно помахивая дубинкой на кожаном ремне, – я вас не знаю, но, даже если б знал, все равно не пустил бы вас в этот склад.

– Но этот документ...

– Я видел документ, но у меня есть приказ – никого не пускать.

– А ну-ка дайте мне топор! – крикнул один из рабочих. – Я живо открою эту дверь.

– Убей! Убей! Убей! – завопил другой.

Они провели слишком много времени в одиннадцатом столетии и приобрели свойственное викингам стремление решать большинство проблем простыми методами.

– Не подходите ко мне! – приказал охранник, делая шаг назад и кладя руку на кобуру револьвера.

– Ну хватит шуток, – распорядился Барни. – Посидите спокойно, пока я улажу этот вопрос. Где телефон? – спросил он у охранника.

Барни позвонил в контору, надеясь, что там кто-то еще есть, попросил прежде всего административный корпус и попал в точку. Сэм, личный бухгалтер Л. М., все еще был в конторе, он, конечно, подчищал бухгалтерские книги.

– Сэм, – сказал Барни, – рад снова говорить с тобой. Как у тебя дела?.. Что? Извини, я забыл. Для тебя прошло всего два часа, а для меня несколько месяцев. Нет, что ты, в рот не брал, я же снимал фильм. Совершенно верно, почти готов... Сэм, нет... Сэм, не нервничай... Это совсем не однодневный фильм, так же как сценарий не был одночасовым. Мы работали в поте лица. Послушай, потом я тебе все объясню, но сейчас ты должен мне помочь. Я хочу, чтобы ты поговорил с одним из охранников студии, исключительно толстокожим парнем, – наверно, он у нас недавно. Вели ему отпереть дверь продовольственного склада, нам нужно забрать всю крупу и все консервы. Нет, мы еще не проголодались, это товары для обмена с туземцами. Плата за съемки массовых сцен... Сэм, что ты говоришь!.. Сэм, у нас нет времени на размышления... Послушай, если мы можем заплатить им овсяной крупой вместо «зелененьких», какая тебе разница?

Было совсем не легко говорить с Сэмом. Он не любил тратить деньги даже на овсянку – впрочем, он всегда был трудным человеком, но наконец Барни его убедил. Сэм сорвал злость на охраннике, который вышел из телефонной будки, побагровевший от злости.

К половине шестого грузовик был нагружен, а без четверти шесть уже стоял на платформе машины времени. Барни проверил, все ли вернулись с грузовиком, и просунул голову в кабину профессора.

– Отправляйтесь, проф, только подождите, пока я сойду с платформы.

– Значит, вы не вернетесь с нами?

– Совершенно верно. У меня здесь дела. Вы разгрузите платформу, затем возвращайтесь за мной примерно через пару часов – скажем, около десяти. Если меня к этому времени не будет здесь, я позвоню вам по телефону, что у склада, и введу в курс дела.

Хьюитт почувствовал себя уязвленным.

– По-видимому, вы считаете, что я таксист при машине времени, а я отнюдь не уверен, что это дело мне по душе. Мне казалось, что я доставлю вас в одиннадцатое столетие, где вы снимете фильм, после чего мы возвратимся обратно. Вместо этого я только и делаю, что катаю туда-сюда – из одиннадцатого в двадцатое столетие...

– Успокойтесь, профессор, мы уже вышли на финишную прямую. Вы думаете, я согласился бы потерять два часа, если бы это не было совершенно необходимо? Мы сделаем еще

один прыжок во времени, окончим картину, и работа завершена. Все будет готово, останется разве что аплодировать.

Стоя рядом с воротами павильона, Барни увидел, как платформа исчезла в прошлом. Обратно к дикарям первобытной Канады, к потрескавшимся губам и холодным дождям. Пусть себе едут. Сам же Барни собирался отключиться часа на два. Конечно, за это время ему придется провернуть кое-какие дела, но значит ли это, что он не имеет права немного развлечься? Сейчас еще не время отдыхать по-настоящему, так как фильм еще не в коробке на столе у Л. М., но конец был уже виден, и Барни чувствовал усталость от непрерывной многомесячной работы. Первое, что он собирался предпринять, – это заказать себе первоклассный обед в ресторане Чейзена. Уж что-что, а это он может себе позволить. В любом случае не было смысла ехать в «Замшелый грот» раньше чем к девяти вечера.

В его возвращении в Калифорнию двадцатого века было что-то нереальное, фантастическое. Казалось, события развиваются слишком быстро, вокруг слишком много кричащих красок, и от выхлопных газов разболелась голова. Обед, начатый с виски и обильно сдобренный шампанским с бренди, под конец помог избавиться от головной боли, и, когда Барни в начале десятого вылезал перед клубом из такси, к нему вернулось хорошее настроение. Он даже ухитрился не обидеться при виде зеленого входа с намалеванными на нем красными черепами и скрещенными костями.

– Остерегайтесь! – простонал загробный голос, когда Барни распахнул входную дверь. – Остерегайтесь, ибо всякий, кто входит в «Замшелый грот», делает это на свой страх и риск. Остерегайтесь...

Магнитофонная запись оборвалась, когда Барни закрыл дверь и на ощупь двинулся вперед по тускло освещенной, застланной черным бархатом лестнице. Занавес из светящихся пластмассовых костей был последней преградой перед входом в святая святых самого клуба. Барни бывал здесь и раньше, так что странность обстановки не произвела на него никакого впечатления. Она не впечатлила его и в первый раз. Тогда она была лишь немного лучше – или хуже – дома призраков на карнавале. Мигали зеленые огни, в углах висела резиновая паутина, а стулья были выполнены в виде гигантских мухоморов. Он был единственным посетителем.

– «Кровавую Мэри», – сказал он официанту, одетому вампиром. – А что, Спайдермен уже пришел?

– По-моему, он в раздевалке, – пробормотал вампир сквозь пластмассовые клыки.

– Скажи ему, что его хочет видеть Барни Хендриксон из «Клаймэктика».

Спайдермен Спиннеке прибыл раньше заказанного коктейля – тощая сутулая фигура в черном, темные очки.

– Давненько мы с тобой не виделись, – сказал он, скользнув влажными пальцами по ладони Барни. – Как кинобизнес? – Он опустился на стул.

– Да так, перебиваемся с хлеба на воду. Скажи мне, Спайдер, это верно, что ты озвучил пару фильмов?

– Да, я написал музыку для одного пустячка под названием «Сумасшедший твист молодых битников». Надеюсь, что публика быстро забудет о нем. А почему ты спрашиваешь? Неужели ты заинтересовался бедным старым Спайдерменом?

– Может быть, и так, Спиннеке, может быть, и так. Скажи, ты не сумеешь написать музыку для картины и записать ее в исполнении своей группы?

– Для нас все возможно, старик. Но для этого нужно время, а у нас уже есть обязательства.

– Пусть время тебя не беспокоит, я все устрою так, что ты не пропустишь ни единого выступления. Я подумал, что ты найдешь подходящее звуковое сопровождение к картине, которой я сейчас занимаюсь. Захватывающий рассказ о викингх. Слышал о них когда-нибудь?

– Конечно. Волосатые парни с топорами, которыми они рубили встречных на куски.

– В общих чертах да. Примитивный народ, сильные люди. У них есть нечто вроде медной трубы, и это навело меня на мысль. Только духовые инструменты с барабанами соответствуют примитивной свирепости дикарей.

– Неплохо.

– Так как же, сумеешь справиться?

– Ну конечно.

– Превосходно. Вот тебе сотняга в качестве аванса. – Барни извлек из бумажника пять двадцатидолларовых бумажек и бросил их на стол. Костлявые пальцы Спайдермена неслышно скользнули по черной скатерти и проглотили их. – Теперь бери своих ребят и пошли в студию. Там я обо всем расскажу. Через час прикатите обратно.

Что им предстояло сделать в течение этого часа, Барни не сказал.

– Не выйдет. Дуди и я хотим сейчас немного поразмяться, а к одиннадцати придут остальные ребята. Потом мы выступаем до трех ночи. До этого я не могу уйти.

«Кровавая Мэри» легко прошла по пищеводу. Барни посмотрел на часы и быстро убедил себя, что нет смысла уезжать и потом снова возвращаться. Три часа утра, воскресенье – все еще остается масса времени, потому что фильм должен быть представлен только к утру понедельника. Все будет в порядке. Спайдермен скрылся где-то в укромном уголке, и в десять вечера Барни позвонил профессору Хьюитту. Назначив новое время для randevu – три часа утра, Барни вернулся к своему столу и постарался отключиться, насколько это было возможно при звуках басовой трубы, духовых инструментов и барабанов с усилителями. Неоценимую помощь оказали ему дополнительные порции «Кровавой Мэри».

В два часа ночи Барни встал и вышел подышать свежим воздухом, потому что атмосфера в клубе казалась осязаемой от сигаретного дыма и вибрировала от дрожащих ритмов. Ему даже удалось нанять два такси, водители которых обещали прибыть к клубу сразу после трех. Все шло хорошо, очень хорошо.

Было около четырех, когда такси подъехали к входу в павильон. Профессор Хьюитт прохаживался взад и вперед перед дверью, то и дело посматривая на часы.

– Вы необыкновенно пунктуальны, – ядовито заметил он.

– Не так уж плохо, профессор, старина, – сказал Барни, похлопав его по спине, затем повернулся, чтобы помочь вытащить из такси барабан-бас. После этого, построившись цепочкой, все вошли в павильон под звуки «Полковника Боги», извлекаемые Дуди из тромбона.

– А это что за плот? – Потускневшие от усталости глаза Спайдермена уставились на платформу.

– Средство транспорта. Влезай. Наша поездка займет всего несколько минут, даю обещание.

При этих словах Барни поднял руку, чтобы замаскировать хитрую улыбку.

– На сегодня достаточно, – сказал Спайдермен, оттаскивая тромбон от вибрирующих губ Дуди. Не заметив этого, Дуди продолжал играть еще не меньше пяти секунд, пока не заметил, что больше не издает ни единого звука. – Дошел до ручки, – объяснил Спайдермен.

Хьюитт фыркнул, когда музыканты в погребальных одеждах вскарабкались на платформу, затем вошел в контрольную кабину, чтобы включить времееатрон.

– Это что, зал ожидания? – поинтересовался Дуди, влезая вслед за профессором в тесную кабину.

– Немедленно убирайся отсюда, болван! – рявкнул профессор.

Дуди что-то пробормотал и попытался исполнить просьбу. Повернувшись, он задел своим тромбоном несколько электронных ламп. Две из них вспыхнули и замигали.

– Ух ты! – сказал Дуди и выронил тромбон. Его медный бок упал на обнаженные провода, ведущие к лампам, и мгновенно замкнул их. Посыпались искры. Свет в контрольной кабине погас.

Барни отрезвел меньше чем за секунду. Он вытащил ошеломленного музыканта из контрольной кабины и загнал его вместе с остальными в дальний конец платформы.

– Как дела, профессор? – тихо спросил он, вернувшись к контрольной кабине, но не услышал ответа. Поглядев на то, как Хьюитт снял заднюю стенку аппарата и начал вышвыривать одну за другой перегоревшие лампы через открытую дверь, он решил не переспрашивать.

Услышав наконец неохотное «да!» в ответ на вопрос, не понадобится ли по крайней мере два часа на починку времееатрона, Барни отправил музыкантов по домам.

К девяти утра в воскресенье профессор Хьюитт признался, что ремонт займет, очевидно, большую часть дня, не считая времени, которое будет потрачено на поиски новых электронных ламп в воскресенье в Лос-Анджелесе. Барни с фальшью в голосе ответил, что это не страшно, что у них еще много времени. В конце концов, картина должна быть представлена только к следующему утру.

Поздно вечером в воскресенье Барни впервые за все это время заснул, однако уже через несколько минут, вздрогнув, проснулся и больше не мог сомкнуть глаз.

В пять утра в понедельник профессор заявил, что монтаж полностью закончен и он собирается отдохнуть часок. После этого он отправится на поиски недостающих электронных ламп.

В девять утра Барни позвонил в контору студии и узнал, что прибыли ревизоры из банка и ожидают его. Он икнул и поспешно повесил трубку.

В девять тридцать позвонил телефон, и, когда Барни снял трубку, телефонистка сообщила ему, что вся студия перевернута вверх дном – разыскивают его – и что Л. М. лично спрашивал ее, не знает ли она, где находится мистер Хендриксон. Не отвечая, Барни повесил трубку.

В десять тридцать Барни понял, что положение безнадежно, Хьюитт все еще не вернулся и даже не позвонил. И даже если бы он и прибыл сейчас, все равно было уже слишком поздно. Картину невозможно было закончить к назначенному сроку.

Все пропало. Он попытался спасти положение и потерпел неудачу. Идя к кабинету Л. М., он думал о том, что это похоже на последние шаги приговоренного к смерти, – именно так и было на самом деле.

Он остановился перед дверью кабинета, не решаясь войти, в голове мелькнула мысль о самоубийстве как возможном выходе из положения. Затем он решил, что у него на это не хватит храбрости, и толкнул дверь.

Глава 16

– Не входи туда, – сказал голос у него за спиной, и протянувшаяся сзади рука оттащила его от двери, которая автоматически захлопнулась перед его носом.

– Да как вы осмелились! – вскипел Барни, поворачиваясь к своему обидчику.

– Все средства хороши, чтобы помешать тебе сделать ошибку, душень, – сказал незнакомец и широко улыбнулся, глядя, как Барни отшатнулся от него с отвисшей челюстью и широко раскрытыми глазами.

– Великолепно, какая игра! – сказал человек. – Может, тебе, вместо того чтобы ставить фильмы, стоило играть в них?

– Ты... Я... – едва выговорил Барни, глядя на самого себя в своих лучших брюках из рогожки, кожаной куртке летчика и с коробкой фильма под мышкой.

– Ты очень наблюдателен, – заметил второй Барни, ядовито улыбаясь. – Поддержи-ка секунду. – Он сунул коробку с фильмом в руки Барни и извлек из заднего кармана бумажник.

– Что?.. – спросил Барни. – Что?.. – Его взгляд остановился на наклейке, где было написано «Викинг Колумб. Часть I».

Второй Барни достал из своего бумажника сложенный лист бумаги и вручил его Барни, который только тут заметил, что правая рука его забинтована и местами сквозь бинт проступили пятна крови.

– Что случилось с моей рукой... твоей рукой? – спросил Барни, в ужасе глядя на повязку.

В следующее мгновение коробка с фильмом исчезла из его рук и вместо нее пальцы стиснули лист бумаги.

– Передай это профу, – сказал его двойник, – и перестань заниматься глупостями. Лучше побыстрее кончай картину.

Он распахнул дверь кабинета Л. М., пропуская мальчика-посыльного, катившего перед собой тележку, нагруженную дюжиной коробок с фильмом. Посыльный остановился, посмотрел сначала на одного, потом на другого, пожал плечами и исчез в приемной. Второй Барни последовал за ним, и дверь захлопнулась.

– Рука, что случилось с рукой? – слабым голосом спросил Барни, обращаясь к закрытой двери.

Он протянул руку, чтобы открыть дверь, но вздрогнул и передумал. Его внимание привлек лист бумаги, который он все еще сжимал в левой руке. Барни развернул его. Это была половинка страницы обыкновенной писчей бумаги, с одной стороны чистая, на другой стороне тоже ничего не было написано, один только чертеж, поспешно набросанный шариковой ручкой.

Чертеж ничего не значил для Барни. Он сложил его, сунул в бумажник – и тут внезапно вспомнил о коробках с пленкой на тележке.

– Так я закончил фильм! – крикнул он. – Фильм готов, и я только что доставил его в кабинет Л. М. в назначенное время!

Две секретарши, пробежавшие мимо, посмотрели на него и прыснули; он проводил их свирепым взглядом и пошел прочь.

Так что же сказал ему второй Барни? «Перестань заниматься глупостями и закончи фильм». Сумеет ли он кончить его? Судя по всему, сумеет, если эти коробки не были пустыми. Но как он может закончить его теперь, после роковой минуты, и все-таки доставить его в назначенный срок?

– Ничего не понимаю, – бормотал он про себя, шагая к павильону.

Даже при виде профессора, погруженного в работу над времеатроном, вихрь его мыслей не улегся. Он поднялся на платформу и остановился, пытаясь осознать, что же случилось или что должно случиться, однако усталость и шок – следствие разговора с самим собой – временно отразились на его мыслительных способностях.

– Ремонт окончен, – сказал профессор Хьюитт, вытирая руки о тряпку. – Теперь мы можем опять вернуться в тысяча пятый год.

– Поехали, – сказал Барни, протягивая руку к своему бумажнику.

Несмотря на то что для Ньюфаундленда день был солнечным, он казался мрачным после калифорнийского солнца, и воздух был значительно прохладнее.

– Когда мы покинули студию, профессор? – спросил Барни.

– В двенадцать ноль три, в понедельник. И пожалуйста, без жалоб. Мне удалось отремонтировать времеатрон за удивительно короткое время, если принять во внимание тот ущерб, который был причинен этим микроцефалом, идиотом от музыки.

– Никаких жалоб, профессор. Мне начинает казаться, что у нас еще есть шанс закончить съемки картины вовремя. Я только что встретил в студии самого себя и сам видел, как я доставил коробки, на которых было написано «Викинг Колумб».

– Это совершенно невозможно!

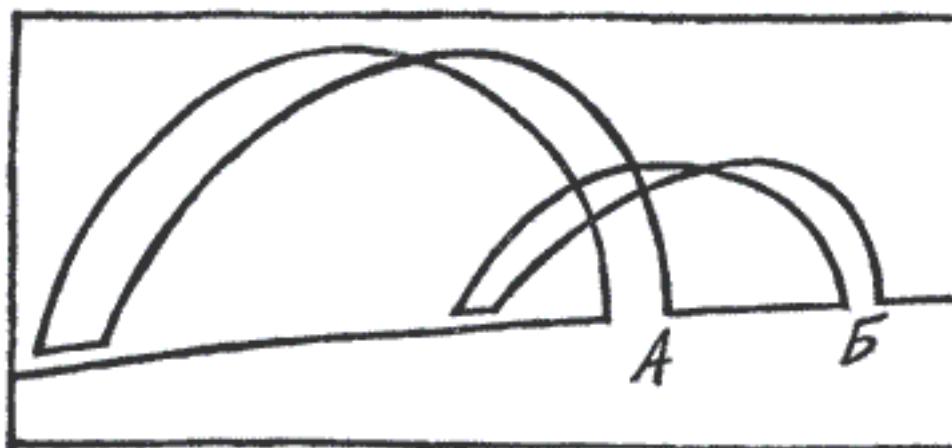
– Легко сказать, однако, может быть, вас ожидает такой же шок, какой испытал я сам. Я сказал мне, или он сказал мне, или черт знает кто сказал, чтобы я передал вам вот это. Вам это о чем-нибудь говорит?

Профессор взглянул на лист бумаги и широко улыбнулся.

– Ну конечно! – сказал он. – Как я мог забыть об этом! Это же совершенно очевидно, все как на ладони. Как это я ухитрился не заметить! Насколько все это просто!

– Может быть, теперь вы снизойдете до объяснений? – нетерпеливо спросил его Барни.

– На этом чертеже представлены два путешествия во времени, причем интереснее всего малая дуга справа, потому что именно она объясняет, откуда взялся второй Барни Хендриксон с коробками отснятого фильма. Да, можно все еще закончить и доставить готовый фильм до назначенного срока.

– Как? – спросил Барни, напряженно глядя на диаграмму, ровным счетом ничего не понимая.

– Теперь вы закончите съемки, и время, которое вам потребуется после назначенного срока, не имеет никакого значения. Когда картина будет завершена, вы будете находиться в точке Б этого чертежа. Точка А – этот тот момент во времени, когда нужно представить готовый фильм. Вы просто возвращаетесь к моменту перед А, доставляете фильм и затем попадаете обратно в Б. До чего же потрясающе просто!

Барни стиснул пальцами лист бумаги.

– Поправьте меня, если я что-нибудь неправильно понял. Вы хотите сказать, что я могу закончить фильм после назначенного срока и затем вернуться во время перед этим сроком и доставить фильм?

– Совершенно верно.

– Мне это кажется безумием.

– Только глупцам разумное кажется безумным.

– Я предам забвению ваше замечание, если вы ответите мне на один вопрос. Этот лист бумаги с чертежом, – Барни потряс им перед носом профессора, – кто начертил его?

– Откуда я могу знать, ведь я только что его увидел.

– Тогда подумайте вот над чем. Мне передали этот листок утром в понедельник перед входом в кабинет Л. М. Теперь я показываю его вам. Потом я собираюсь спрятать его в бумажник и носить с собой до тех пор, пока съемки фильма не будут завершены. Затем я перемеща-

юсь назад во времени для того, чтобы доставить картину Л. М. У дверей его кабинета я встречаю прежнего себя, достаю из бумажника чертеж и передаю его себе, чтобы он был положен в бумажник, и так далее. Вы видите в этом какой-нибудь смысл?

– Конечно. Мне кажется, нет никаких оснований для беспокойства.

– Ах никаких оснований? Но ведь если все это так, значит никто не делал чертежа! Он просто путешествует в моем бумажнике, и я передаю его самому себе. Ну-ка, объясните это! – закончил он, торжествуя.

– В этом нет никакой необходимости, объяснение кроется в самом чертеже. Этот лист бумаги представляет собой самостоятельно существующее временное кольцо. Никто не делал этого чертежа. Он существует потому, что существует, и это вполне достаточное объяснение. Если вы хотите понять, что к чему, позвольте проиллюстрировать на примере. Вам известно, что у любой бумаги есть две стороны. Однако если вы возьмете полосу бумаги, повернете один ее конец на сто восемьдесят градусов и соедините концы, то перед вами окажется кольцо Мебиуса – полоска только с одной стороной. Она существует. Сколько бы мы ни твердили, что это невозможно, ничего не изменится. Факт налицо. То же самое можно сказать о вашем чертеже – он существует.

– Но... откуда он взялся?

– Если вам так уж нужно это знать, то можно сказать, что он взялся из того самого места, куда делась пропавшая сторона кольца Мебиуса.

В мозгу Барни мысли завязались в тугой узел и концы их свободно болтались. Он смотрел на чертеж до тех пор, пока у него не начали слезиться глаза. Кто-то ДОЛЖЕН БЫЛ сделать его. И каждый кусок бумаги ДОЛЖЕН БЫЛ иметь две стороны... Дрожащими пальцами он уложил чертеж в бумажник, спрятал его в карман и подумал, что, может быть, ему удастся забыть обо всем, что произошло.

– Мы готовы к прыжку во времени, как только будет дана команда, – сказал Даллас.

– К какому прыжку во времени? – спросил Барни и, моргая, уставился на стоявшего перед ним трюкача.

– Прыжку в следующую весну тысяча шестого года, о котором мы говорили полчаса назад. Продукты переданы Оттару, группа все упаковала и погрузила и готова сняться с места, как только последует команда. – Даллас указал на длинную цепочку грузовиков и трейлеров.

– Ах да, в следующую весну, ты прав. Скажи, Даллас, ты знаешь, что такое парадокс?

– Испанский цирюльник бреет всех мужчин в городе, которые не бреются сами. А кто же тогда бреет самого цирюльника?

– Примерно в этом духе, только еще похлеще.

Внезапно Барни вспомнил о забинтованной руке. Подняв к лицу свою правую верхнюю конечность, он внимательно осмотрел ее с обеих сторон.

– Что случилось с моей рукой?

– Мне кажется, она в полном порядке, – сказал Даллас. – Может, хлебнешь глоточек?

– Это не поможет. Я только что встретил самого себя с окровавленной повязкой на руке, и этот «я» не хотел даже сказать, как это произошло и серьезно ли это. Ты понимаешь, что это значит?

– Конечно. Очевидно, тебе нужно приложиться разочка два.

– Независимо от того, что думаешь ты или твой кореш из каменного века, алкоголь не разрешает всех вопросов. Значит, я – уникальное явление в природе, ибо я – садомазохист. Все остальные, жалкие кретины, ограничиваются тем, что являются садистами по отношению к другим. А вот я получаю удовольствие оттого, что являюсь садистом по отношению к себе самому. Ни один нервнобольной не может похвастаться подобным заявлением. – Барни вздрогнул. – Пожалуй, мне стоит промочить горло каким-нибудь горячительным.

– Бутылка у меня с собой.

Горячительное оказалось рыночным сортом дешевого виски, на вкус напоминало муравьиную кислоту, и его струя настолько обожгла пищевод Барни, что заставила его забыть о временных парадоксах и собственных садомазохистских наклонностях.

– А ну-ка, Даллас, отправляйся и посмотри, ладно? – сказал он. – Прыгни в март тысяча шестого года и узнай, появились ли уже индейцы. Если Оттар скажет, что еще не появились, то прыгай на неделю вперед, и так до тех пор, пока не увидишь их, а тогда сообщи мне.

Барни отошел в сторону, платформа на неуловимое мгновение исчезла, затем снова опустилась на траву в нескольких футах поодаль. С нее спрыгнул Даллас и подошел к Барни, проведя ладонью по черной щетине.

– Проф считает, что мы отсутствовали десять часов, – сказал Даллас. – Это значит, сверхурочные после...

– Ну ладно, ладно! Что вы узнали?

– Они возвели стену из бревен, и получилось точь-в-точь как форт в картине про индейцев. В начале марта все было спокойно, но во время нашей последней остановки, двадцать первого, они заметили пару индейских лодок.

– Неплохо. Ну что же, давайте тронемся. Скажи профу, пусть принимается за переброску всей съемочной группы в двадцать второе марта. Все готовы? Все налицо?

– Бетти проверила списки и говорит, что все о'кей. Мы с Тексом устроили поголовную проверку: все здесь, сидят в трейлерах, кроме шоферов, конечно.

– Какая там погода?

– Солнечная, но прохладно.

– Сообщи об этом людям, пусть оденутся потеплее. Я не хочу, чтобы вся группа схватила насморк.

Барни пошел к своему трейлеру за пальто и перчатками. Когда он вернулся к головной машине, началась переброска. Он поднялся на платформу и оказался в 1006 году. Стояла великолепная северная весна. Слабый солнечный свет не мог справиться с холодом, и в низинах, и у бревенчатой стены лежал снег. Поселение викингов теперь ничем не отличалось от форта в одном из вестернов. Барни подал сигнал водителю пикапа, который только что приехал на машине времени.

– Подбрось-ка меня к ним, – попросил он.

– Следующая остановка форт Апашей, – сострил шофер.

Несколько викингов уже шли к холму, куда прибывали машины съемочной группы. Пикап проехал мимо них и остановился около узкого входа, где из стены было вытаснено бревно и образовалась щель, в которую мог протиснуться человек. Когда пикап затормозил, из щели вылез Оттар.

– Придется сделать ворота в этом месте, – сказал ему Барни. – Большие двойные ворота с деревянным брусом внутри вместо засова.

– Никуда не годится, слишком широко, слишком легко пробраться внутрь. Вот как надо пролезать.

– Эх, не видел ты хороших фильмов!..

Но Барни вдруг осекся при виде Слайти, которая протиснулась в щель вслед за Оттаром. Она была не подкрашена, одета в платье не первой свежести, на плечи ее была накинута шкура карибу. В руках Слайти держала ребенка.

– Что ты здесь делаешь? – раздраженно спросил Барни, чувствуя, что количество сюрпризов, выпавших на его долю за один день, более чем достаточно.

– Я тут давно, – ответила Слайти и сунула палец в рот младенцу, а тот стал причмокивать.

– Послушай, ведь мы только что прибыли, откуда же взялся ребенок?

– И впрямь чудно! – начала она, хихикнув в подтверждение своих слов. – После того как мы прошлым летом приготовились к отъезду, я почувствовала себя в трейлере такой одинокой, что решила отправиться на прогулку. Знаешь ли, подышать свежим вечерним воздухом.

– Нет, не знаю, и, кажется, не желаю знать. Ты хочешь сказать, что, вместо того чтобы вернуться со всей группой, ты провела весь год здесь?

– Именно это и произошло, я так удивилась. Я пошла на прогулку, встретила там Оттара, одно за другим, сам знаешь.

– На этот раз знаю.

– И не успела я понять, что случилось, как все уже исчезли. Я перепугалась. Сказать по совести, я плакала, наверно, несколько недель и забеременела, потому что у меня не было с собой противозачаточных пилюль.

– Значит, это твой? – спросил Барни, указывая на младенца.

– Да, правда, симпатичный? Мы даже еще не придумали ему имени, но я его назову Снорри Храпун, как зовут того гнома в «Белоснежке», потому что он вечно храпит.

– Никакого гнома по имени Снорри не было, – сказал Барни, мгновенно оценив ситуацию. – Послушай, Слайти, теперь уже назад не поедешь, ничего не переменишь, я имею в виду ребенка и все остальное, и, в конце концов, ты сама виновата, что не осталась в трейлере.

– Что ты, я никого не виню, – сказала она. – Когда я попривыкла, все это оказалось не так уж плохо, да и Оттар все время говорил мне, что вы вернетесь следующей весной, и оказался прав. Единственно, чего мне хочется, так это поесть как следует. Здесь едят так, что боже упаси! Мне кажется, большую часть зимы я питалась исключительно виски и бисквитами.

– Сегодня вечером у нас будет большая вечеринка в честь тебя, Оттара и ребенка. Бифштексы и вино, полный комплект.

Снорри поднял рев.

– Сейчас же посажу Чарли Чанга за работу, – сказал Барни. – Мы включим ребенка в сценарий. Этот фильм будет полон сюрпризов.

Собственное замечание напомнило ему о раненой руке, он посмотрел на нее, еще раз подивился, где это могло случиться и при каких обстоятельствах, затем засунул ее глубоко в карман для большей безопасности.

Глава 17

Копье с каменным наконечником пробило насквозь борт моторной лодки и вонзилось в деревянный настил на дне.

– Я так и оставил его здесь, чтобы не затыкать дыру, – объяснил Текс. – Еще несколько дровиков упало рядом с нами, но мы уже отплывали от берега.

– Они, наверно, были уж очень поражены или что-нибудь вроде этого, – сказал Барни. – Может быть, их напугал звук мотора.

– Мы подходили на веслах.

– Все равно должна быть какая-то причина. Дорсетские индейцы – очень миролюбивое племя, вы сами могли в этом убедиться в прошлый раз.

– Может быть, им не понравилось, что их родственников порубили на куски, когда они прибыли с миролюбивыми намерениями? – высказал предположение Даллас. – На этот раз мы не стремились к драке, а они с самого начала встретили нас копьями. Если бы мотор не завелся с первого раза, нам пришлось бы организовывать похороны на море, или попасть в котел к туземцам, или что-нибудь в том же духе. Мы с Тексом на обратном пути обсудили этот вопрос и решили, что должны получить за битву фронтовую прибавку...

– Отметьте это в своих табелях, и я постараюсь сделать, что смогу, но сейчас не приставайте ко мне с такими глупостями. – Барни попытался выдернуть копьё из лодки, но оно

засело крепко. – У меня есть дела поважнее. Картину почти закончили, кроме совершенно необходимого и исключительно важного эпизода – битвы с индейцами. Мы должны снять эту битву, и, согласитесь, будет несколько затруднительно снимать битву с индейцами без индейцев. В нескольких милях от берега, на льду, находятся две тысячи индейцев, я посылаю вас с товарами, подарками и бисером, чтобы вы могли нанять эти две тысячи, а что от вас получаю? Одни оправдания!

Доводы Барни не произвели сколько-нибудь заметного впечатления на трюкачей, и Даллас кивнул на копье. Вдруг воздух огласился медным воплем.

– Почему им надо завывать обязательно здесь? – рявкнул Барни.

– Насколько я помню, это ваше собственное распоряжение, – сказал ему Текс. – Насчет того, что берег – единственное место, где они не будут мешать людям своим дудением.

Одетая в черное процессия гуськом под грохот барабанов спустилась на берег. Впереди шел Спайдермен. Музыканты держали в руках инструменты и складные стулья и были закутаны в экзотические шарфы, олени меха и шкуры карибу.

– Вытаскивайте лодку на берег – и пошли отсюда, – распорядился Барни.

– Я – за, – проворчал Даллас. – Их репетиции кого хочешь прикончат.

Спайдермен, заметив Барни, затрусил к нему по песчаному берегу, прижимая к груди свою трубу. Его красный нос резко выделялся на болезненно бледном лице.

– Барни, нам необходим зал для репетиций! – взмолился он. – Этот свежий воздух угробит нас как пить дать. Кое-кто из моих парней не вылезал из помещения по несколько лет.

– Ничего, пусть прочистят легкие.

– Им больше нравятся прокуренные.

– Ладно, попробую...

– Враг на горизонте! – крикнул Текс. – Взгляните-ка – отряд особого назначения!

Это было удивительное зрелище. Из-за островов в устье залива одна за другой входили лодки дорсетских индейцев, все больше и больше, пока вода не почернела от них. По мере того как лодки приближались, видно было, как над каждой лодкой что-то мелькает в воздухе, и слышалось нарастающее гудение.

– Не похоже на дружеский визит, – заметил Текс.

– Может быть, у них мирные намерения, – сказал Барни без малейшего энтузиазма.

– Хочешь пари? – презрительно предложил Даллас.

– Ну хорошо, тогда мы занимаем... как это называется?... оборонительную позицию. Что вы предлагаете?

Текс ткнул пальцем в Далласа.

– Он старший, поэтому пусть отдает приказания.

– Хорошо! – рявкнул Даллас. – Убрать всех гражданских с берега, сообщить Оттару, чтобы он запер свой форт, а все киношники пусть отправляются в лагерь. Там мы выстраиваем автомашины кольцом, трейлеры – внутри и раздаем оружие всем мужчинам, которые были на военной службе. Затем сидим и ждем. Текс, загоняй гражданских в лагерь.

– Вроде неплохо, – согласился Барни. – Но вы, кажется, забыли, что мы приехали сюда для съемки фильма? Пусть Джино со своей камерой расположится на вершине вон того холма, с которого видно все происходящее. И мне понадобится другой оператор с ручной камерой внутри форта, который мог бы снять нападающих индейцев, когда они приблизятся вплотную. – Он перебрал в уме всех возможных кандидатов на должность второго оператора и пришел к неизбежному, хотя и неприятному выводу, что он был единственным, кто мог с этим справиться. – Наверно, мне придется остаться там с Оттаром и его молодчиками.

– Если тебе так уж хочется, – сказал Даллас, задумчиво глядя, как музыканты повернулись и быстрым шагом двинулись обратно. – Джино со своей камерой расположится в кузове грузовика. Грузовик поставим на вершине холма, и в кабине будет наготове шофер. Поскольку

грузовик окажется между берегом и лагерем, его будет прикрывать Текс с дробовиком, я поручаю ему командование. Если он скажет – отступить, грузовик отъедет в тыл. А я пойду с тобой в форт Оттара.

– Ну что ж, неплохо придумано. Пошли.

По мере того как все больше и больше лодок появлялось из-за островов, движение передних замедлялось, словно индейцы накапливали силы для атаки. Но так или иначе это дало возможность людям на берегу подготовиться к обороне. Когда в лагере претворили в жизнь указания Далласа, он и Барни вскочили в джип и затряслись по кочкам, держа курс на поселение викингов. Даллас вооружился револьвером, за плечом у него был пистолет-пулемет, на ремнях крест-накрест он повесил гранаты, а на заднем сиденье джипа уложил какие-то зловещего вида металлические ящики. Как только джип въехал в форт, за ним закрылись огромные двустворчатые ворота, и длинный деревянный засов опустился на место. Стоя на подмостках для стрельбы, Барни увидел, как на вершину холма задним ходом въехал грузовик.

– Отчего такой шум? – спросил Оттар.

– Не имею ни малейшего представления, – пожал плечами Барни. – Смотри, они наступают!

По заливу будто волна прокатилась – это лодки из кожи сомкнутым строем двинулись вперед.

Барни установил свою тридцатипятимиллиметровую камеру на верху бревенчатой стены и начал снимать наступающие широким фронтом лодки. В это мгновение облака разошлись и солнечные блики заиграли на лопастях бесчисленных весел и на летящих брызгах. Это была мрачная, впечатляющая картина. Черные лодки и одежды гребцов создавали впечатление армады тьмы. По мере того как лодки приближались, какой-то необычный, внушающий страх шум становился все сильнее и сильнее, и Барни прилип к камере и продолжал снимать, радуясь, что он так сильно занят. Он был уверен, что, если бы не работа, он обратился бы в паническое бегство.

– Я когда-то уже слышал такой шум, – сказал Даллас. – Что-то вроде свиста, только не такой громкий.

– Не припомнишь ли где? – спросил Барни, поворачивая объектив на турели, чтобы снять крупным планом одну из лодок первого ряда. Она была уже совсем близко.

– Ну да, в Австралии. У них там есть туземцы, так называемые аборигены, и один из туземных шаманов вращал над головой жезл, привязанный за веревку, и от этого получался такой шум.

– А, конечно. Многие примитивные племена используют подобный бич. Считается, что он обладает волшебными свойствами. Теперь я начинаю понимать, почему при этом получается такой звук. Очевидно, в каждой лодке есть специальный индеец, который вращает бич над головой.

– Мое волшебство одержит верх над их волшебством, – сказал Оттар, взмахивая топором.

– Не напрашивайся на неприятности, – предупредил Барни. – Мы должны, если это только возможно, избежать кровопролития.

– Что?! – воскликнул потрясенный Оттар. Дух викинга заиграл в нем. – Они хотят воевать – пожалуйста. У нас нет трусов.

Он свирепо уставился в лицо Барни, ожидая ответа.

– Они высаживаются, – сказал Даллас, вставая между двумя мужчинами.

Теперь все сомнения относительно враждебных целей визита исчезли. Как только лодка касалась берега, гребцы вытаскивали ее на песок и брали из нее копья, луки и мягкие колчаны, наполненные короткими стрелами с каменными наконечниками. Барни сконцентрировал все

внимание на крупноплановых съемках. Джино, стоявший на холме, должен был заснять всю панораму и все вооружение в деталях.

– Оттар, – сказал Даллас, – прикажи своим людям укрыться и не высовывать головы.

Оттар что-то проворчал, но отдал соответствующее распоряжение. Викингам было нелегко примириться с необходимостью обороны, но даже викинги не были самоубийцами. Количество атакующих превышало количество обороняющих форт по крайней мере в двадцать раз, и драчливым норвежцам приходилось принимать в расчет такое превосходство.

Над головой просвистели первые стрелы, и дротик воткнулся в стену прямо над камерой Барни. Он быстро присел и просунул объектив в щель между бревнами. Это значительно сузило его поле зрения, однако было несравненно полезнее для здоровья.

– Оружие трусов, – пробормотал Оттар. – Трусливые собаки! Разве так сражаются?!

Со злости он грохнул топором о щит. Викинги презирали лук и стрелы и верили только в рукопашную схватку, которая наводила ужас на противников.

Когда все лодки достигли берега и были разгружены, боевые действия зашли в тупик. Дорсетские индейцы окружили бревенчатую стену, пытаясь проникнуть внутрь. Некоторые из них пробовали карабкаться на стены, однако смертоносные топоры викингов, молниеносно отсекавшие головы и руки, охладили их пыл. Нападающие размахивали оружием и кричали тонкими пронзительными голосами, которые заглушал свист рассекающих воздух бичей. За спинами воинов, в тылу, стояла маленькая группа индейцев. Даллас указал на нее.

– Кажется, это вожди или кто-то вроде этого. Одеты по-другому, в меховые куртки с лисьими хвостами.

– Они больше смахивают на шаманов, – отозвался Барни. – Интересно, что они замышляют?

Индейцы развили бурную деятельность, похоже было, что они выполняли указания людей в меховых одеждах. По их требованию воины бежали к ближайшему лесу и возвращались, нагруженные сучьями.

– Неужели они хотят проломить стену? – спросил Барни.

– Наверно, еще хуже, – задумчиво ответил Даллас. – Скажи, эти дорсетские парни знакомы с огнем?

– Должно быть; Йенс говорил мне, что в развалинах их домов были найдены очаги и зола.

– Именно этого я и боялся, – мрачно заметил Даллас и указал на основание стены, где уже возвышалась гора сухих веток и сучьев.

Все копья, мечи и топоры викингов оказались совершенно бесполезными; гора продолжала расти. Еще через минуту из группы вождей в тылу вырвался человек и побежал через кричащую толпу воинов с горящим факелом в руке. Копья, бросаемые викингами, градом сыпались вокруг него, но, приблизившись к горе из сучьев, он размахнулся и швырнул факел. Описав в воздухе огненную дугу, пылающий факел упал на вершину сушняка, тот затрещал и вспыхнул.

– Я могу положить конец этому прямо сейчас, – сказал Даллас, наклоняясь, чтобы открыть стальные ящики, стоявшие перед ним.

– Нет, – сказал Оттар, опустив руку ему на плечо. – Они хотят драться – пожалуйста. Мы сами справимся с костром.

– Может быть, но при этом вас всех прикончат.

– Ну что ж, мы тоже кое-кого прикончим, – сказал Оттар, со зловещей улыбкой спрыгнув с подмостков. – Кроме того, Барни нужны хорошие кадры битвы с индейцами.

Барни заколебался, однако он не мог не обратить внимания на спокойный, невозмутимый взгляд Далласа.

– Конечно, мне нужна картина, – выпалил он. – Но не ценой жизни людей. Пусть Даллас прекратит все это.

– Нет, – твердо сказал Оттар. – У тебя будет хорошая битва для твоего фильма. – Он громко рассмеялся. – Не будь таким грустным, мой старый друг, мы сразимся и за себя тоже. Скоро вы уедете, и, когда мы останемся здесь одни, нам хочется, чтобы эти варвары уже знали, что такое викинги в бою.

В следующее мгновение он исчез.

– Он прав, – заметил Даллас. – Но если дела у них пойдут плохо, мы должны быть готовы прийти на помощь. – Он открыл самый большой ящик и достал оттуда громкоговоритель и моток изоляционного провода. – Я хочу установить эту штуку вдоль стены, как можно дальше отсюда, насколько хватит провода.

– Что это?

– Громкоговоритель для кердлерной установки. Посмотрим, как будут чувствовать себя индейцы, когда услышат этот рев.

Оттар собрал всех своих воинов перед воротами, доверив охрану стен женщинам и подросткам. Две женщины стояли у ворот, готовые распахнуть их по сигналу Оттара, и Барни, потрясенный, увидел, что одной из этих женщин была Слайти. А он-то думал, что Слайти находится в безопасности, в лагере! Он крикнул, чтобы она вернулась, в то самое мгновение, когда Оттар поднял над головой топор, и его слова потонули в реве сотни глоток викингов. Ворота широко распахнулись, и из них вырвался отряд норвежских воинов. Женщины поспешно заперли ворота на засов.

Это была схватка, которую викинги больше всего любили и которой больше всего наслаждались. Ревущей компактной массой они рванулись вперед и врезались в ряды дорсетских индейцев. Огромное численное превосходство индейцев сейчас не имело значения, потому что они не могли сражаться с этими северными мясниками, защищенными щитами и металлическими шлемами. Действительно, схватка походила на бойню – короткие мечи и боевые топоры викингов разили индейцев направо и налево.

Дорсетские воины повернулись и обратились в бегство: им больше ничего не оставалось. Они бежали под неумолимым натиском залитых кровью убийц. Однако, когда противники разделились на две группы, между ними образовалось свободное пространство, и характер битвы изменился. Дротики полетели в толпу викингов, и стрелы градом посыпались на их щиты. Вот упал один северянин – копье пронзило ему ногу, за ним другой. Индейцы начали понимать, что происходит, и держались на расстоянии, осыпая викингов дождем дротиков и стрел. Викинги не могли приблизиться к противнику, а они умели драться только лицом к лицу. Было ясно, что через несколько мгновений положение северных воинов станет безнадежным. Они будут окружены и перебиты один за другим.

– Если ты можешь что-то сделать, – сказал Барни, – то сейчас самое время, Даллас.

– Ясно. У меня только одна пара затычек для ушей, так что я бы на твоём месте заткнул уши пальцами.

Барни открыл рот, чтобы ответить, но в это мгновение Даллас повернул выключатель, и его голос и все остальные звуки были моментально поглощены совершенно невообразимым, убийственным ревом, который внезапно вырвался из громкоговорителей. Барни инстинктивно заткнул уши и прижал ладони к голове. Даллас, удовлетворенно кивнув, извлек из второго ящика дымовые гранаты и гранаты со слезоточивым газом и начал с профессиональной меткостью бросать их в индейцев.

По-прежнему крепко прижимая ладони к ушам, с лицом, искаженным болезненной гримасой, Барни поднял голову и посмотрел вниз. За несколько секунд положение на поле боя

резко изменилось. Кердлер и гранаты были так же незнакомы викингам, как и индейцам, однако викинги при этом тотчас же собрались в еще более тесную группу и ошетились мечами и копьями для круговой обороны. Реакция дорсетских индейцев была совершенно иной. Ими овладела паника. Ужасающий рев разрывал им барабанные перепонки. Столбы удушяющего дыма вырастали вокруг них, они ничего не видели и не могли дышать. Забыв обо всем, они обратились в паническое бегство. Всего минуту назад они были атакующей армией. Теперь же берег был усыпан сотнями бегущих фигур и темными точками трупов, лежащих здесь и там. Все было кончено. Отталкивая друг друга, индейцы прыгали в лодки. Только несколько оставшихся индейцев метались в облаках слезоточивых газов на берегу.

Воины Оттара стояли плечом к плечу, готовые сразиться с любым врагом, будь то люди или сверхъестественные силы. Даже те, кого ослепили бомбы со слезоточивым газом, были готовы к бою, как и их товарищи. Храбрые викинги представляли поистине внушительное зрелище.

Когда Даллас выключил кердлер, тишина, казалось, запульсировала. Уши Барни оглохли, все еще наполненные невероятным, убийственным ревом. Он медленно уронил руки и выпрямился. Дорсетские индейцы побеждены и обращены в бегство, в этом не было сомнения. Викинги опустили щиты и с победными криками размахивали оружием. Голос Далласа, стоявшего рядом, доносился откуда-то издалека, как будто сквозь несколько слоев ваты. Даллас пальцем указывал на грузовик, все еще стоявший на вершине холма.

– Они даже не подумали напасть на грузовик или на лагерь, так что Джино, наверно, крутил свою машину не переставая. – Затем взгляд Далласа упал на ликующих северян, которые оттаскивали горящий сушняк от стены. – Ну вот тебе и битва с индейцами, вот тебе и твой фильм.

Барни отвернулся от убитых и раненых и начал спускаться с холма.

Глава 18

– Вот закат, которого мы ждали, Барни, – сказал Чарли Чанг. – Только взгляни на эти краски!

– Тогда снимаем, – сказал Барни, глядя на своих людей, собравшихся на склоне холма. – Ты готов, Джино?

– Еще минутки две-три, – попросил оператор, глядя в видоискатель съемочной камеры, – как только облака немного отнесет в сторону и я смогу снимать прямо на солнце.

– О'кей, – сказал Барни и повернулся к Оттару и Слайти, одетым в лучшие костюмы викингов. На щеке Оттара был резиновый шрам, и виски покрашены в седой цвет. – Итак, это последняя сцена фильма, самая последняя сцена. Я все время ждал, чтобы появились необходимые краски. Все остальное уже готово и уложено в коробки. Эта сцена будет показана в таком порядке: первый эпизод, второй, третий, но мы будем снимать ее иначе: первый, третий и второй. В самом конце ваши силуэты должны быть видны на багровом фоне заката. В первом эпизоде вы поднимаетесь по склону холма, медленно, рука об руку, и останавливаетесь на вершине в том месте, где прочерчена линия. Вы стоите на вершине холма и смотрите в море до тех пор, пока я не крикну: «Дальше!» Тогда Слайти кладет руку на плечо Оттара. Это конец первого эпизода. Затем Оттар обнимает Слайти и держит руку на ее талии, пока мы не отступим назад и не снимем ваши фигуры вдалеке на фоне заката. Понятно?

Оба кивнули.

– Готово! – крикнул Джино.

– Одну секундочку. Когда я крикну «стоп», вы остаетесь на холме, мы подкатываем камеру и снимаем следующий эпизод, который весь состоит из разговора. Тоже понятно?

Все прошло без сучка и задоринки. К тому времени Оттар стал почти профессионалом, – по крайней мере, он выполнял указания Барни без пререканий. Они рука об руку поднялись на вершину холма и остановились, глядя на закат. По склону холма были проложены доски, чтобы камера двигалась медленно и плавно, и рабочие, подгоняемые криками Барни, осторожно откатали камеру от вершины холма так, чтобы фигуры влюбленных постепенно исчезали на багровом фоне.

– Стоп! – крикнул Барни, когда тележка с камерой уперлась в конец дорожки. – Главным героям оставаться на месте. Снимаем дальше, пока еще не стемнело.

Все забегали туда-сюда, но без суеты, каждый знал свое дело. Камеру перекатали обратно к вершине холма, где звукооператоры уже устанавливали магнитофон и микрофоны. Слайти, нахмурившись, зубрила свои реплики, а девушка из сценарного отдела читала Оттару его слова. Солнце уже почти касалось поверхности моря, и небо окрасилось ярким пламенем.

– Готово, – сказал Джино.

– Камера! – скомандовал Барни. – И чтобы никто не произнес ни звука, ни единого звука.

– Вон там, – сказал Оттар, протягивая руку вперед, – там, за океаном, наш дом. Ты не скучаешь по нему, Гудрид?

– Долго я скучала по нему, но больше не думаю об этом. Мы боролись и умирали за эту землю, и теперь она наша. Винланд... этот новый мир, он стал нашим домом.

– Стоп. Отлично, начинайте печатать. По-моему, на этом мы кончили.

Все восторженно закричали, Слайти поцеловала Барни, а Оттар стиснул его руку своей лапой. Это был волнующий момент, потому что картина была почти закончена, оставалось только проявить, отпечатать и смонтировать заключительные сцены – и фильм будет готов. Вечеринка, намеченная на тот же день, обещала стать настоящим большим праздником.

Так оно и случилось. Даже погода пошла им навстречу и позволила, не включая электронагревателей, поднять одну из брезентовых стен столовой. На столе были индейка и шампанское, четыре сорта десерта и неограниченное количество алкогольных напитков. Все члены съемочной группы, большая часть викингов и несколько норвежских женщин приняли участие в празднике. Да, это была веселая вечеринка.

– Я не хочу уезжать, – рыдала Слайти, роняя слезы в шампанское.

Барни успокаивающе похлопал ее по свободной руке, а Оттар с чувством стиснул ей бедро.

– По сути дела, ты никуда не уезжаешь и не оставляешь своего ребенка, – в сотый раз объяснял Барни. Он сам удивлялся собственному терпению, но в этот вечер все было необычно. – Ты знаешь, что Кирстен сойдет с ума, если ты будешь отсутствовать даже короткое время, но в этом нет необходимости. Кроме того, согласишься, что появление ребенка в Калифорнии, когда на прошлой неделе ты даже не была беременна, будет трудно объяснить. Особенно во время рекламной кампании, которая будет организована для фильма. Таким образом, все, что от тебя требуется, – это подождать до выхода фильма на экраны. К тому времени ты решишь, что делать со своим ребенком. Не забудь, что в Калифорнии ты даже не замужем, а у них для таких ситуаций особо строгие законы. Как только ты решишь вернуться, профессор обещал доставить тебя обратно. После твоего отъезда пройдет не больше минуты. Что может быть проще?

– Пройдет много месяцев, – рыдала Слайти, и Барни начал было объяснять ей все в сто первый раз, когда Чарли Чанг тронул его за руку и передал еще один коктейль.

– Я только что беседовал с профом о природе времени, – сказал Чарли.

– Не желаю говорить о природе времени, – сказал ему Барни. – После всего, что случилось за последние две недели, я бы с радостью согласился совсем забыть о времени.

Для всех них это было нелегко. Немногим более четырех дней прошло в Калифорнии – по часам на контрольной панели времеатрона сейчас там был вечер четверга, – и это были действительно трудные дни.

Все это время они мотались туда-сюда из одиннадцатого века в двадцатый, монтируя фильм и производя его озвучивание в лабораториях студии. Спайдермен со своими ребятами записывал музыкальное сопровождение в одном из павильонов. То и дело приходилось перепрыгивать назад в прошлое на один-два дня, чтобы использовать студийное оборудование чуть не все двадцать четыре часа в сутки, и не раз случалось, что одни и те же люди пересекали собственные временные траектории. Барни, сколько ни старался, никак не мог забыть трех профессоров Хьюиттов, оживленно беседующих друг с другом. Он отхлебнул из стакана.

– Нет, ты послушай, – настаивал Чарли Чанг. – Я знаю, что все мы немного чокнутые, оттого что нам то и дело приходится пожимать руки самим себе, но я не это имею в виду. Я хочу спросить, почему мы снимаем фильм в этом месте Лабрадора?

– Потому что именно сюда нас доставил профессор.

– Совершенно верно. А почему профессор доставил нас именно сюда?

– Потому что это одно из тех мест, которые они с Йенсом осматривали в поисках поселений, – медленно ответил Барни. Сегодня вечером его терпение было поистине безгранично.

– Тоже верно. А теперь скажи, ты когда-нибудь задумывался над тем, почему Йенсу пришлось в голову искать следы поселений именно здесь? Ну-ка, ответьте ему, профессор!

Хьюитт поставил на стол свой стакан и промокнул губы салфеткой.

– Мы решили осмотреть это место из-за раскопок, которые в начале шестидесятых годов проводил в этом месте Хельге Ингстад. Он обнаружил остатки девяти строений, и радиоактивный анализ древесного угля показал, что поселение существовало в самом начале одиннадцатого века, примерно в тысячном году.

– Теперь ты понимаешь, что это значит? – спросил Чарли.

– Объясни мне, – рассеянно ответил Барни, мурлыча про себя песенку «Викинги всегда идут вперед» – музыкальную шапку фильма, которую Спайдермен наигрывал где-то за их спинами.

– Сейчас тысяча шестой год, – сказал Чарли. – И в поселении Оттара построено девять зданий, причем два из них – всего лишь бревенчатые коробки, мы их сожгли для съемки фильма. Итак, здесь, в Эпавесском заливе, находится поселение норвежцев одиннадцатого столетия, потому что следы этого поселения были обнаружены в двадцатом веке. Таким образом, можно сказать, что во времени существует кольцо без начала и без конца. Мы прибыли сюда, чтобы оставить следы, находка которых заставит нас прибыть сюда, чтобы оставить следы, находка которых...

– Достаточно, – сказал Барни, поднимая руку. – Я уже слышал об этих кольцах времени. Через минуту ты будешь говорить мне, что все старые норвежские саги о викингах – сушая правда именно благодаря нашему фильму или что Оттар не кто иной, как Торфинн Карлсефни, викинг, который основал первое норвежское поселение в Винланде.

– Конечно, – раздался голос Оттара. – Это я и есть.

– Что ты хочешь этим сказать? – быстро мигая, спросил Барни.

– Я и есть Торфинн Карлсефни, сын Торда Лошадиная Голова, сына Торхильда Рупа, дочери Торда...

– Тебя зовут Оттар.

– Конечно, Оттар – имя, так меня зовут люди, короткое имя. Но мое настоящее имя – Торфинн Карлсефни, сын Торда...

– Я припоминаю некоторые саги о Карлсефни, – сказал Чарли. – Когда я работал над сценарием, мне пришлось перечитать целую гору материалов. В одной из саг сказано, что он прибыл в Винланд, по дороге остановившись в Исландии, и женился на девушке по имени... Гудрид.

– Но ведь так зовут Слайти в нашей картине! – с трудом выговорил Барни.

– Подождите, это еще не все, – продолжал Чарли глухим голосом. – Я вспоминаю, что у Гудрид в Винланде родился ребенок, которого называли Снорри.

– Снорри, – прошептал Барни и почувствовал, как у него волосы встают дыбом. – Один из семи гномов Белоснежки...

– Я не понимаю, почему все вы так обеспокоены случившимся, – заметил профессор Хьюитт. – Вот уже несколько недель нам известно о существовании временных колец. То, что мы сейчас обсуждаем, – это уже детали, речь идет всего лишь об одном таком кольце.

– Но что же это означает, профессор, что все это означает? – воскликнул Барни. – Если это именно так, значит единственная причина, по которой викинги решили поселиться в Винланде, заключается в том, что мы решили снять фильм, показывающий, как викинги поселились в Винланде.

– Ну что ж, эта причина не хуже любой другой, – спокойно заметил профессор.

– Пожалуй; только к этому нужно привыкнуть, – пробормотал Барни.

Потом все говорили, что вечеринка надолго запомнится, и она продолжалась всю ночь до самого рассвета, так что на следующий день удалось сделать очень немногое. Однако напряжение заметно упало, и уже не было необходимости в том, чтобы работали все до одного. Люди разбились на маленькие группы и двинулись кто куда. Некоторые решили отдохнуть на Санта-Каталине, хотя большая часть людей хотела поскорее отправиться домой. Они исчезли, радостно размахивая над головой табелями рабочего времени, и в бухгалтерии «Клаймэктик студิโอ» свет горел всю ночь.

Когда фильм был полностью окончен и была сделана копия, которую Барни аккуратно уложил в металлические коробки, в лагере оставалась всего лишь горстка людей – в основном шоферы, которые должны были транспортировать машины в двадцатое столетие.

– Боюсь, что нам не скоро удастся подышать опять таким свежим воздухом, – сказал Даллас, глядя с холма на поселение викингов на берегу залива.

– Пожалуй, я буду скучать о чем-то гораздо большем, – ответил Барни. – Только теперь начинаю понимать, что все это время я ни о чем, кроме картины, не думал, а сейчас, когда она готова, у меня такое чувство, что произошло что-то намного более значительное, чем нам представлялось раньше. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

– Понимаю. Но не забудь, что наши парни увидели Париж только потому, что правительство послало их воевать с немцами. Что происходит, то происходит, вот и все.

– Наверно, ты прав, – заметил Барни. – Только не говори об этом вслух. Уж слишком это похоже на профессорские временные кольца.

– Что случилось с твоей рукой? – внезапно спросил Даллас.

– Похоже на занозу, – ответил Барни.

– Я попрошу медсестру ее выдернуть, пока она еще не закрыла свою лавочку.

– Ладно, только пусть поторопится, через десять минут трогаемся.

Медсестра с шумом распахнула дверь трейлера и подозрительно оглянулась.

– Извините, но все уже заперто.

– Вы меня тоже извините, – твердо сказал Барни, – но придется отпереть. Необходима срочная медицинская помощь.

Взглянув на руку, сестра презрительно фыркнула, однако открыла медицинский шкафчик.

– Никак не могу подцепить занозу пинцетом, – сказала она наконец со скрытым злорадством в голосе, – поэтому придется немного разрезать скальпелем.

Операция заняла всего минуту, и Барни, который думал о более важных вещах, даже не почувствовал боли, пока сестра не помазала крошечную ранку йодом.

– Ой! – сказал он.

– Ну-ну, мистер Хендриксон, такая безделица не может причинить боль – во всяком случае, не такому большому мужчине, как вы. – Она открыла дверцу второго шкафчика. – К сожалению, все пакеты первой помощи кончились, поэтому мне придется временно перевязать руку простым бинтом.

Она быстро обмотала ладонь двумя слоями бинта, и Барни вдруг рассмеялся, вспомнив что-то.

– Заноза! – сказал он и, посмотрев вниз, впервые заметил, что на нем были его лучшие брюки из рогожки и кожаная куртка. – Готов поспорить, что у вас в шкафчике есть меркурохром, я просто убежден в этом.

– Какие странные вещи вы говорите! Конечно есть.

– Тогда намотайте побольше этого бинта, чтобы повязка выглядела огромной. Я покажу ему, что садистский...

– Что? Кому ему?

– Мне, вот кому. Вот как я обращался с самим собой, и теперь я собираюсь отплатить себе. Подумать только, что я осмелился так обращаться с собой!

Сестра замолчала и проворно обмотала руку Барни бинтом, сделав нечто вроде культи, как он и просил. Даже когда Барни схватил пузырек с меркурохромом и щедро полил повязку красной жидкостью, которая закапала чисто вымытый пол, она не произнесла ни единого слова. Когда Барни спустился по лестнке, что-то радостно бормоча себе под нос, за его спиной щелкнул замок.

– Ты ранен? – спросил Оттар.

– Не совсем, – сказал Барни и протянул левую руку, которую Оттар тотчас же стиснул. – Ну, не волнуйся и берегись индейцев.

– Я не боюсь их! Мы заготовили много твердой древесины, наживем целое состояние в Исландии. Ты пришлешь Гудрид обратно?

– По местному времени и двух минут не пройдет, но что будет потом, пусть она сама решает. Ну, пока, Оттар.

– До свидания, Барни. Приезжай снимать новый фильм и плати «Джеком Дэниелсом».

– Может быть, я так и сделаю.

Это был последний прыжок во времени. Платформа стояла на площадке с вытоптанной травой и многочисленными следами автомобильных шин. Коробки с фильмом лежали в пикапе – единственной машине, которая оставалась на платформе. Даллас сидел за рулем, рядом с ним сгорбилась Слайти с заплаканными глазами и в мятом платье.

– Поехали! – крикнул Барни профессору Хьюитту и в последний раз вдохнул полной грудью свежий морской воздух.

Профессор перебросил всю группу вместе с грузовиками и трейлерами в пятницу, и только Барни с коробками фильма прибыл в понедельник на этой же неделе.

– Дайте мне побольше времени, профессор, – попросил Барни. – Мне нужно быть в кабинете Л. М. в десять тридцать.

Сразу же после прибытия он позвонил и подождал в павильоне посыльного с тележкой. Когда они погрузили фильм на тележку, было уже двадцать минут одиннадцатого.

– Кати теперь к кабинету Л. М., – распорядился Барни. – Я пойду вперед с коробкой номер один.

Он быстро зашагал по коридору и, обогнув угол, увидел знакомую фигуру, уныло, как побитая собака, поднимавшуюся по ступенькам. Барни злорадно усмехнулся, проследовав за самим собой через вестибюль до дверей кабинета Л. М., но тот Барни ни разу не повернул головы. Барни подождал, когда тот толкнет дверь, затем протянул руку через его плечо и отдернул его руку.

– Не входи туда, – сказал он.

– Да как вы осмелились! – крикнул ранний Барни, повернулся, взглянул ему в лицо и отшатнулся, выпучив глаза и дрожа всем телом, словно плохонький актер в третьесортном фильме ужасов.

– Великолепно, какая игра! – воскликнул Барни. – Может, тебе, вместо того чтобы ставить фильмы, стоило играть в них?

– Ты... Я... – по-идиотски забормотал тот в ответ.

– Ты очень наблюдателен, – сказал Барни. И тут он вспомнил про чертеж. Как было бы хорошо избавиться от него! – Подержи-ка одну секунду, – сказал он, сунув коробку с фильмом в руки своего двойника.

Он не мог достать бумажник из кармана забинтованной рукой, поэтому ему пришлось пустить в ход левую руку. Второй Барни держал коробку и только бормотал что-то себе под нос, пока Барни не сунул ему в руку чертеж и не забрал коробку с фильмом.

– Что случилось с моей рукой... твоей рукой? – в ужасе спросил второй Барни.

«Пожалуй, ему надо сказать», – подумал Барни, но тут он увидел посыльного с тележкой и распахнул дверь.

– Передай это профу, – сказал Барни, пропуская посыльного, и не смог удержаться от того, чтобы не уколоть в последний раз: – И перестань заниматься глупостями. Лучше побыстрее кончай картину.

Он прошел вслед за посыльным, не оглядываясь, и дверь за его спиной захлопнулась. Барни не сомневался, что дверь не откроется, и наслаждался тем, что впервые в жизни был в чем-то абсолютно уверен. Эта уверенность помогла ему пройти мимо мисс Заккер, которая пыталась сказать ему что-то о представителях банка. Барни только отмахнулся от нее и открыл дверь в святилище, пропуская посыльного с нагруженной тележкой. Сидевший за своим письменным столом бледный Л. М. взглянул на него, и шесть седовласых людей с непроницаемыми лицами тоже взглянули в сторону двери, чтобы увидеть того, кто осмелился прервать их разговор.

– Прошу извинить меня за опоздание, джентльмены, – сказал Барни спокойным, уверенным голосом. – Но я убежден, что мистер Гринспэн вам уже все объяснил. Мы были за рубежом и только что прибыли обратно с копией фильма, о котором говорил вам мистер Гринспэн. Здесь миллионы, господа, эта картина открывает новую эру в кинематографическом искусстве и обещает невиданные прибыли для «Клаймэктик студий».

Посыльный остановился, коробки с фильмом звякнули, и Сэм, сидевший где-то в самом темном углу кабинета, испустил едва слышный вздох.

Глава 19

– Надеюсь, вы извините меня, если я не буду вставать, – сказал Йенс Лин. – Доктор очень строго относится к послеобеденному отдыху.

– Конечно, конечно, – заверил его Барни. – Рана все еще болит?

Йенс лежал в шезлонге в саду своего дома и выглядел намного худее и бледнее, чем во время их последней встречи.

– Не очень, – ответил Йенс. – Она уже заживает. Я могу двигаться, я даже вчера был на премьере. И вынужден признать, что фильм во многих отношениях мне нравится.

– Тебе следовало быть репортером. Один из критиков обвинил нас в попытке снять натуралистический фильм, в попытке, которая потерпела полную неудачу. Он заявил, что статисты в фильме, совершенно очевидно, взяты из Голливуда и что ему удалось узнать некоторые места калифорнийского побережья, где якобы производились съемки фильма.

– Ну что ж, я понимаю его. Хотя я сам присутствовал при съемках фильма, но, сидя в зрительном зале, я испытывал какое-то чувство нереальности. Наверно, мы так привыкли

к чудесам в кино и к тому, что действие фильма происходит в самом необычном месте, что нам все фильмы кажутся нереальными. Но слушай, если критики относятся к фильму отрицательно, значит он потерпел неудачу?

– Ни в коем случае! Критики всегда выступают против фильмов, которые делают большие кассовые сборы. Мы уже получили в десять раз больше, чем затратили, а деньги все еще текут рекой. Эксперимент оказался на редкость успешным, и сегодня у нас на заседании обсуждаются съемки следующей картины. Мне просто захотелось навестить тебя и... ты знаешь... я надеюсь, что ты не...

– Нет, я не сержусь на тебя, Барни. Все это уже прошло. Это я должен извиниться перед тобой за то, что вспылал. Сейчас я вижу все совершенно в другом свете.

Барни расплылся в улыбке.

– Это для меня самая лучшая новость. Должен признаться, Йенс, я чувствовал себя виноватым. Я даже принес с собой дары мира, хотя, собственно говоря, эту штуку раздобыл Даллас, он попросил меня передать ее тебе.

– Боже мой! – сказал Йенс, заглядывая в небольшой пакет и извлекая оттуда зазубренный продолговатый кусок дерева.

– Эту штуку дорсетские индейцы укрепляют на концах бичей. Когда они напали на лагерь Оттара, они крутили их над головами.

– Ну конечно, вот что это такое... – Йенс взял со стола толстый том. – Очень любезно с твоей стороны подумать обо мне. Когда увидишь Далласа, передай ему мою благодарность. У меня тут уже побывало несколько человек из нашей съемочной группы, и они рассказали о событиях, происшедших после моего отъезда. Кроме того, я немало прочел об этом.

Йенс указал на книгу, и Барни вопросительно поднял брови.

– Это исландские саги на старонорвежском языке – именно на этом языке они были написаны. Конечно, почти все саги – лишь устные предания, которые двести лет передавались из поколения в поколение, прежде чем были записаны, однако их точность просто удивительна. Я прочитаю тебе отрывок из саги Торфинна Карлсефни и рассказ о гренландцах. Вот: «К концу этого времени было обнаружено множество варваров с юга, затопивших все, подобно реке... они вертели в руках шесты, издавая громкие крики». Шесты, о которых здесь говорится, и были бичами с такими, как эта, штуками на концах.

– Ты хочешь сказать, что Оттар... Торфинн... и все, что действительно случилось с ним, записано в этих сагах?

– Именно все. Конечно, некоторые места опущены и чуть-чуть искажены, но ведь двести лет, пока саги передавались из уст в уста, – долгий срок. Зато путешествие, строительство поселения, нападение индейцев, даже мороженое и бык, напугавший индейцев во время их первого визита, – все это здесь есть.

– А там говорится... что с ним случилось потом?

– Из того, что там написано, ясно, что Оттар вернулся в Исландию или рассказал историю своих приключений другим норвежцам, которые побывали в Винланде. Насчет его дальнейшей жизни существуют различные версии, но все источники сходятся на том, что он стал богатым человеком и прожил долгую счастливую жизнь.

– Я рад за Оттара, он это заслужил. Скажи, а там говорится, вернулась ли к нему Слайти?

– Гудрид норвежских саг? Ну конечно. Я читал заметку об этом в одной из газет.

– Да, несомненно, ее написал не рекламный агент Слайти. Она-де бросает кинематографию ради человека, которого любит, и самого лучшего ребенка в мире и удаляется с ними на ранчо, где водопроводная система не самого современного образца, но тем не менее все очень мило и где совершенно восхитительный чистый воздух.

– Совершенно верно.

– Бедная Слайти! Интересно, имеет ли она представление, в каком месте – или в каком времени – находится это ранчо?

Йенс улыбнулся.

– Ты думаешь, это хоть сколько-нибудь важно?

– Пожалуй, ты прав.

Йенс извлек из книги фотокопию газетной статьи.

– Я сберег это для тебя, надеясь, что ты зайдешь. На нее наткнулся один из моих студентов и решил, что это позабавит меня. Статья, появившаяся в «Нью-Йорк таймс», по-моему, в тысяча девятьсот тридцать пятом году.

– «Заседание прервано в результате скандала, – прочитал Барни. – Заседание конгресса Археологического общества было прервано: два делегата подрались в вестибюле... угрозы судебного иска за клевету... заявил, что доктор Перкинс пытался ввести в заблуждение научный мир, показав собравшимся осколок стеклянной бутылки, который он якобы нашел при раскопках поселения викингов в Ньюфаундленде. Было объявлено, что это обман, потому что такого рода стеклянный сосуд никогда не встречался в северных культурах, для них он слишком хорош и, более того, очень напоминает сосуд, используемый для розлива широко известного сорта американского виски...»

Барни улыбнулся и отдал фотокопию.

– Похоже, что Оттару было нелегко избавиться от пустой посуды... – Он поднялся со стула. – Мне неудобно вот так убегать, но я опаздываю на совещание.

– И еще одна деталь. В сагах то и дело упоминается имя человека, который имел, по-видимому, огромное влияние на развитие норвежских поселений в Винланде. Он действующее лицо каждой саги, он принимал участие в одном или нескольких путешествиях и даже продал Торфинну корабль, на котором тот совершил путешествие в Винланд.

– Ну да, это, должно быть... как его там... Торвальд Эрикссон – тот парень, у которого Оттар купил корабль.

– Нет, у него другое имя. Его зовут Бьярни Херлофссон.

– Все это очень интересно, Йенс, но мне действительно нужно бежать.

Барни уже вышел на улицу, когда вдруг до его сознания дошло, что после двухсот лет устных рассказов имя Барни Хендриксона может звучать именно так.

– Они даже меня туда всунули! – охнул он.

– Проходите, мистер Хендриксон, – сказала мисс Заккер и даже слегка улыбнулась. Она была идеальным барометром, и Барни знал, что его акции в «Клаймэктик» находятся на небывалой высоте.

– Мы вас ждем, – сказал Л. М., когда Барни вошел в кабинет. – Сигару?

Барни положил предложенную сигару в нагрудный карман и кивнул сидящим вокруг стола.

– Ну как, нравится? – спросил Л. М., тыча в голову тигра на стене. – Остальное у меня дома, делают чучело.

– Великолепно, – сказал Барни. – Но мне ни разу не приходилось видеть такого тигра.

Голова была почти в ярд длиной, и два огромных кошачьих клыка, каждый не меньше двенадцати дюймов, нависали над нижней челюстью.

– Это мечезубый тигр! – гордо произнес Л. М.

– А вы уверены, что не саблезубый?

– Подумаешь! Сабля тоже разновидность меча, правда? Эти двое, трюкачи... как их там зовут? Дайте мне список. Они организовали что-то вроде сафари, охоту на первобытных зверей, и «Клаймэктик» получает процент с прибылей без всяких затрат, если не считать, что они пользуются некоторым нашим оборудованием.

– Здорово придумано, – сказал Барни.

– Ну все, – сказал Л. М., постучав по столу своей золотой зажигалкой. – Я человек компанейский, не хуже других, а может, и получше, но пора приступать к делу. «Викинг Колумб» имел потрясающий успех. Мы должны ковать железо, пока горячо, и создать картину, которая имела бы еще более потрясающий успех. Вот почему мы здесь собрались. Как раз перед вашим приходом, Барни, Чарли Чанг заметил, что картины на религиозные темы снова начинают пользоваться спросом.

– Я не собираюсь это оспаривать, – сказал Барни, но тут же вскинулся: – Л. М., неужели вы?..

Л. М. улыбнулся, не слушая его.

– И это, – продолжал он, – наводит меня на мысль о создании самой выдающейся картины на религиозную тему всех времен, картины, успех которой гарантирован.

Билл – герой Галактики

Часть первая

1

Билл так никогда и не понял, что первопричиной всех последовавших событий был секс. Ведь если бы солнце не сияло так ярко тем утром в оранжевом небе Фигеринадона-2 и если бы не сверкнула перед Биллом белоснежная пухленькая попка плескавшейся в ручье Инги-Марии Калифигии, то, надо полагать, он уделил бы больше внимания пахоте, а не насущным нуждам противоположных полов. К тому времени, когда со стороны дороги донеслись манящие звуки музыки, он был бы уже на дальнем конце поля и ничего не услышал бы. Тогда его дальнейшая жизнь сложилась бы совсем иначе. Но он услышал и бросил плуг, который тащил робомул, и повернулся, и разинул рот.

Зрелище и впрямь открывалось фантастически славное. Во главе процессии выступал робот-оркестр трехметрового роста, да еще в высоченном гусарском кивере, венчавшем отменную акустическую систему. Умопомрачительный робот твердо чеканил шаг колонноподобными ножищами, сверкающими золотом, а три десятка его рук виртуозно наигрывали, наяривали и нажаривали на множестве инструментов одновременно. Бравурная заводная музыка оглашала окрестности. Даже деревенщина Билл неуклюже задвигал ногами в деревянных башмаках в унисон сверкающим ботинкам солдат, что маршировали следом за роботом. На широкой груди каждого бравого воина звенели медали, и вид у колонны был, вне сомнения, самый молодецкий. Процессию замыкал сержант во всем великолепии галунов и позументов, знаков отличия и орденских лент, в блестящей кирасе, при мече и револьвере, едва не перерезанный пополам туго затянутым ремнем. Его стальной взгляд остановился на глазающем из-за плетня Билле, жесткие губы искривились в дружеской улыбке, и он едва заметно по-свойски подмигнул. В сопровождении запыленной орды скачущих, ползущих на гусеницах и катящихся на колесиках вспомогательных роботов всех мастей маленький отряд скрылся за поворотом, а Билл неуклюже перелез через плетень и затрусил следом. Интересные события происходили на Фигеринадоне-2 не чаще двух раз в четыре года, и он не собирался пропускать третье.

К тому времени как запыхавшийся Билл появился на рыночной площади, там уже собралась порядочная толпа зевак. Концерт и впрямь был восхитительным. Робот-оркестр самозабвенно исполнил торжественные такты «Марша звездной пехоты», прорубился сквозь «Ракетные раскаты» и едва не разнес сам себя в клочья бурным ритмом «И в аду сапер окоп отроет». Заключительный аккорд он взял с таким жаром, что одна из его ног неожиданно взвилась высоко в воздух, но была ловко подхвачена им на лету, и робот закончил выступление, балансируя на одной ноге, а оторвавшейся конечностью отбивая такт. Когда отзвучало финальное душераздирающее «Форте» медных труб, робот, использовав освободившуюся конечность в качестве указки, направил внимание толпы на противоположную сторону площади, где уже развернули трехмерный экран и палатку с прохладительными напитками. Солдаты неприметно скрылись в кабачке, а лучащийся сердечной улыбкой сержант-вербовщик остался один среди роботов.

– Слушайте, слушайте! – загорланил он зычным командирским голосом. – Выпивка за счет императора, а чтоб не скучать – забойная киношка про дальние края!

Толпа повалила на зов. Билл, само собой, тоже, и лишь несколько пожилых, тертых калачей-дезертиров нырнули в переулок: они-то знали, что к чему. Прохладительные напитки

подавал робот с краном вместо пупка и с неисчерпаемым запасом пластиковых стаканчиков в бедре. Билл смаковал свое питье, всецело поглощенный невероятными приключениями солдат из Космических частей – в цвете и с аудиовизуальной стимуляцией подсознания. Там было все: битва, смерть и неувядаемая слава – хотя гибли только чинджеры, солдаты же отделялись аккуратными симпатичными поверхностными ранениями, которые легко удавалось скрыть марлевыми повязочками. Билл, увлеченно созерцавший красочное зрелище, и подумать не мог, что в то же самое время его увлеченно созерцает сержант-вербовщик Грю, чьи маленькие пороссячи глазки похотливо бегали по ладной фигуре неиспорченного деревенского парня.

«Как раз что надо!» – ликовал сержант и машинально облизывал губы языком, покрытым желтоватым налетом. Он уже чувствовал, как карман оттягивают премиальные за этого ослика.

Толпа на площади состояла в основном из мужичья непризывного возраста, баб-толстух и сопливых ребятишек – материала самого нестроевого. Исключение составлял только вот этот плечистый, мускулистый кусок электроннопушечного мяса. С точностью, свидетельствующей о большом опыте, сержант убавил инфразвуковое сопровождение и направил в кудрявый затылок своей жертвы узкий стимулирующий луч. Билл аж затрясся, вживаясь в грандиозную битву, которая разворачивалась перед его глазами.

Прозвучал заключительный аккорд, экран погас, и робот-бармен забарабанил в свою железную грудь со словами: «Напитки! Напитки!»

Публика, как стадо баранов, повалила на зов, а Билла задержала крепкая рука.

– Глянь-ка, что у меня есть, – сказал сержант и вручил Биллу стакан жидкости, содержащей такое количество подавляющего волю наркотика, что на дно выпал кристаллический осадок. – Ты парень что надо, не чета этим олухам неотесанным! Никогда не задумывался о солдатской карьере?

– Не гожусь я, сержант. – Билл пошлепал губами и сплюнул; казалось, что-то мешает ему выговаривать слова. И с мыслями он никак не мог совладать. Но о его высокой устойчивости свидетельствовал тот факт, что он вообще еще держался на ногах после лошадиной дозы химических и инфразвуковых стимуляторов. – Не гожусь я. Хочу быть мастером в любимом деле. – Билл покачал головой. – Сейчас я заканчиваю заочный курс операторов механических навозоразбрасывателей, ну и...

– Дерьмовая работа для такого парня, как ты! – гаркнул сержант, оценивающе похлопывая Билла по бицепсу. Скала!.. Он с трудом удержался, чтобы не оттянуть Биллу губу и не посмотреть на зубы – успеется еще. – Пускай в навозе копаются другие, тебе там ничего не светит! Зато в армии можно сделать карьеру дай бог всякому! Возьми хотя бы адмирала Пфлюнгера; прошел, как говорится, огонь, воду и медные трубы – от рядового до Великого Адмирала! Что скажешь?

– Ну, я рад за господина Пфлюнгера, но, по мне, навоз куда милее. Да что это меня так в сон тянет? Пойти вздремнуть часок, что ли...

– Только сначала, сделай одолжение, погляди вот сюда, – перебил его сержант, показывая на книжку, которую держал раскрытой крохотный робот. – Встречают, как говорится, по одежке, а большинство моих знакомых постыдились бы показаться на людях в такой жалкой дерюге, что на тебе, не говоря уж о твоих дерьмоступах. На кой черт таскать тряпки, если можно выглядеть вот так!

Толстый палец ткнулся в книжку, и Билл перевел взгляд на цветную картинку, на которой благодаря чудесам техники поставленной на службу дурным целям, красовался он собственной персоной в блестящем красном мундире космического пехотинца. Сержант переворачивал страницы, и с каждой новой мундир становился все более великолепным, украшенным все более высокими знаками отличия. Последняя изображала неотразимую форму самого Великого Адмирала, и Билл недоверчиво заморгал, увидев физиономию, хоть, правда, и морщинистую, и с элегантными, с проседью усиками, но, несомненно, собственную.

– Вот таким ты будешь, когда поднимешься на высшие ступени командования, – прошептал ему на ухо сержант. – Верно, ты хотел бы примерить мундир? Портной!

Билл разинул было рот, чтобы протестовать, но сержант тут же воткнул в него чудовищных размеров сигару, и прежде чем Билл успел ее вынуть, подкатился на резиновых колесах робот-портной, обнял его рукой-ширмой и мигом раздел догола.

– Эй-эй! – пролепетал ошарашенный Билл.

– Это совсем не больно, – заверил его сержант, просовывая за ширму свою большую голову. Он довольно оглядел мускулистое тело Билла, ткнул пальцем в солнечное сплетение (скала!) и ретировался.

– Ай! – сказал Билл, когда портной, снимая мерку, уколол его холодной линейкой.

Через минуту в бочкообразном брюхе робота заскрежетало, и из прорези на груди полез восхитительный красный мундир. В мгновение ока он оказался на Билле, золотые пуговицы застегнулись. Затем пришла очередь парадных бриджей и сверкающих лаком черных сапог. Ошеломленный Билл даже пошатнулся, когда ширма исчезла, а вместо нее появилось большое самоходное зеркало.

– Женщины прямо-таки голову теряют при виде мундира, – сообщил сержант. – И немудрено!

Билл снова увидел перед собой идеально круглые ягодицы Инги-Марии Калифигии, глаза его на миг затуманились, а очнувшись, он обнаружил в своей руке перо и какой-то бланк, услужливо предложенный сержантом.

– Нет! – заявил он, удивляясь собственной твердости. – Не подпишу! Оператор механического навозоразбрасывателя, и все тут!

– Прекрасный мундир и подъемные! Да еще доктор тебя осмотрит совершенно бесплатно! И вдобавок ко всему ты получишь красивые медали! – Сержант открыл плоскую коробочку, поданную роботом. – Вот, например, – сказал он торжественно и приколот к груди Билла нечто напоминающее маленькое, инкрустированное бриллиантами облачко. – Почетный орден храброго новобранца... А вот – Имперский позолоченный поздравительный рог... Звездный крест победителя... Честь и слава матерям polegших героев... Ну и Вечный рог изобилия – если честно, порядочная ерунда, но выглядит внушительно, и в нем можно хранить презервативы.

Он отступил на шаг, чтобы полюбоваться Биллом, украшенным ленточками, побрякушками и блестящими стеклышками.

– Но я... Не-ет! Спасибо за честь, но...

Сержант, готовый к куда более активному сопротивлению, только усмехнулся и нажал кнопку у себя на поясе. Кнопка эта приводила в действие гипнотическую иглу, вмонтированную в подметку сапога новобранца. Неодолимый импульс пронзил Билла... И через мгновение он осознал, что уже поставил свою подпись на листе.

– Но...

– Добро пожаловать в космическую пехоту, парень! – заорал сержант, смачно похлопывая его по спине (скала!) и вытаскивая авторучку из судорожно сжатых пальцев. – Становись! – заорал он еще громче, и солдаты стали выскакивать из бара.

– Что вы сделали с моим сыном?!

С душераздирающим воплем на площадь выбежала мать Билла, одной рукой придерживая объемистый бюст, другой волоча за собой младшего брата Билла, маленького Чарли. Чарли разревелся и замочил штанишки.

– Ваш сын стал солдатом во славу императора! – отрезал сержант и принялся строить в шеренгу сутулых, вислогубых рекрутов.

– Нет! Не имеете права! – В отчаянии мать рвала на себе волосы. – Я бедная вдова. Билл – мой единственный кормилец, он...

– Мама! – вскричал Билл, но сержант запихнул его обратно в строй.

– Мужайтесь, мадам! Нет выше чести для матери... – Он сунул ей в руку большую свежеотчеканенную монету. – Это подъемные – целый новехонький имперский шиллинг. Знаю, его величество рад, что вы его получили... Смир-рно!

Новобранцы неуклюже щелкнули каблуками, расправили плечи и выпятили грудь. К немалому своему удивлению, то же проделал и Билл.

– Напра-во!

Подчиняясь импульсам гипнотических игл, скрытых в подметках сапог, рекруты в едином движении выполнили приказ.

– Шагом... арш!

Колонна тронулась с места. Контроль был столь жесток, что Билл, как ни старался, не мог даже повернуть головы, чтобы попрощаться с матерью. Та отстала, и лишь последний отчаянный вопль донесся, перекрыв грохот солдатских сапог.

– Сто тридцать шагов в минуту! – скомандовал сержант, поглядев на хронометр, вмонтированный под ноготь мизинца. – До посадочной площадки всего десять миль; ночевать будем в лагере!

Задающий темп робот настроил метроном, ноги зачестили, солдаты взмокли. К посадочной площадке подошли в сумерках. Мундиры из красной бумаги висели клочьями, позолота с оловянных пуговиц слезла, отслоилась пленка, защищавшая от пыли сапоги из эрзац-кожи. Грязные измотанные новобранцы чувствовали себя в точности так, как выглядели.

2

На рассвете Билла разбудил не задорный сигнал горниста, а удар ультразвука, от которого сперва затрясся железный каркас его койки, а потом и он сам – причем с такой силой, что из зубов повываливались все пломбы. Билл вскочил на ноги. Стояло лето, и пол в казарме специально охлаждался – в учебно-тренировочном лагере имени Льва Троцкого новобранцев баловать не собирались. Бледные, как привидения, заспанные и озябшие рекруты повскакивали с коек. Выворачивающая внутренности вибрация вскоре прекратилась. Новобранцы поспешно натянули бесформенные комбинезоны из наждачной бумаги, вколотили ноги в огромные красные башмаки и высыпали наружу, под серое предутреннее небо.

– Я здесь затем, чтобы сломить ваш дух! – объявил им жесткий голос. – Понятно?

Они подняли головы и, увидев владыку этого ада, затряслись пуще прежнего.

Старший сержант Сгинь Сдохни был специалистом в полном смысле этого слова – от кончиков остриженных ежиком волос до шипастых подметок начищенных до зеркального блеска сапог. Был он широкоплеч и сухопар, длинные руки будто у какого-то жуткого антропоида свисали ниже колен, а костяшки пальцев на громадном кулачище покрывали бесчисленные мозоли от тысяч зуботычин. Глядя на это порождение ада, нелегко было представить, что появился он на свет из нежного материнского чрева. Нет, не мог Сдохни *родиться*; подобных ему наверняка изготавливают по особым правительственным заказам.

Особо страшное впечатление производила его голова. Одно лицо чего стоило! Узенькая, в палец, полоска лба отделяла щеточку волос от кустистых бровей, нависавших густыми зарослями над черными провалами глаз, о присутствии которых свидетельствовали только красноватые зловещие огоньки в непроницаемом мраке глазниц. Сломанный, свернутый набок нос свисал надо ртом, очень напоминавшим ножевую рану в животе окоченелого покойника. Образ довершали торчавшие из-под верхней губы огромные острые клыки.

– Я старший сержант Сгинь Сдохни. Вы должны меня называть «сэр» и «господин», когда обращаетесь ко мне. – Сержант мрачно прошел вдоль шеренги испуганных новобранцев. – Я ваш отец, ваша мать, ваша вселенная и самый страшный враг. Вы еще пожалеете, что родились

на этот свет! Я растопчу вашу волю. Когда я скомандую «Прыгай!», вы у меня будете прыгать! Моя задача – сделать из вас солдат, то есть научить дисциплине. Дисциплина – это отсутствие свободы воли, абсолютно беспрекословное повиновение и бездумное выполнение приказов. Большого от вас я не потребую!

Он остановился перед Биллом, который трясся вроде бы поменьше, чем остальные, и ухмыльнулся:

– Что-то не нравится мне твоя рожа. Месяц работы на кухне по воскресеньям!

– Сэр...

– И еще месяц за пререкания!

Билл мудро промолчал. Он уже усвоил первый урок курса молодого бойца: «Держи язык за зубами».

Сержант двинулся дальше.

– Сейчас вы просто жалкие куски штатского мяса в штанах, но я превращу это мясо в мускулы, из вашей воли сделаю студень, из ваших мозгов – машины. Или вы станете хорошими солдатами, или я сживу вас со света! Вы еще услышите обо мне всякие истории, например, как я убил и съел новобранца, отказавшегося выполнить мое приказание.

Он остановился и обвел глазами строй. Уголки вурдачачьих губ поползли вверх в дьявольском подобии улыбки. С кончиков выступавших клыков капала слюна.

– Эта история подлинная.

Ответом ему был единодушный стон. Шеренга новобранцев содрогнулась, словно под шквалом ледяного ветра. Улыбка исчезла с лица сержанта.

– Сейчас мы пойдем завтракать, но прежде мне нужны два-три добровольца на легкую работу. Кто из вас водит вертолет?

Двое новобранцев с надеждой подняли руки, и Сдохни велел им выйти вперед.

– Отлично, парни! Берите тряпки, ведра – и в сортир! Пока остальные будут лопать, вы немного приберете. Нагуляете аппетит к обеду.

Это был второй урок для Билла: «Никогда не вызывайся добровольцем».

Началась военная подготовка. Дни летели с отупляющей быстротой, и, как ни странно, с каждым днем новобранцам приходилось все хуже. Хотя, если подумать, иначе и быть не могло: об этом позаботилось много способных, изощренных в садизме умов. Стригли рекрутов наголо, гениталии их красили в оранжевый цвет антисептиком. Еда была с теоретической точки зрения питательной, но на вкус ужасной. Когда по ошибке кусок мяса однажды подали в пригодном к употреблению виде, его тут же выловили из котла и выбросили на помойку, а повара разжаловали в посудомойки.

Среди ночи новобранцев поднимали по учебной тревоге воплем: «Внимание, газы!» – а свободное время занимала подготовка снаряжения. Седьмой день недели отводился для отдыха, но так как каждый успевал заработать какое-нибудь наказание, как, например, Билл, то воскресенье мало чем отличалось от будней.

Билл протиснулся сквозь перекрывающее вход слабое силовое поле, отрегулированное со столь изощренной хитростью, что позволяло кусачим мухам проникать в барак, но наружу их не выпускало, поставил на пол задубелую от пота, грязи и кухонного жира куртку и достал из сундучка электробритву. После четырнадцатичасовой чистки картофеля ноги у него тряслись как в лихорадке, а руки, бледные и опухшие, напоминали конечности добротного вымоченного покойника. В сортире он долго искал участок относительно чистого зеркала. Все зеркала были покрыты вдохновенными надписями вроде: «Держи язык за зубами – чинджеры подслушивают» или «Будешь много болтать – человек в зеркале пропал». В конце концов он сунул штепсель бритвы в розетку рядом с грозным вопросом: «Хочешь, чтобы твоя сестра вышла за

чинджера?» – и всмотрелся в свое отражение. На него глядели налитые кровью, обведенные черными кругами глаза.

Больше минуты Билл елозил жужжащей машинкой по запавшим щекам, прежде чем смысл вопроса дошел до его отупевшего от усталости сознания.

– Нет у меня сестры, – буркнул он сварливо. – А если бы и была, на кой черт ей выходить замуж за ящерицу?

Вопрос был чисто риторический. Однако с противоположного конца помещения, а точнее, из последней кабинки во втором ряду донесся неожиданный ответ:

– Не следует понимать все буквально. Цель лозунга – будить в нас непримиримую ненависть к врагу.

Убежденный, что он в сортире один, Билл подскочил как ужаленный. Бритва взвизгнула со злобным удовлетворением и отхватила клочок губы.

– Кто здесь?! Почему прячешься?

Только сейчас он заметил груды башмаков, сваленных в дальнем углу, и склонившуюся над ней темную фигуру.

– А, это ты, Усер...

Гнев его сразу прошел, и Билл вновь повернулся к зеркалу.

Усердный Прилежник был столь неотъемлемой частью сортира, что его присутствие там просто не замечалось. Этот юноша с круглым, как полная луна, лицом, вечно румяными щеками и с неизменной улыбкой на лоснящейся физиономии так мало подходил к обстановке в учебном лагере имени Льва Троцкого, что первым порывом каждого новобранца было разорвать его на куски. Наверное, так бы и случилось, если бы Усер был в своем уме: только сущий придурок мог так охотно брать на себя работу товарищей и добровольно вызваться постоянно дежурить по сортиру. Мало того, он просто обожал драить башмаки и предлагал свои услуги по очереди всем рекрутам, так что теперь превратился в бессменного чистильщика. Когда взвод расходился по баракам, Усер располагался в своем царстве стульчаков и приступал к развитой уже почти до промышленных масштабов деятельности, с радостной улыбкой орудуя щетками. Гасли лампы, но он продолжал работу при свете горящего в баночке из-под гуталина фитилька, и побудка заставляла его на обычном месте с удовлетворенным видом человека, закончившего очень важное дело. А когда башмаки бывали особенно грязными, Усер вообще не ложился спать. Шариков у него явно не хватало, но его не трогали: ведь он взвалил на плечи кошмарную обузу. Более того, парни буквально молились, чтобы Усер не протянул ноги от истощения, прежде чем кончится курс начальной военной подготовки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.